

ВЕЩАМЪ
КОНАН

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОАДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРГАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН БАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ ВЕЗДЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВАЛДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

«Ветер»

КОНАН

Питер Нейл

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2002

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
Н45

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.12.2001.
Формат 84×108¹/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,00.
Тираж 10 000 экз. Заказ 2433.

Нейл П.

Н45 Конан и тень ветра: Роман / П. Нейл. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 392, [8] с. — (Конан).

ISBN 5-17-012872-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-069-4 («Северо-Запад Пресс»)

Демонические силы не зря пытались воспрепятствовать тому, чтобы Конан-киммериец приехал в Термезан. Но какие тайны может скрывать этот небольшой городок на берегу моря Вилайет? Варвару придется разгадать все его секреты, вступить в битву с могущественным чародеем — и воскресить давно забытого бога.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Пролог Ветер чародея

Тьма опустилась неожиданно, не так, как обычно подкрадывается вечер в этих краях — исподволь, словно запоздавший гость. Сумрак сгустился разом, будто кроны деревьев сомкнулись над головой, образовав непроницаемый шатер, и утоптанная дорога потерялась во мраке, как игла в ткани.

Ни звезд, ни луны. Ни малейшего ветерка, ни звука.

Конан натянул поводья, по-волчьи пригнувшись, втягивая ноздрями запахи притихшего леса. И медленным, осторожным движением, словно опасаясь спугнуть тьму, потянулся за мечом.

Клинок легко выскользнул из ножен, будто тоже чувствовал опасность и предвкушал добрую схватку; и с оружием в руке киммериец вмиг почувствовал себя увереннее. Он озирался по сторонам, тщась не пропустить того неулови-

мого движения, шевеления мрака, что предвещало бы начало атаки.

Ничего.

А затем — разом — хлопанье незримых крыл над головой. Змеиное шипение под копытами — и гнедой тотчас затанцевал, испуганно всхрапывая, вмиг забыв о поводах. Скрип и скрежет со всех сторон — точно вздымалась, дыбилась разломами сама земля, выпуская из недр нечестивое войско...

Сжимая меч, другой рукой сиюсь успокоить разволновавшегося скакуна, киммериец до рези в глазах вглядывался в беспросветную мглу.

— Молнию Крома вам в глотку, ублюдки! — разнесся по лесу его зычный бас. — Что, боитесь встретиться в честном бою? Хватит пугать — я вам не деревенская девка! Решили драться, так выходите!

Окружающая мгла казалась живой — словно там, за пологом мрака, шевелились, клубились, кишели мириады тварей, одна гнуснее другой. Он почти мог ощущать их смрадное дыхание. Чувствовал на себе горящие ненавистью взоры. Слышал, как они перекликаются, готовясь в любой миг ринуться всем скопом на одинокого путника и разорвать его в клочья...

— Выходите на бой, трусы!

Киммериец смог наконец подчинить своей воле коня, и тот стоял смирно, лишь мелко дрожа под седлом. Ладонь, сжимавшая меч, чуть заметно вспотела — ибо нет ничего хуже ожидания опасности. Но он был готов ко всему...

Только не к тому, что произошло в следующий миг.

* * *

Диск луны, полный, с едва заметной щербинкой, заглядывает в стрельчатое окно, такой огромный, что едва помещается в проеме. Цвет его нынче предвещает недоброе — желтоватый с прозеленью, какой маги-прорицатели именуют «больным янтарем» и утверждают, будто он сулит безумие и всяческие беды взглянувшему на него, пусть даже случайно. Все жители города сейчас затворяют наглухо ставни, стараются без надобности не выходить на улицу, а если и погонит нужда за ворота, — натягивают капюшоны и опускают голову пониже, так что непонятно даже, чего они боятся больше: самим ли узреть лунный шар, или чтобы он не заметил их...

И лишь одна пара глаз смотрит на зеленоватый диск пристально, не отрываясь, не моргая. Смотрящий не боится несчастий и уж тем паче — безумия. Алые искорки, мелькающие в глубине зрачков, бездонных, точно два колодца, тому порукой...

Маг восседает в своей комнате, на самом верху башни, которую в городе именуют Черной. — когда, вообще, осмеливаются говорить о ней. Его трон из желтоватых костей огромного ящера увенчан гигантским черепом, злобно скалящим зубы... и усмешка твари точь-в-точь похожа на усмешку хозяина, сидящего в этом чудовищном

кресле. Человек, приютившийся на низенькой скамеечке напротив, испуганно косится на колдуна.

— Мой господин, могу ли я осведомиться... Ваш замысел близок к исполнению? Я прочитал ту книгу, что вы милостиво соизволили дать мне, покорному вашему рабу, но не уверен, что верно понял все, что изложено там.

Чернокнижник кривит бесцветные губы в ухмылке. В пустых глазницах ящера вспыхивает желтоватый огонек.

— Где уж тебе понять... глупец. Тебе неведомы таинственные созвучия мироздания, и струны небесных тайн не дрожат под твоей рукой. Радуйся же, что рядом с тобой тот, кому доступны все эти секреты! Возможно, когда-нибудь я научу тебя...

— О, ни о чем я не мечтаю так, как об этом мгновении, повелитель!

Щелчком тонких, иссохших пальцев маг зажигает пламя в светильнике, и зеленоватое свечение озаряет комнату. Однако теперь, в этом свете, ученик замечает, что с господином его как будто творится неладное.

Иссиня-черные тени залегли под бездонными глазами, глубокие складки прочертили высокий лоб... В иное время он, возможно, и не осмелился бы задать вопрос наставнику, однако сегодня — особый день.

Повелитель впервые сообразовал посвятить недостойного раба своего в часть Великого Замысла. Поведал ему о том Ветре, что пронесется

вскорости над миром, и о Тени этого Ветра, что накроет собою всю землю.

Никто иной как маг, его учитель, намерен призвать Темный Ветер, и именно он станет владыкой сей неизмеримой силы... А он, ничтожный ученик, будет рядом, совсем рядом, жадно припадет к Источнику, упиваясь неземной мощью — если только никто не помешает этому грандиозному плану. Так почему же встревожен колдун?

— Мой господин... осмелюсь ли я отвлечь вас вопросом? Нынче вечером, когда вы явили мне гадание на крови, и луна гляделась испуганно в чашу с дымящейся влагой... что за рябь вдруг прошла по ней, и почему так нахмурилось ваше лицо? Не означает ли это каких-то незваных преград и помех нашим замыслам...

— Моим замыслам, раб. Моим!

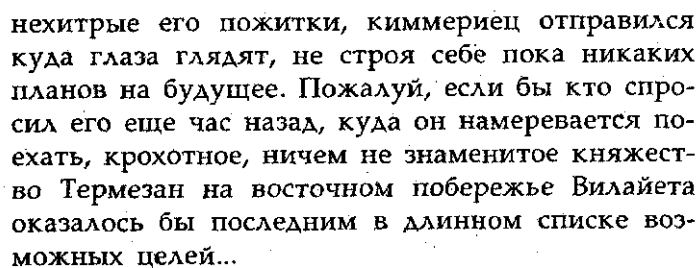
— О да, да, повелитель, простите меня!

Маг помедлил. Уголки губ его опустились, и иссохшая пергаментная кожа вдруг еще более натянулась на лице, делая его похожим на череп. Внезапно он решил.

— Однако ты прав, червь. Меня гложет тревога. Я и впрямь усмотрел некое препятствие своему плану. Совсем небольшое, ничтожное, и все же...

— Но что это может быть? Разве не подвластны вашей воле все силы земли и небес? Разве может хоть что-то помешать вам, мой господин?

Колдун зябко повел костистыми плечами и сморщился.

— Я сам выбираю свой путь! И не тебе, мужское отродье, отдавать мне приказы!

Рой вновь смялся комом, загудел надсадно — и северянин уже решил было, что еще немного — и вся эта масса ринется на него в атаку... решившись дорого продать свою жизнь, он с яростным криком вскинул меч.

— Будь ты проклята, тварь! И тот, кто послал тебя! Боги даровали человеку право идти туда, куда он пожелает — и ты не заставишь меня свернуть с дороги!

Отвратительный жирный рой вместо ответа устремился в атаку с низким насадным гудением... как вдруг, словно бы натолкнувшись на некую незримую преграду, рассыпался бесформенной тучей.

Конан не верил собственным глазам. Он не знал, что за сила защитила его... возможно, упоминание о богах. Он с ненавистью оглядел рой насекомых, ожидая, что те вновь перейдут в нападение.

...Но вместо этого шершни вновь образовали фигуру. На сей раз — одно лицо, отдаленно напоминавшее человеческое.

Когда оно заговорило, между жирных колышущихся губ даже мелькнул язык. Тонкий и раздвоенный... Конана едва не стошнило от отвращения.

— Я запрещаю тебе еххххать в Террррмез-ззанннн, слышшииинишь? Пожжжжалееишь...

И в то же мгновение рой распался. Черные шершни устремились прочь, скрываясь в крошечном мраке.

Конан остался один на лесной тропе. Исчезла удушающая тьма, обратившись самым обычным вечерним сумраком. Кажется, даже еще солнечные лучики проглядывали между деревьев, вмиг утративших свой грозный, зловеющий вид...

Конь нетерпеливо переступал ногами, торопясь покинуть скверное место и, похоже, недоумевая, почему же хозяин продолжает натягивать поводья. А киммериец невидящим взором смотрел в лесную чащу. Черные брови сошлись на переносице. Глаза были холоднее гиперборейского льда.

«Запрещаю ехать в Термезан», — сказала тварь. Вот погань!

Ну, нет, никто еще за всю жизнь киммерийца не мог силой или угрозами заставить его повиноваться. И уж тем более не собирался он уступать подлому колдовству!

Угрозы северянин на дух не переносил. А когда его пытались запугать — о, это еще никогда не

сходило обидчикам с рук! Не стерпит он и на сейраз!

Так вот. Теперь у него просто не осталось иного выхода. Он поедет в Термезан, отыщет того, кто пытался запугать его — и поквитается с ним!

Уверенно развернув коня, киммериец направил его на восток. К Термезану. Городу, куда звала его Судьба.

* * *

— Вы преуспели в своем замысле, мой господин?

Маг молчал очень долго. Лицо почернело — то ли от ярости, то ли усталости, вызванной трагедией колдовских сил.

Наконец, словно пробудившись от ведовской дремоты, он вскинул голову, и в темных, как болотные заводи, глазах вспыхнул зеленоватый огонек.

— Не знаю... Похоже, что-то прошло совсем не так, как я рассчитывал. Слишком велико было расстояние — мне попросту не хватило мощи. Или вмешался кто-то еще... Я не вполне уверен. — Он скрежетнул зубами. — Но ничего, пусть он едет сюда. Пусть. Пусть попробует! Темный Ветер сметет и его, и всех этих жалких людшек, что осмелятся встать у меня на пути. Пощады не будет никому!

Точно зачарованный, ученик некроманта взирал на своего наставника, почти физически ощу-

щая мощные волны колдовской силы, исходящие от него.

О, замысел господина поистине велик, и он, его жалкий раб, — воистину, счастливейший из смертных, что ему посчастливилось оказаться рядом, присутствовать при величайшем из свершений.

Истинно сказал господин, — никто и ничто не сможет помешать им. А если попробуют — пусть поостерегутся!

— Ваш бог непременно защитит вас, учитель. Если позволите, завтра я вновь принесу ему в жертву дымящейся алой влаги — сока жизни. Кровь... вы сами учили меня, что это лучший дар Иным Силам! Ваш бог поможет вам! Вам доступно все в этом мире, и нет ничего такого, с чем вы бы не справились, я уверен!

Несмотря на тревогу, омрачавшую его чело, чародей польщенно усмехнулся перед лицом столь безграничной веры.

— Он прихотлив, мой бог. Но кровь сделает его снисходительным... Я исполню это. Завтра, когда буду служить Ему. Ибо Ветер — на нашей стороне, и он несет нас на своих темных крылах, и полет его невозможно остановить. Мы преуспеем!

— А этот человек?... Тот, что помеха нашим планам...

Колдун небрежно махнул рукой, и пламя в светильнике испуганно заметалось, отбрасывая длинные кривые черные тени на каменные стены.

— Я передумал. Пусть приезжает и исполнит то, что должен. Возможно, это и к лучшему. Я найду ему применение в своих планах. А когда наконец все будет исполнено... он не уйдет от гнева Ветра!

Глава 1

Гнев правителя

ермезан оказался совсем не таков, каким ожидал его увидеть Конан. Варвару, привычному к роскоши и неге туранских городов, сперва все здесь казалось унылым и отвратительным, — грязные кривые улочки, истошные вопли торговцев, пытающихся завлечь в свои обшарпанные лавчонки редких покупателей, обилие дикарей-гирканцев, не утруждавших себя соблюдением даже самых элементарных правил поведения в городах...

В какой-то момент северянину даже пришлось на ум, что, на самом деле, тварь, предупреждавшая его держаться от Термезана подальше, желала ему исключительно добра. Порядочному искателю приключений нечего было ловить в этом жалком захолустье!

И все же ему улыбнулась удача. Случайный знакомец, с которым Конан свел дружбу в та-

верне, помог ему завербоваться в городскую стражу. После чего последовало нападение разбойников с Запорожки, по непонятной причине забредших на диво далеко от привычных мест охоты.

Выделиться в драке и быть замеченным королевским полководцем оказалось для северянина проще простого... Вот когда пригодился его немалый боевой опыт, знание тактики разбойничьих шаек и боевая удаля.

Карьеры во время войны всегда делаются стремительно... Для тех, кто этого достоин, разумеется. Не прошло и месяца, как северянин стал одним из приближенных Тубра, возглавлявшего армию Термезана.

А буквально через несколько дней случилось совсем уж неожиданное. Старого вояку ранило шальной стрелой. Лекари-коновалы не досмотрели, и рана загноилась. Ерундовая, в общем-то, царапина повлекла за собой лихорадку и болезнь, именуемую в этих краях «черной кровью», и полководец угас за считанные часы, до последнего не переставая громовым голосом проклинать всех богов, целителей-шарлатанов, разбойников и весь мир.

И назначил Конана своим преемником...

Сказать, что придворных это изумило — было бы не сказать ничего. Имелось немало таких, кто метил на место Тубра... Однако король решил по-другому.

— Я доверял своему полководцу всегда, до последнего дня, — объявил правитель. — Не ви-

жу, почему бы мне и в этом не прислушаться к мнению человека, отстоявшего для меня трон и королевство?! Пусть будет так, как решил Тубр! Не сомневаюсь, он желал мне только добра...

Неожиданная удача... И северянин постарался оправдать столь высокое доверие.

Довершив разгром разбойников, он тут же двинулся в поход на племена диких гирканцев, обитавшие близ Термезана. Удар был столь молниеносным и мощным, что в считанные дни войску киммерийца, не столь уж и большому, удалось захватить значительные территории.

Нечего и говорить, король был вне себя от радости. Почести и подарки посыпались на молодого полководца сверх меры.

Теперь он мог преспокойно почивать на лаврах и наслаждаться жизнью, — то есть вволю кутить в кабаках, ездить на охоту, веселиться с разудалыми боевыми товарищами и веселыми девицами, на все готовыми ради таких славных молодцов...

И жизнь эта могла бы, казалось, идти так до бесконечности... Конан напрочь выбросил из головы все недобрые предчувствия и воспоминания о странной встрече на дороге, ибо не в обычаях сына суровой Киммерии было зря терзаться над загадками мироздания, когда можно радоваться жизни в собственное удовольствие, да еще и деньги нге переводятся в карманах, и дорогое вино течет рекой...

Однако действительность, как водится, вновь поспешила грубо напомнить о себе. Беззаботное

существование завершилось в одночасье. Да так, как варвар и предположить себе не мог. И оставалось лишь гадать, откуда и чьей злобной рукой нанесен этот подлый удар...

* * *

Конан стоял с опущенной головой, стараясь ничем не обнаружить охватившую его ярость. Упершись взглядом в каменный пол, он смотрел на черно-белый узор, образованный плитками. Конана трясло от злости, но король Сенхор был разъярен до такой степени, что Конану даже не хотелось поднимать голову, чтобы посмотреть, не хватила ли старого короля кондрашка. Он представил себе, что обычный багровый цвет королевского лица наверное сейчас превратился в лиловый.

В тронном зале было холодно. Толстые каменные стены не пропускали наружного тепла даже в жаркие летние дни. Длинные боковые стены зала обрамляли два ряда массивных каменных колонн. Их подножия покрывала резьба, изображавшая стилизованные виноградные листья. Верхушки были богато украшены резными фигурами листьев аканфа. Карниз, напротив, вообще не имел никаких украшений. В каждом углу зала был поставлен громадный камин. И они не простаивали без работы.

Трон строители поместили на ступенчатую пирамиду, занимавшую две трети зала. Кроме этого в зале ничего не было. Только на стенах в

разных местах были развешаны старое оружие и знамена Сенхоровых предков.

— Ты думаешь, что если тебе удалось победить в двух битвах за последние три месяца и тем самым увеличить размеры моего королевства, то теперь тебе можно безнаказанно бесчестить дам королевского двора? — кипятился король.

Он сидел на резном деревянном троне, выполненном в форме дракона, крылья которого защищали сидящего короля с боков. Когти дракона служили опорой для его высохших старческих рук. Эти руки сейчас тряслись от негодования и тощие костлявые пальцы впивались в поручни трона, так что казалось, что треснут либо поручни, либо кости. Король разъяренно фыркал, так что брызги слюны долетали до третьей ступени под тронном, едва не доставая стоящего там Конана. Самого молодого полководца во всей термезанской истории.

— То, что ты обесчестил дочь придворного мага, мне не так уж важно, но то, что ты сделал то же с моей собственной дочерью, этого я тебе не прощу! Она беременна! Если ты рассчитывал, что благодаря этому ты станешь моим наследником, то ты просчитался! Чтобы какой-то бродяга... — король даже захрипел от ярости.

Конан удивленно взглянул на него. Не то чтобы у него была совершенно чиста совесть по поводу отношений с придворными дамами, но бросить взгляд на принцессу он еще не дерзнул. Дочь мага, известную не только своей красотой,

но и наличием мстительного папаша, ему удалось увидеть раза три. Да и то при этом всегда присутствовали несколько придворных дам или кавалеров.

Конан незаметно расправил мускулы и огляделся вокруг. Прямоугольный тронный зал был пуст, хотя мускулистый гигант не мог ручаться за то, что кто-нибудь не скрывается за колоннами, подпирающими сводчатый потолок.

Он мельком взглянул на несколько овальных окон, пропускающих в зал скудный свет, и то лишь когда снаружи на безоблачном небе светило солнце. Столь мощны были стены королевского замка.

— Прикажу тебя казнить! — король вне себя стучал кулаками по поручням трона.

— Мой повелитель, — прошелестел в зале чей-то голос. Конан вздрогнул от невольного чувства холода.

Он снова огляделся и к своему бесконечному удивлению увидел королевского чародея Сунт-Аграма, который сидел на одной из боковых ступеней тронной пирамиды. Высокая костлявая фигура скорчилась на неудобном сиденье, закутанная в синий плащ, по которому тянулись расширяющиеся сверху вниз желтые полосы.

— Мой повелитель, не хочу вам противоречить, — продолжал чародей, — но думаю, что это было бы неуместно. В армии любят этого грязного бродягу...

Конан посмотрел на свою одежду. Таких прекрасных кожаных штанов, белой присборенной

рубашки, украшенной кружевами, высоких сапог мягкой кожи у него в жизни не было. И небесно-голубой плащ под цвет его глаз мог соперничать с облачением любого туранского модника. Он, который никогда не тянулся к красивой одежде и сейчас носил ее по принуждению и по обязанности дворцового этикета, был обозван «грязным»...

Он нахмурился, но промолчал. Гнев в нем бушевал, но его удерживал тонкий слой *цивизованности*, которым его покрыло пребывание в развитых странах. Варвар посчитал для себя недостойным вмешиваться в разговор этих двоих. Пока.

— Думаю, что было бы выгодней, — чародей с шипеньем втянул воздух, и Конану показалось, что там сидит не человек, а какое-то подобие змеи. — Было бы выгодней изгнать его из нашей страны. За эту милость он должен будет дать слово, что никогда не вернется в наше королевство. А мы можем объявить...

Дальше Конан чародея не слышал, хотя напрягал слух как мог.

Оба собеседника о чем-то потихоньку спорили. Королю предложение не нравилось, но затем он согласился с планом чародея.

— Даю тебе один день на то, чтобы ты исчез отсюда, — захрипел все еще раздраженный король. — Если тебя поймут после завтрашнего полудня, это будут последние минуты твоей жизни. Не знаю, почему мой милый Сунт-Аграм так за тебя заступается... Видимо, в этом заклю-

чено какое-то колдовство, полезное для нашей земли...

Конан успокоился. Необходимость пробивать себе дорогу из королевства мечом исчезла. Хотя он был готов к этому. Конан склонил голову и учтиво приложил грань ладони ко лбу. Этим жестом он попутно стер капли пота, оросившие его лоб даже в таком холодном помещении, каким был тронный зал. Это был пот ярости и готовности к бою. Ему было ясно, что путь на свободу не был бы для него простым. В то же время и оба собеседника знали, что арест молодого полководца, который уже неоднократно проявил на королевской службе свою храбрость и воинское умение, был бы непростым делом.

— Можешь идти, — благосклонно кивнул король, но с его лица не сходила синева бешенства. — И беда тебе, если где-нибудь попытаешься похвастаться своими грязными делами.

Конан выпрямился и мягко, как большая кошка, отступил по скользким плиткам. Возле двери он остановился и еще раз бросил взгляд на зал, где провел много приятных минут в пирах и развлечениях.

* * *

Он сел на коня, которого ему слуга вывел из конюшни. Перед седлом он перебрал два связанных мешка. Затем похлопал гнедого по шее и направил его к воротам. Еще раз оглянулся на королевский дворец. Мощный свод над входом

казался тяжеловесным. Зато сдвоенные арки второго этажа должны были нравиться каждому. Он внимательно взгляделся в аркаду второго этажа, не видно ли какой-либо из придворных дам, но там было пусто. Потом приоткрылось окно на третьем этаже и в нем показалась рука с белым платком. Конан удовлетворенно улыбнулся.

Он проехал маленькой калиткой, которую охраняли два воина. Они вытянулись, увидев своего командира.

«Наверное еще не знают, что я уже не команду», — ухмыльнулся про себя Конан.

Он почесал затылок и натянул поводья своего коня. Хотелось есть. Он задумался над проблемой, наестся ли где-нибудь в городе или искать еду по дороге к границе.

Конь между тем не спеша спустился с пригорка, на котором король выстроил свой дворец, и направился улочкой Доброй Воды по направлению к площади.

* * *

Город Термезан был в то время одним из самых больших городов на восточном побережье Вилайета. Он располагался между Суваром и рекой Домар. Он не был старым. Король Гедеор, дед нынешнего властелина города, построил его лет шестьдесят назад, после того как победил в нескольких битвах хозяев окрестных городов-королевств и образовал новое государство. Правда, в таком состоянии оно просуществовало недолго.

го, начав распадаться уже во время правления его сына.

Только когда на трон вступил Сенхор уменьшение Термезана прекратилось. Юноша показал себя способным королем, но с течением времени и на нем проявились признаки старости, и он начал искать опору в религии.

Чародей Сунт-Аграм появился в городе больше семи лет назад. Его быстрая карьера вызвала недовольство многих людей, но он на это не обращал внимания. Его власть была достаточно велика, чтобы не обращать внимания на такие мелочи. Его враги очень быстро оказались перед выбором: продолжать ли отважно демонстрировать свою неприязнь или начать кланяться подобно всем остальным жителям города.

* * *

Конан еще раз похлопал своего коня по загривку и пробурчал:

— Значит, ты решил за меня. Ладно, уедем завтра рано утром. А пока остановимся в трактире «Золотой Дракон». Не в первый, но определенно на некоторое время в последний раз.

Он выехал на квадратную площадь, на которой выделялось трехэтажное здание, принадлежащее первому королевскому советнику.

В углу напротив этого, пожалуй, самого роскошного дома в городе, стоял двухэтажный трактир, который Конан хорошо знал. Копыта звонко цокали по мощеной камнем площади, и Ко-

нан широко улыбался. Королевский гнев и последовавшая отставка, так же как и неприятные воспоминания о чародее были похоронены где-то глубоко в душе варвара. Теперь он видел перед собой только вкусную еду и доброе питье, и этого пока было ему довольно.

Подъехав к дверям, он соскочил с коня. Меч, висевший в ножнах на боку, легонько звякнул. Перекинув выючные мешки через плечо, он передал узду прислужнику, появившемуся бог знает откуда, и вошел в трактир.

Уже наступил полдень, и по этому поводу двери в большой зал были распахнуты настежь. Конан приостановился, размышляя, не стоит ли ему выбрать кабинет для важных гостей, но потом махнул рукой. Он уселся на скамью у огромного стола и с глубоким вздохом оперся спиной о стенку.

Он с удовольствием закрыл глаза, но как только в зале появился трактирщик, уверенно рявкнул:

— Я хочу поесть и выпить!

— Вы поедете дальше сразу же или спустя некоторое время? — склонил перед ним голову маленький, но довольно толстенький мужичок. Его круглый животик свешивался через пояс, удерживающий короткие штаны до колен, из-под которых были видны ноги, покрытые узловатыми венами.

Конан развязал шнурок на плаще, сбросил его с себя и пристально посмотрел на трактирщика:

— А тебе какое дело! — возмутился он. — Давай еду на стол! Я голоден! Когда захочу, тогда и уеду. А когда это будет, не твое дело!

— Господин, — поклонился трактирщик, — но я должен вам пояснить...

Он весь съежился под яростным взглядом Конана. Гигант потянулся к мечу, наполовину вытащив его из ножен.

— Если вы задержитесь хотя бы до ужина, то я должен буду приказать заколоть несколько животных, чтобы вам не пришлось долго ждать, — поспешил объяснить свои слова трактирщик. — Но если...

Конан улыбнулся и позволил мечу скользнуть обратно в ножны.

— Наверное, я задержусь здесь, — сказал он. — Но самое позднее завтра утром я уеду, и рассчитывай на то, что надо будет приготовить еды в дорогу. Ну, хватит болтать, — стукнул он кулаком по столу, — живо неси чего-нибудь выпить.

— Несу-несу, — подскочила к нему дочь трактирщика, которая вовсе не походила на своего отца. Она была стройная и высокая. Ее милое личико давно привлекало Конана, но пока он еще не нашел для нее времени. И по-видимому уже не найдет.

Поставив перед ним оловянный, богато украшенный бокал, она налила в него красное вино из высокого глиняного кувшина. Потом осторожно поставила кувшин на стол.

Конан, схватив бокал, залпом выпил его.

— Неплохо, — удовлетворенно фыркнул он, поставив бокал на крышку стола, и провел по столу рукой. — У вас новые столы? — его удивила гладкая поверхность стола, с которой в трактирах встретишься не часто. — И давай, налей мне еще! — приказал он.

Она наливала, с восторгом глядя на его могучие мышцы, которые так и играли под кожаной рубахой, которая виднелась из-под плаща.

— Нет, не новые. Нам пришлось обстругать их, потому что здесь позавчера убили чужеземца. Он вступил в ссору с вашим капитаном. А кровь его впиталась в дерево...

— Ага, — пробормотал киммериец, вспомнив об этом случае.

Девушка исчезла, и Конан глубоко задумался. При этом он, однако, не забывал подливать себе, и вино в кувшине быстро убывало. Прежде чем он допил следующий кувшин, он съел фазана, кусок окорока дикого кабана и еще одного фазана.

* * *

— Убирайся, коротышка, — прозвучал на весь трактир звонкий голос.

Конан, подняв глаза, увидел, что через два стола от него стоят друг против друга двое мужчин. Первый, высокий стройный и светловолосый, одетый в темно-красные штаны и белую присборенную рубашку, размахивал кулаком перед носом маленького, плотного, можно даже

сказать, толстого моряка. На том был обычный костюм морского офицера — присборенные полосатые брюки и кожаная куртка на голое тело. Она расходилась впереди и из-под нее выглядывал толстый живот.

Конан взглянул в окно, к его удивлению на улице уже стемнело. Помещение освещало множество факелов.

— Ты воняешь! Я не буду сидеть с тобой за одним столом! — кричал блондин.

Моряк мгновенно схватился за свою короткую кривую саблю.

— Господин привередлив, да? — процедил сквозь остатки почерневших зубов офицер. — Он не будет со мной сидеть? И не будешь! Потому что тебя отсюда вынесут вперед ногами, это так же верно, как то, что меня зовут Дершан! — ревел моряк.

— Это ты так думаешь, — крикнул блондин и вытащил из ножен длинный тонкий меч, чем-то напоминающий своего владельца.

Конан улыбнулся про себя.

«Если бы я взял что-нибудь похожее в руку, то я даже не почувствовал бы, что в моих руках оружие», — подумал он.

Посетители мгновенно оттащили столы в сторону, и в течение нескольких минут было расчищено достаточно большое пространство, где соперники могли спокойно свести счеты.

Клинки зазвенели, столкнувшись. Конан удобно оперся о стену и с бокалом в руке следил за поединком.

У моряка было явно больше силы, но зато блондин гораздо лучше разбирался в технике и его длинный тонкий меч создавал перед ним практически непробиваемую серебристую преграду.

Он играл со своим соперником, как лев с раненой антилопой. Моряк потел и наседали на своего соперника, как будто бился в закрытую дверь. Резким ударом отбросив противника от себя, он занес руку назад и вытащил из-за пояса длинный кинжал. С этого момента стройный дворянин оказался в менее выгодном положении.

Конан улыбнулся, теперь, наконец, это стало похоже на интересный поединок. Он сделал большой глоток и снова наполнил бокал.

Вдруг он заметил пожилого моряка, который потихоньку и незаметно перемещался за спиной зевая в тыл блондину. С другой стороны таким же манером заходил другой моряк. Конан удвоил внимание. В этот момент блондин попал мечом в лицо моряка. Он глубоко рассек кожу и кровь потекла у моряка с лица на шею. Толстяк тыльной стороной руки провел по лицу и одним глазом взглянул на кровь, которую размазал по руке.

— Ты мне заплатишь за это, — прошипел он и резким движением метнул в блондина кинжал.

Тот грациозно согнулся в поясе, уклонившись от летящего оружия. Кинжал, переворачиваясь, продолжил свой полет в воздухе, и со свистом

вонзился в деревянную панель стены. Конан лениво потянулся к нему, взялся за рукоятку и резким рывком вырвал его из доски.

Младший из моряков взглянул на Конана и выражение, которое он увидел в глазах киммерийца, заставило его исчезнуть из комнаты.

Другой, постарше, наконец-то пробрался за спину сражающегося блондина и пробивал себе дорогу в первый ряд зрителей.

Неровный круг наблюдателей, который был разомкнут как раз у стола Конана, передвигался одновременно с движениями соперников. Все в Термезане знали Конана, и никто не осмеливался встать так, чтобы закрывать ему сцену. Сейчас киммериец поднялся. Он был выше всех как минимум на целую голову, так что обзор ему открывался превосходный.

Только теперь он заметил, что пожилой моряк сжимает в руке массивный кинжал. В этот момент блондин должен был отступить перед натиском офицера и тем самым попал в поле досягаемости второго моряка. Рука того медленно и незаметно поднялась. Не зная Конан этого заранее, он бы, наверное, этого не заметил. В ту минуту, когда рука моряка, сжимающая кинжал, замахнулась за спиной блондина, мелькнула и правая рука Конана со вторым кинжалом.

Оружие просвистело в воздухе, перевернулось в полете и таким образом не попало в свою цель так, как это задумал Конан. Лезвие кинжала слегка поцарапало моряку плечо, а рукоятка,

продолжив движение, ударила его в висок. Моряк, тихо захрипев, свалился на землю. Вокруг него мгновенно образовалось свободное пространство.

Дерущийся офицер на минуту остолбенел, это использовал блондин и пронзил его правую руку так глубоко, что в ране показалась кость. Сабля выпала из руки моряка на пол, он схватился за руку, из которой хлестала кровь, здоровой рукой.

Блондин продолжал занимать фехтовальную позу. Моряк, качаясь, отошел к двери, где им занялся третий моряк, который пару минут назад исчез из комнаты.

Трактирщик заорал:

— Оттащите кто-нибудь эту пададь, — показал он на моряка, лежащего без сознания. — Проклятое отребье, испортить такой прекрасный вечер!..

— Налей всем за мой счет, — крикнул блондин, который как раз собирался сесть за свой стол.

Он стер со лба пот, вытер меч и сделал глоток из своего бокала. Потом снова встал и подошел к столу Конана. Склонившись к сидящему гиганту, он спросил:

— Можно предложить вам кувшинчик в благодарность за оказанную помощь?

— Не вижу причины, по которой я мог бы отказаться, — пожал плечами киммериец.

Служанка поставила на стол Конана пузатый кувшинчик с вином.

Конан снова перестал интересоваться окружающим. Светловолосый ушел за свой стол и продолжил заниматься своими делами. Вечер в трактире продолжился, как обычно, и завсегда-таи вскорости позабыли о случившемся.

Глава 2 Ловушка

Время уже подошло к полуночи, когда Конан наконец оторвал взгляд от стола и кувшина. Трактир был полон разнообразных посетителей. В дружной беседе здесь сидели богатые горожане, обедневшие дворяне, главари воровских шаяк, сутенеры. Среди них лавировали стайки женщин всевозможных фигур, размеров и возрастов.

Под высоким потолком витал дым от факелов, освещавших все помещение. Клубы дыма растворялись очень медленно. Не помогала даже открытая дверь. На улице было тепло, поэтому тянул лишь слабый сквозняк.

Конана просто поразило, как изменилась атмосфера в трактире за то время, что он не замечал окружающего. Помутневшим взором он ози-рался кругом. В голове было пусто. Он все еще не решил, когда поедет дальше и в каком на-

правлении отправится. Запрокинув голову, он сделал такой огромный глоток, что даже стукнулся головой об стенку и громко захохотал.

— Пусть лошади думают, у них голова больше, — повторил он излюбленную поговорку короля Сенхора.

Он стукнул кулаком по столу. На этот тонкий намек к нему подбежала девушка со следующим кувшином. Конан краем глаза взглянул в окно и подумал, что у него еще есть время, прежде чем он покинет милый город Термезан.

— Господин, — прошелестел рядом с ним тихий голос, — не угодно ли хорошенькую девочку?

Конан наклонил голову набок, непонимающе оглядываясь вокруг в поисках источника странного голоса. Возле его стола стоял карлик, ростом едва превосходящий крышку стола.

— Ты думаешь, что мне нужна для этого помощь такого... — рявкнул гигант.

— Я вхож во многие интересные дома, — не оставляя его в покое коротышка.

Конан уставился на него внезапно прояснившимися глазами.

— Куда?

— Для тебя, мой господин, нужно что-то действительно... — он делал вид, что глубоко размышляет. — Что ты скажешь о дочери начальника монетного двора? — с любопытством взглянул он на киммерийца.

— А из придворных у тебя никого нет? — поинтересовался Конан.

— Таких высот, мой господин, даже мои связи не достигают, — погрузстнело лицо лилипута. Он тут же перестал интересоваться Конана.

— Проваливай! Убирайся отсюда или я... — он поднял свою огромную ручищу.

Коротышка не медлил. Он подбежал к открытой двери трактира и исчез в черной тьме. Несколько посетителей за ближайшими столами засмеялись, а потом снова занялись своими бокалами.

«А почему, собственно, я должен уезжать отсюда?» — размышлял Конан над бокалом вина. «Здесьняя стража ни к черту не годится. Они меня не схватят, даже если будут из шкуры вон лезть... А мои солдаты? Они против меня не пойдут», — с чувством гордости думал про себя киммериец.

Но затем он вспомнил шелестящий голос чародея, звучащий со ступеней трона. Конан никогда не верил в силу чар, он всегда отдавал предпочтение крепким кулакам и доброму мечу, но в своей полной приключений жизни он уже все-таки несколько раз столкнулся с вещами, с которыми уже не хотел бы никогда встретиться. Разве что это было бы совсем неизбежно.

Он махнул рукой трактирщику, опиравшемуся о притолоку широких дверей в кухню и орлиным взглядом наблюдавшему за происходящим в зале.

Он следил за тем, чтобы ни один посетитель не покинул его заведение, не рассчитавшись сполна. Широкий взмах руки Конана он заметил

мгновенно и тут же поспешил к нему. Он знал вспыльчивого киммерийца и понимал, что если будет медлить, то или не получит платы вообще или его заведению может быть нанесен ущерб, который намного превысит цену полученной посетителем еды и вина.

Глубоко кланяясь, он сгребал со стола сразу два золотых. Он чуть ли не подметал перед Конаном дорогу на грязном и заплеванном полу. Не обращая на него внимания, киммериец проследовал к задней двери, чтобы поскорее попасть в конюшню.

Он набросил седло на своего могучего боевого коня и хорошенько закрепил его. Проверил оба мешка, не исчезло ли что-нибудь. Все было на своем месте, кто-то даже заботливо наполнил кожаную флягу для вина.

Конан удовлетворенно ухмыльнулся.

«Все-таки неплохо пользоваться авторитетом», — промелькнуло в его голове.

Он внимательно проверил меч, укрепленный сейчас на спине и уже собирался вскочить на коня, как через открытую дверь услышал шум, доносящийся из трактира. С уздечкой в руке он подошел к двери и осторожно заглянул внутрь.

У главного входа стоял высокий, массивный вооруженный воин, весь в темной коже. Только на плечах, груди и пупке сверкали небольшие серебряные украшения. В руке он держал длинный тонкий меч.

— Что здесь делает Тевонидис? — пробормотал себе под нос Конан.

Мужчина что-то настойчиво требовал от трактирщика, схватив того за ухо и изо всех сил тормоша его.

Упитанный мужичок пытался подняться на цыпочки, чтобы не лишиться украшения своей головы, но ему это не очень-то удавалось. Он скулил от боли и поэтому не был способен на сколько-нибудь вразумительный ответ.

— Так он где-то здесь или его нет, — заорал Тевонидис так, что пятеро солдат, сопровождавших его, отступили на шаг назад.

Ответом был тонкий писк трактирщика. Даже такой тупица, как Тевонидис, понял, что должен сначала отпустить его, если хочет дождаться хоть какого-нибудь ответа. Он вытер руку в перчатке о стол, как будто ухо трактирщика было грязным. Что было, наверное, правдой, но Тевонидис был нисколько не чистоплотнее его. Он только использовал больше духов. Трактирщик держался за порванное ухо и из-под его руки вытекал тонкий ручеек крови. Он тихонько полизывал.

— Так он где-то здесь или его нет, — снова проорал Тевонидис, протягивая руку ко второму уху трактирщика.

Тот снова запищал, точно пойманный цыпленок, и отчаянно замахал рукой, показывая на задний вход.

Дальше Конан уже не медлил, он вскочил на коня и направился к городским воротам. Ему пришлось уклониться от двух патрулей, которые он, к счастью, вовремя заметил.

* * *

Ворота высотой с трех рослых мужчин были закрыты и кроме того заперты тяжелым окованным бревном. Гигант критически осмотрел его массивную оковку, которая, хотя и не была очень красива, но делала его таким крепким, что и хорошо вооруженным врагам пришлось бы как следует потрудиться, чтобы выбить его. Киммериец спрыгнул с коня и обошел низкое помещение для стражи, прилепившееся прямо к крепостной стене. Через открытое окно наружу неся богатырский хрип. Стражи после хорошо выполненной работы набирались сил для следующего дня.

Учитывая то, что была только середина недели, этот отряд ожидали еще четыре дня несения службы. Хотя светил месяц, его узкий серп не мог достаточно осветить все темные закоулки улочек.

Конан пробрался через узкую щель, образованную задней стеной сторожевой будки и покрытием башни, построенной для защиты ворот. От стен исходило тепло, хотя сейчас уже дул довольно холодный ветер. В том месте, где башня примыкала к стене, на светлом фоне стены выделялось темное пятно. Конан подошел к нему и вытащил из-за пазухи небольшой ключ сложной формы, подвешенный на кожаном шнурке.

— Хорошо, что Сенхор не вспомнил о нем, — пробормотал он себе под нос. — Так что я могу исчезнуть без свидетелей.

Он осторожно отпер калитку и вышел наружу. Конь прошел через нее с трудом. В конце концов Конану пришлось ему помочь, потому что тот застрял из-за мешка с продовольствием.

Он подтянул коня к себе и хотел вскочить на него.

В этот момент на него упала тяжелая сеть, которая на мгновение опутала его. Но действительно только на мгновение. Конан согнулся, и не успели солдаты, набросившие на него сеть, опомниться, как он прорезал кинжалом дырку для головы и просунул через нее еще и руку с мечом. Но тут на него набросились по меньшей мере восемь солдат дворцовой стражи Сенхора. Сеть мешала Конану быстро двигаться, но, с другой стороны, она предохраняла его от легких ударов.

Киммериец оперся спиной о круглую стену башни и отражал удары. Он сражался тихо и яростно. Ему было ясно, чья это работа. Сунт-Аграм организовал это с помощью барона Тевонидиса, которого Конан снял с поста начальника термезанского гарнизона, и, кроме того, доказал, что тот расхищал королевскую казну.

Барон вошел в открытую калитку и оперся о стену башни в нескольких шагах от сражающихся. Его массивная фигура была закутана в серый плащ. Круглое невыразительное лицо украшали пышные усы, почти полностью закрывавшие рот. Правой рукой он опирался на грубо отесанные камни стены, левая рука в перчатке играла с огромным рубином, который был вставлен в

рукоятку его меча. Это было старое родовое оружие, которое бароны из рода Тевонидисов получили еще когда-то в седой древности и которое все это время передавалось от отца к сыну.

Барон Тевонидис, потеряв левой рукой лицо, расправил усы и недовольно заворчал, видя что его солдаты не могут справиться с опутанным сетью Конаном.

Солдатам не хватало места, поэтому они больше мешали, чем помогали друг другу. Конан с остервенением пытался освободиться от сети, что ему не удавалось даже при его сверхчеловеческой силе. Однако он сумел просунуть вторую руку в прорезанное отверстие, и сеть теперь образовывала вокруг его тела своеобразную юбку, начинавшуюся сразу подмышками.

Кровь, хлынувшая из перерезанного горла очередного противника, на мгновение ослепила его, так что он не успел отреагировать на выпад другого солдата. Боковой удар мечом, выполненный с большой силой, рассек еще несколько ячеек сети и поранил Конану три ребра. Однако у солдата не было времени порадоваться тому, что он нанес рану лучшему фехтовальщику Термезана. Киммериец, начав свой удар слева вверх, потом дернул меч вниз. Оружие, описавшее столь странную петлю, могла удержать только ужасающая сила Конана. Рука солдата, ранившего его, отлетела в сторону и упала на землю, все еще сжимая меч. Солдат схватился за плечо, из которого бил фонтан крови и зашатался. Непонимающими глазами он уставился на то место,

где только что была его правая рука. Только спустя невероятно долгое время ноги под ним подкосились, и солдат свалился в лужу собственной крови.

Между тем Конан уже давно занимался следующими противниками. Ударом плащия в голову он лишил сознания другого солдата. Оружие варвара описало дугу и прорвало оборону еще одного воина, перебив ему несколько ребер.

Барон Тевонидис уже не мог смотреть на бойню своих солдат. Медленным и осторожным шагом он начал красться вдоль стены. Конан заметил его, когда было уже поздно.

Он только что обезвредил шестого солдата, когда заметил приближающийся клинок. Он поднял руку с кинжалом и попытался отразить удар. Но его реакция была слишком замедленной. Кроме того, он рассчитывал на то, что барон попытается его убить. Тевонидис, который до появления Конана был, вероятно, самым лучшим фехтовальщиком Термезана, заметив ошибку Конана, рассмеялся. Он не собирался убивать его. Тот ему нужен живой.

Страшный удар рукоятью меча в голову лишил огромного варвара сознания.

— Свяжите его! — приказал барон и медленным изящным движением засунул родовой меч Тевонидисов в богато украшенные ножны. Оружие проскользнуло туда с тихим звяканьем. — Да как следует! Минимум трижды. Ведь говорят, что у него силы на троих, так чтобы ни одного не обидеть.

Двое оставшихся солдат громко рассмеялись. Они оценили шутку своего хозяина по достоинству. Это всегда полезно. Они связали киммерийца так, что он выглядел, словно моток веревок.

Глава 3 Черная башня

Высокая костлявая фигура, закутанная в синий плащ с капюшоном, на котором выделялись расширяющиеся сверху вниз желтые полосы, сидела за столом. Человек опирался головой о сложенные руки. Длинные черные, сильно поседевшие волосы закрывали все его лицо, так что не видно было, спит он, размышляет или просто отдыхает.

Комната, в которой он находился, была не слишком большой, так что камин, в котором пылали толстые поленья, не только довольно хорошо освещал, но и прекрасно нагрел ее. На каменных стенах не было видно ни ковров, ни развешанного оружия. Вдоль одной из стен тянулись тонкие решетки полочек, заполненных пожелтевшими пергаментами. У кровати, стоящей у стены напротив входа, не было балдахина, ни каких-либо особенных украшений, ни высоко

взбитых подушек. Все здесь скорее выглядело бедно или строго. Ни одну из стен не украшало окно, так что никакой посетитель не мог угадать, на каком этаже находится эта комната.

Стол с массивной крышкой стоял на причудливо изогнутых ножках. При ближайшем рассмотрении его крышка производила отвратительное впечатление. Всю ее поверхность покрывали разноцветные пятна всевозможных размеров а местами и лужицы не засохших жидкостей. На некоторых лужицах пировали тучи мух. Другие лужицы мухи тщательно обходили, как будто знали, что для них они небезопасны.

Человек, вошедший в комнату, был закутан в серый плащ, который не мог скрыть его могучей фигуры. Однако двигался он тихо и грациозно. Он остановился в двух шагах от двери, видимо, не решаясь побеспокоить хозяина комнаты. Он стоял тихо и даже старался дышать как можно тише, и только взволнованно пощипывал левой рукой пышные усы.

— Ну что? Привезли? — не поднимая головы прохрипел чародей и откашлялся, прочищая горло.

— Да, господин! Но это было нелегко, — посетитель вытер с лица несуществующий пот, как будто только что окончил бой с огромным варваром.

— Нелегко, — согласился чародей Сунт-Аграм. — Не помоги я вам своим волшебством, вы бы в лучшем случае оказались на виселице, а в худшем — в моем любимом лабиринте.

Барон Тевонидис содрогнулся, но потом взял себя в руки. Он выпрямился, так что плащ распахнулся и из-под его полы стала видна рука, судорожно сжимающая рукоятку меча.

Лишь огромным усилием воли ему удалось скривить губы так, чтобы это было похоже на улыбку.

— Согласен, я не хотел бы сражаться с этими... — какое-то мгновение он подыскивал подходящее слово, но потом безнадежно махнул рукой. — К тому же для забавы других, — содрогнулся он от отвращения.

— Однако когда ты можешь играть, то это тебе не так неприятно, не так ли? — откровенно ухмыльнулся чародей, и глаза его сверкнули. — Хотя ты проиграл уже много денег.

Барон стал красным, как рак. В приличном обществе о проигранных деньгах не напоминают. Но чародей был фигурой совершенно особой, поэтому Тевонидису пришлось промолчать, ничем не проявляя кипевшую в нем злость.

— Ваши чудовища слишком жесткое лакомство для воинов, которых вы можете против них направить, — проворчал барон.

— Ну, теперь у вас будет больше шансов, — чародей пожал плечами. — А впрочем, никто не заставляет вас ходить сюда. Только страсть игрока, которая сильнее вас...

— Она несколько не сильнее вашей страсти, — осмелился заметить барон.

— Но все-таки это совсем другое дело, чем эти бесконечные бои пленников между собой

или с обычными животными, — с удовольствием причмокнул губами Сунт-Аграм.

— Да, в этом вы правы, господин, — барон посмотрел на носки сапог и прикусил от раздражения верхнюю губу.

— Куда вы его поместили? — сменил тему чародей.

— Как вы приказали. Он в камере, двумя этажами ниже ваших покоев, — Тевонидис снова склонил голову, чтобы чародей не видел, как ему не по себе.

Несмотря ни на что, несмотря на то, что Конан разжаловал его и раскрыл самую страшную его тайну — его кражи королевского золота, несмотря на это, Тевонидис был дворянин и его душа противилась тому, что он отдает такого выдающегося воина в руки чародея Сунт-Аграма. Но ему не оставалось ничего другого. Или Конан, или он — Тевонидис. Так ему объяснил Сунт-Аграм.

— Больше ты мне не нужен, — чародей мило-стивно махнул рукой. — Да, а что ты сделал с солдатами?

— Многого делать не пришлось. Двух оставшихся в живых после резни запихнули в ту же камеру.

Тевонидис, снова содрогнувшись, изо всех сил постарался выглядеть спокойным. Хотя он и отличался отвагой, однако страшно боялся, как бы он случайно не оказался там же. В душе он утешал себя тем, что Сунт-Аграму он еще нужен, поэтому, вероятно, это ему все же не грозит.

«А что будет, когда я не буду ему нужен?» — промелькнуло в его голове.

— Так старайся, чтобы этого не произошло, — раздался за ним голос чародея, который барон с трудом слышал через уже закрываемую дверь.

* * *

После ухода барона чародей с облегчением вздохнул. Несмотря на все свое магическое мастерство он все же не был уверен в том, что им удастся пленить Конана. Король Сенхор был таким непредсказуемым старикашкой, что в решающие моменты чародею всегда приходилось держаться поблизости, чтобы вовремя вмешаться, если события приобретали нежелательный оборот. А Конан? Это было само воплощение непредсказуемости. Приняв облик богатого купца, чародей следил за ним весь день и почти всю ночь. И вот наконец все готово.

Сунт-Аграм радостно потирал руки.

— Сначала поиграю с ним и только потом приступлю к тому, для чего я все это затеял, — у Сунт-Аграма был такой восторженный вид, что сейчас бы его никто не узнал.

Чародей хлопнул в ладоши.

— Его сердце, смешанное с кровью моего только что рожденного потомка из королевского рода, удесятерит мои чары!

Большое квадратное помещение, служившие ему зачастую не только для занятий, но и для сна, заполнил скрежет открываемой двери. В

стене, покрытой множеством полок с пергамен-
тами, появилось отверстие, из которого вы-
скользнула тощая фигура его помощника Хинне-
вара.

— Мой господин? — согнулся долговязый слу-
га в поклоне.

Казалось, будто кто-то переломил его попо-
лам под острым углом. Он стоял, ожидая прика-
зов хозяина.

— Внизу гости, — пролаял чародей.

— Я знаю. Я уже проверил их. Варвар без соз-
нания, а воины только что начали приходить в
себя.

— Гм, — чародей в задумчивости потирал ру-
кой обе щеки. — Раздели их. Воины пойдут в пи-
щу... Или нет! Они не ранены, правда?

— Нет, не ранены. Только испуганы.

— Им есть чего пугаться, — довольно произ-
нес чародей.

— Разумеется, ваша светлость, — Хинневар
склонился еще ниже.

— Подготовь их к вечеру. Будут сражаться с
Шаром. Сегодня вечером они придут сюда... Но,
собственно, это тебя не должно интересовать.

— Разумеется, мой господин.

— А ты пока позаботься о том, чтобы Конан
как можно быстрее приобрел хорошую форму.
Предполагаю, его должны были как следует от-
дубасить, чтобы сломить его сопротивление.

— Он выглядит не лучшим образом, госпо-
дин. Но судя по тому, что я знаю о киммерий-
цах, думаю, что ему это серьезным не показа-

лось. Для этих северян такие раны — просто ца-
рапины.

— Тебе бы такой царапины хватило, чтобы
покинуть земную юдоль.

— Это точно, господин. Только лишь благода-
ря вам я...

— Знаю, знаю, — прервал его Сунт-Аграм и
удобно оперся локтем о столешницу, не обращая
никакого внимания на то, что рукавом вытирает
лужу багровой жидкости, уже начинавшую гус-
теть.

— А как поживает принцесса? — криво ух-
мыльнулся чародей.

— Ее беременность развивается просто стре-
мительно, — склонил голову Хинневар. — Как
будто этот Конан — самый настоящий колдун.
По крайней мере, так говорят в окружении
принцессы.

— Ты не ответил на мой вопрос! — стукнул
кулаком по столу Сунт-Аграм.

— Ей чем дальше, тем хуже. Ее тошнит, и ко-
ролевские врачи бессильны ей помочь. При-
шлось вмешаться мне...

— Кто тебе позволил? — побагровел Сунт-Аг-
рам и тут же побледнел, как стена. — Что ты ей
дал? — прошипел он.

— Без вашего позволения я осмелился только
положить ей на голову и желудок холодный
компресс и произнес самое простое заклинание
против сглаза. После этого принцесса успокои-
лась и заснула, — произнес, трясясь и заикаясь,
помощник чародея.

Он смотрел на своего господина преданными глазами. Сунт-Аграм облегченно вздохнул:

— Тебе повезло. Иначе ты бы присоединился к тем двум солдатам...

Хинневар позеленел. Он знал, как мстил его господин тем, кто помешал его планам. Склонив голову, он старался глубоко дышать, чтобы не потерять сознания. Он понял, что вмешался куда не следует. И карающий меч судьбы пронесся на волосок от его головы. Хинневару казалось, что он чувствует ледящее прикосновение его острия на своей шее. Он потрогал шею под длинными и не слишком чистыми волосами, чтобы убедиться в том, что она на месте.

— Принцессой я займусь сам. Если ты к ней только приблизишься... — глаза Сунт-Аграма метали молнии.

Хинневар видел в них близость смерти.

— Убейся! И лучше заботься о Конане. Я хочу видеть его сильным. Он должен заплатить за тот позор, который он причинил королевству, — сказал Сунт-Аграм со странной усмешкой на лице. Он опустил подбородок на ладони и снова задумался, даже не заметив, как его помощник на цыпочках выкрался из комнаты.

Но через минуту он, все-таки почувствовав холод от мокрого рукава, посмотрел на стол, стукнул кулаком и проорал:

— Соланна! Почему здесь такой... — он задышался от злости.

В комнату вошла молодая девушка. Ее зеленые глаза горели гневом.

— Что это ты наговорил обо мне королю? — она отмеряла слова, будто рубила топором.

— А что я ему мог сказать? — непонимающе вытаращил глаза на дочь Сунт-Аграм.

— Что я беременна от киммерийца!

— Это не твое дело! Так нужно было... — он посмотрел на нее с кривой ухмылкой.

«Нет, так может еще будет», — подумал он.

— Зачем ты меня звал?

— Посмотри на это! — он указал пальцем на стол. — Ты что, не можешь хоть немного...

— Пусть Хинневар о тебе заботится, — отрезала Соланна. — И служанок у тебя хватает. Почему я...

— Это я здесь решаю, что делают служанки, а что ты, — заорал Сунт-Аграм.

— Вот это правда, — согласилась Соланна. — К счастью, меня ты в постель не тянешь.

— Убейся вон! — прорычал Сунт-Аграм.

А когда она уже была в дверях, пролаял:

— Пошли мне сюда Ледоану.

Она не сказала ни слова, но и не хлопнула дверь, как вначале намеревалась.

* * *

Сунт-Аграм стоял перед дверью камеры, где «гостили» сейчас двое солдат, переживших вместе с Конаном резню.

— Ты дал им пить? — повернулся Сунт-Аграм к Хинневару.

— Точно в соответствии с вашими инструкциями, мой господин, — помощник услужливо

поклонился до самого пола, так что его черный кафтан подмел пол перед камерой.

От горящей лучины отпал огарок и упал на руку Хинневару. Помощник зашипел от боли.

Сунт-Аграм вытянул руки вперед. Тяжелый засов выскользнул из железных петель и уперся в стену. Чародей спесиво улыбнулся. Хинневар свободной рукой открыл дверь. Потом он наклонился и поднял с земли маленькую, богато украшенную серебряную коробочку. На ее крышке была большая петля, в которую можно было свободно просунуть пальцы. Коробочка была сделана в виде крепостной башни — это был цилиндр, увенчанный остроконечной крышкой.

— Ну где же ты? — пролаял Сунт-Аграм из камеры.

— Я здесь, здесь, мой господин, — с трудом выдавил Хинневар, у которого страшно болела обожженная рука.

— Наконец-то, — заорал на него Сунт-Аграм. — Положи это на землю. Не туда. Вот сюда, — показал он пальцем, куда положить коробочку.

Потом он подошел к двум солдатам, беспомощно распростертым на земле в том же положении, в каком застал их неестественный сон. Чародей распахнул свой любимый синий плащ. Показался широкий пояс, на котором, кроме нескольких связок ключей, покачивались две кожаные фляги. Одну из них Сунт-Аграм отвязал, открыл крышку и, поднеся к носу, слегка понюхал ее. Потом удовлетворенно кивнул и даже слегка улыбнулся.

— Сработано что надо. Это будет действовать долго. Даже заклинание не понадобится.

Он опрокинул крышку башенки и, сунув внутрь три пальца, что-то из нее вытащил. Склонившись над солдатами, он медленными и плавными движениями посыпал их черным порошком и быстро отошел в сторону. Хинневар уже выскочил наружу. Сунт-Аграм закрыл сосуд и велел Хинневару унести его. Помощник прокрался внутрь, задерживая дыхание, схватил башенку и быстро выбежал из помещения. Только тогда он позволил себе сделать вдох.

* * *

Конан пришел в себя. Он опять лежал в камере. Все тело болело, но каких-нибудь серьезных ран он не чувствовал. Он поднялся. Его руки были связаны массивными путами, от которых к стене тянулись две толстые и поржавевшие цепи, прикрепленные к стене железной скобой.

Через щель в потолке сюда пробивалось несколько лучей солнца. По этому признаку Конан понял, что, по-видимому, он был без сознания долгое время.

Он натянул цепи и дернул их. Отозвалась боль в том боку, где ему солдат поранил мечом ребра.

Цепи гремели, но не поддавались. Конан еще какое-то время пытался порвать их, но напрасно. Хотя из-за влажного воздуха в подземельях

королевского дворца Термезана они сильно поржавели, их прочность от этого пока не уменьшилась. Тяжело дыша, Конан опустился на охапку заплесневелого сена, на котором он недавно пришел в себя. Он стер пот со лба и опустил голову на колени. Потом оперся о каменную неровную стену своей темницы. Через тонкую рубашку он почувствовал ее ледяной холод, но это было не так уж неприятно. Он закрыл глаза и попытался расслабиться.

«Хорошо хоть я успел как следует наесться, — ухмыльнулся он про себя. — Хоть какое-то время не почувствую мук голода. С другой стороны, — подумал он, — судя по состоянию желудка, я здесь нахожусь не один день. Ну что ж, хоть будет о чем вспоминать.»

Глава 4 В темнице

Вкрежет и грохот открываемого засова разбудили Конана. В камере уже было совсем темно. Через маленькую щель в потолке сюда падал минимум света. Дверь открылась и первое, что он увидел, была чадаящая лучина, которая давала больше дыма, чем дрожащего света. Киммериец закашлялся от того ужасного смрада, который она издавала.

— Ты что, из дерьма ее слепил? — заорал Конан.

Рука с лучиной задрожала и на мгновение исчезла. Потом в проеме двери появилось копье, а за ним могучая фигура стражника.

Вошедший кивнул идущему сзади и сделал два шага внутрь. Конан не пошевелился, ибо ему было ясно, что в этот момент у него нет шансов сделать что-либо для своего освобождения.

ния. За верзилой внутрь пролез маленький хилый коротышка. В одной руке он держал чадящую лучину, а в другой — ведро, в котором что-то плескалось.

Конан недоверчиво посмотрел на посудину, которую ему принесли. Верзила кивнул массивной лысой головой:

— Это твоя еда. Поешь лучше, сила тебе еще очень и очень пригодится. Так сказал наш господин.

— А кто твой господин? — не удержался от вопроса Конан. — Вас двоих я в замке никогда не видел.

— Мы на дневной свет особенно не выходим, — широкие губы верзилы растянулись в усмешке. — Нам это ни к чему. Все, что нам нужно, есть здесь. И еда, и питье...

— Только не говори, что здесь есть и бабы, — усмехнулся Конан. — Разве что какая-нибудь грязная старуха после пыток.

— Ты бы удивился, если б узнал, — у верзилы заблестели глаза от какого-то особенно приятного воспоминания. — Я побывал и у придворной дамы, да не одной. А та зеленоглазая негрятка... — мечтательно протянул стражник, ни на минуту, однако, не спуская бдительных глаз с Конана. Его хилый товарищ поставил ведро на пол и все еще смотрел на Конана испуганными глазами. Он внимательно следил за ним, а сам медленно пятился к двери.

— Подожди, — гаркнул Конан, — а что я буду пить?

— Придется тебе довольствоваться той водой, что есть в супе, — верзила рассудительно кивнул головой.

— Я тебе заплачу, — пленник потянулся к поясу, где еще совсем недавно покачивался солидный кошель с деньгами. Но и пояс, и кошель исчезли.

— Это ты об этом? — лысый положил руку на свой пояс и передвинул исчезнувший кошель так, чтобы было видно Конану.

Это было для Конана уже слишком. С ревом, которым мог бы гордиться и лев пустыни, он бросился на верзилу. Тот отскочил к противоположной стене.

Но не успел он протянуть к Конану руку, как раздался страшный треск. Одна из железных скоб, та, которая сдерживала правую руку Конана, вырвалась из стены. Однако другая вместе с цепью удержалась и остановила Конана на середине пути.

Разъяренный киммериец еще некоторое время дергался, но потом сообразил какой способ боя единственно возможен.

Коротышка исчез за дверью, бросив товарища на произвол судьбы. Киммериец молниеносно схватил в руку большую часть вырванной цепи. Гремящие звенья цепи взвились в воздух, как гремучая змея.

Лысый верзила застыл на месте и широко открытыми глазами следил за полетом цепи. Он не успел сделать ни единого движения, как цепь обвилась ему вокруг шеи. Ее свободный конец со

скобой, вырванной вместе с куском каменной стены, ударил его в грудь. Конан дернул за цепь и лысый тюремщик, шатаясь, пошел к нему. Он еще пытался сопротивляться, ростом он был почти с киммерийца, да и мышцами не уступал ему, но ярость и боевой опыт Конана лишили того малейших шансов на успех. Киммериец притянул его к себе и даже отступил на три шага, чтобы обрабатывать тюремщика и второй рукой.

Верзила двумя руками защищал голову от града ударов. Вскоре он упал на колени и окровавленными губами стал умолять о пощаде. Конан наклонился к нему и быстро ощупал его одежду. Сорвав с него пояс с обоими кошельками, он с яростью отбросил тюремщика сторону, увидев, что у того нет ничего похожего на ключ от замка, которым была заперта вторая цепь в скобе, торчащей из стены.

Конан несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце. Успокоившись, он огляделся и с удовлетворением отметил, что за время короткой яростной борьбы ведро с супом не перевернулось.

Он придвинул ведро к себе и сунул туда нос. Ведро выглядело не самым лучшим образом. По-видимому, его уже давно использовали для подачи пищи. Оно было погнутое и побитое. Смрад, исходящий от него, тоже нельзя было назвать манящим.

Конан вспомнил слова лысого тюремщика, сейчас тихо скулящего в углу камеры, о том,

что ему еще нужно будет много силы. В жизни он уже едал много похлебок куда хуже этой. Поэтому он спокойно уселся на свою охапку соломы и принялся за еду.

Прошло еще немного времени и проем двери снова озарил свет. По коридору в направлении к открытой камере топало множество солдатских сапог. Во главе пяти солдат шел коротышка-тюремщик, который для верности прошел мимо камеры и лишь потом стал жестами загонять туда своих вооруженных собратьев. Первые двое осторожно заглянули в камеру и были удивлены представшей перед ними картиной.

Заключенный, который, как они думали, будет бушевать, как сумасшедший, и его придется укрощать, спокойно сидел под раскачивающимся кругом, из которого свисала ржавая цепь, и уплетал за обе щеки. Их товарищ, которого они многие годы боялись из-за его непредсказуемого и жестокого характера, валялся в углу камеры с закрытыми глазами и стиснутыми зубами, а на его разбитом лице засыхала кровь.

Они посмотрели друг на друга. Потом тот, что посмелее, вошел в камеру. Поскольку огромный киммериец не обращал на него никакого внимания, он собрал всю отвагу, проскользнул вдоль стены к отброшенному копы и подобрал его. Потом он вернулся к дверям и тихо переговорил с остальными. Трое из них сложили в коридоре свое оружие и потихоньку, чтобы не привлечь внимание Конана, пробрались к своему избитому товарищу.

Когда они уже были в дверях, киммериец поднял голову и совершенно спокойно проронил:

— Хотелось бы, чтобы в следующий раз вы принесли мне еду получше и в лучшей посудине. Вы могли бы хотя бы вымыть ее. А кроме того, я хочу пить. И хочу получить питье сейчас же! — рывкнул он по-хозяйски.

Двое солдат так испугались, что уронили своего бесчувственного товарища, и его лысая голова загудела, ударившись об пол. Третий, державший одну его ногу и руку, пошатнулся и чуть не упал.

— Поднимите его, трусы, — заорал он, приняв снова устойчивое положение, — не потащу же я его один.

— И правильно, — ухмыльнулся Конан. — На вашем месте я бы на него плюнул.

— А ты не вмешивайся не в свое дело, — пролаял солдат. — Пленные здесь имеют право только молчать, и то не всегда!

— Да-да, — покивал головой Конан, — ваш друг тоже так думал. Кром побери, не все в камерах падают в обморок, но если с кем-то такое случается, пусть лучше поищет себе другую работенку.

Солдаты молча вышли, и сильный хлопок дверью ясно свидетельствовал о том, как они относятся к таким заключенным, как Конан.

Киммериец продолжал трапезу и криво улыбаясь, вспоминая, как еще недавно он объедался великолепными кушаньями на службе у короля

или даже в трактире перед своей неудачной попыткой отъезда.

Он со злостью отбросил ногой искореженное ведро, уже не содержащее ничего съестного, и оно с грохотом покатилося к двери, которую тюремщики уже снова крепко заперли на массивный запор.

— Надо бы чем-нибудь запить, — проворчал он недовольно и принялся внимательно оглядывать темную камеру.

Он напрягал слух, стараясь уловить звук каплюющей воды, но и в этом не преуспел. Зато он услышал тихие шаги, приближающиеся к его темнице. Что-то легонько проскрипело, и в нижней части возник светлый прямоугольник.

«Там есть маленькая дверца», — промелькнуло в голове у удивленного Конана.

В свете, проникающем извне, возникла женская рука, просунувшая внутрь глиняный кувшин. Она просунула его так далеко, как только могла. Шершавый пол не позволял кувшину скользить. Его движение сопровождалось плеском жидкости внутри. Для Конана это звучало как самая прекрасная музыка, которую он когда-либо слышал. Правда, он никогда не был слишком большим поклонником этого вида искусства, если, конечно, дело не касалось военных маршей, и обычно любил музыку не больше зубной боли. Хотя он сам никогда еще ее не испытывал, но уже неоднократно видел, во что зубная боль может превратить даже самых лучших воинов.

Послышался стук и дверца захлопнулась.

Свет исчез. Конан закрыл глаза, чтобы они быстрее привыкли к темноте. Он стал осторожно передвигаться по полу в сторону двери, так как не хотел перевернуть кувшин и разбить или разлить его. И то и другое привело бы к печальным последствиям, он лишился бы напитка. Резкий рывок остановил его движение. Это заявила о себе цепь, которая все еще приковывала одну его руку к стене.

Конан лег на землю и распластался, как лягушка. Свободной рукой он тщательно ощупывал те места, где, по его предположению, мог стоять кувшин.

Пусто. Его рука не находила желанный сосуд. Киммериец начал бешено ругаться на всех языках, которые он только знал. Когда закончился воздух, он встал и по цепи дотянулся до металлической скобы, вбитой в каменную стену. Он тряс ею со все нарастающей силой, но скоба держалась крепко. Он обмотал цепь вокруг рук, оперся ногами о стену и начал изо всех сил натягивать цепь.

В темноте раздавался скрип растягиваемого железа и сопение великана, прикладывающего всю свою недюжинную силу. Через некоторое время ему пришлось ослабить усилия и передохнуть.

Со свойственным ему упрямством он опять принялся за скобу. Он сел, приподнял ноги и уперся ими в стену рядом со скобой. Неспеша приготовившись, он подключил к силе рук еще

всю силу мышц в ногах и спине. Он был выгнут, как лук, и казалось, что мышцы на руках лопнут. В момент самого страшного напряжения он, затаив дыхание, услышал желанный звук. Звук посыпавшихся камешков, выпадающих из стены. Он еще раз напрягся и, дернув цепь со всей оставшейся силой, оказался на полу в трех шагах от стены. Падение на пол на мгновение лишило его дыхания, но что это было по сравнению с радостным чувством свободы. Он свободен. Правда, только в пределах камеры, но он уже мог передвигаться, как хотел.

Он сразу же пошел за кувшином и, забывшись от радости, чуть не опрокинул его. Еще большую радость неизвестный благодетель доставил ему тем, что налил в кувшин не воду, а вполне сносное вино. Конан сделал добрый глоток, облизал губы и только после этого не спеша, осторожными шажками вернулся назад к своей охапке соломы.

Он сел и принялся наслаждаться остатками напитка. Через минуту, опорожнив его, он пожалел, что кувшин не был больше.

* * *

Соланна сидела на каменном подоконнике в своей комнате. Место было не очень удобное, окно было маленькое и ей приходилось прижиматься коленями к подбородку. Но ширина каменной стены, которая в этом замке достигала почти человеческого роста, позволяла уединить-

ся в уголке, где девушка любила отдыхать или просто сидеть и думать, глядя при этом на небо.

Ночное небо, полное звезд, сияло ярче, чем весь город Термезан, который лежал у ее ног. Она бросила взгляд песочные часы, стоявшие на столе в комнате.

«Надо идти», — подумала она, но сегодня ей почему-то не хотелось идти навещать Конана в подземелье. Она ходила туда каждый день с той ночи, когда он попал в плен. Благодаря простому заклинанию, которому она научилась от своего отца, чародея Сунт-Аграма, стражники никогда не замечали ее. Киммериец способствовал сохранению тайны ее посещений тем, что кувшин, который она наполняла вином с лечебными травами, опустошив всегда прятал в охапку соломы, на которой он спал.

Она встала и взяла с кресла темный плащ. Закутавшись в него, она тщательно застегнула темную пряжку, которая закрепляла плащ на груди. Даже сам плащ, без колдовства, вероятно, избавил бы ее от внимания туповатых сторожей в тюрьме, где Сунт-Аграм — часто без ведома старого короля — держал многих своих врагов. Однако сейчас эта часть тюрьмы благодаря недавно проснувшемуся в чародее азарту игрока была практически пустой.

Девушка посмотрела на пустой стол, на котором возвышалась бутылка, полная рубиново-красной жидкости. Сегодняшнее вино должно было не только придать силы Конану, но и улучшить его и без того острый слух. У Соланны было

предчувствие, что сегодня ночью ему это пригодится.

Она проскользнула в сумрачный коридор, который освещали ровно горящие факелы, укрепленные в железных креплениях на стене на очень большом расстоянии друг от друга. Соланна держалась середины коридора, чтобы в нее не попала какая-нибудь случайная искра. Это случилось не часто, потому что Сунт-Аграм уже давно усовершенствовал форму креплений так, чтобы все огарки оставались внутри.

Никем не замеченная, она прошла несколько дворцовых коридоров и по одной из задних лестниц спустилась вниз. В конце лестницы она не пошла ни прямо через большой зал, где Сунт-Аграм оборудовал свою лабораторию и выполнял самые сложные чары, ни направо, куда вел узкий коридорчик, позволяющий обойти зал, не попадаясь на глаза хозяину этих мест.

Она повернула налево и, пройдя через маленькую дверь, осторожно спустилась вниз. Коридорчик был настолько узок, что Соланна задевала плечами камни, из которых были сложены его стены. Воздух здесь был сухой, пахло пылью, которая поднималась с грубо отесанных ступеней.

Она спустилась вниз на три этажа и оказалась в подземелье. Коридор перед ней перекрывала мощная гладкая каменная стена. Соланна поставила бутылку с напитком на пол за своей спиной. Пошевелила пальцами, чтобы снять напряжение, она сложила их в странную фигуру и

еще перекрестила их. Каменная перегородка перед ней совершенно бесшумно сдвинулась влево и скрылась в боковой стене. Соланна подняла бутылку и осторожно заглянула в коридор, который открылся за исчезнувшим препятствием. Он был темен и тих.

Из глубокого кармана в подкладке плаща она вытащила небольшую деревянную палочку, конец которой был обмотан непромокаемой тряпкой.

Пробормотав несколько слов, она бесстрашно выпрыгнула в сырой тюремный коридор. Она была уверена в том, что теперь даже самая бдительная стража не увидит ее. Единственная опасность угрожала ей при встрече со своим отцом, который быстро разгадал бы ее несложные чары.

Она сняла непромокаемую тряпку с палочки, и та засияла зеленым светом, который, как знала Соланна, для обычного глаза было невидимым.

Она отправилась той же дорогой, которую проходила уже семь раз. Поднялась вверх по истоптанным каменным ступеням. Прошла мимо пустых камер. Ей нужно было еще дважды свернуть, прежде чем подойти к камере Конана. Тихо повозившись у двери камеры, она открыла маленькую нижнюю дверцу, о которой знали только она и ее отец. Она вытащила в коридор кувшин, стоявший у самой дверцы, и перелила в него принесенный ею напиток. Бросив взгляд на дверцу, девушка увидела в ней лицо Конана. Он выглядывал наружу, желая разглядеть не-

знакомому благодетеля, ежедневно приносящего ему кувшин вина. У Конана был довольно чувствительный язык и он сразу разобрал, что в кувшине не обычное вино. По тому, как быстро заживали его раны, ему стало ясно, что оно целебное.

Увидеть Соланну он не мог, однако девушка была остерегалась, чтобы он не схватил ее. Он втащил кувшин в камеру. Прежде чем закрыть дверцу, она бросила в камеру тонкий остро заточенный кинжал с гибким лезвием. Это было очень опасное оружие. Простое, без каких-либо украшений, которые могли указать на неизвестного благодетеля.

Глава 5

Пленница чародея

Конан сидел в камере, потягивая вино. Отставив кувшин в сторону, он взял в руки кинжал и с осторожностью легонько провел пальцами по всему лезвию кинжала. Он хотел точно запомнить, как оружие выглядит, чтобы уметь применить его в нужный момент.

Конан думал о том, куда его спрятать, чтобы тюремщики не смогли отобрать кинжал, когда будут переводить его в другое место. Было ясно, что пояс у него снова отберут. Поэтому он оторвал подол своей рубашки, завернул в нее кинжал и образовавшим жгутом перевязал уже почти затянувшуюся рану на ребрах, надеясь на то, что перевязку тюремщики не проверят. В этот момент кинжал был у него на спине. Он попробовал лечь. Было не очень удобно, но он подумал, что если его будут переносить в бессозна-

тельном состоянии или связанного, то проверять спину не будут.

* * *

Соланна очнулась ото сна. В комнате было почти темно. Только несколько маленьких язычков пламени в камине безуспешно пытались разогнать темноту. Девушка, приоткрыв глаза, старалась сквозь опущенные веки определить, что ее разбудило. По комнате шел холодный сквозняк. Внимательно прислушавшись, она услышала тихие, осторожные шаги. Она глубоко вздохнула и повернулась на бок, чтобы лучше видеть входящего. Ей едва удалось сдержать выкрик. К ее постели подкрадывался Хинневар. Затаив дыхание, она старалась понять, что происходит.

Высокая тощая фигура отцовского помощника качалась из стороны в сторону. Длинные сальные волосы падали на его черный балахон.

— Что ты здесь делаешь? — воскликнула Соланна и села в постели.

Хинневар на мгновение замер, но затем двинулся дальше. Он был все ближе и ближе.

Соланна застыла от удивления, потому что обычно помощник был очень боязливым и его сегодняшнее поведение не соответствовало его характеру. Впрочем, учитывая властолюбие и мстительность Сунт-Аграма, иного характера у него и не могло быть.

Горящими глазами он уставился на полуобнаженную грудь девушки. Одежда соскользнула с

нее и съехало на пол. Ноги Соланны висели над полом, и сквозняк охлаждал ее босые ступни.

Его руки выскользнули из рукавов. Его пальцы самопроизвольно сжимались и разжимались. Он хрипло дышал и обливался потом.

Соланна оттолкнулась руками от края постели и прижалась к самой стене. Она притянула колени к подбородку. Он приближался медленно, но неумолимо. Одна из досок пола закричала под ним. От страха она вытаращила глаза. И вдруг до нее донесся запах, который с обычно невымытым Хинневаром не мог иметь ничего общего.

Схватив девушку левой рукой за правое плечо, он с неожиданной силой дернул ее к себе. Она снова съехала на край постели.

— Ты не Хинневар! — вскрикнула она и начала бороться с ним.

Ее короткие ногти впились в его кожу и оставляли на ней красные следы. Он наклонился над ней, но ее ноги, до того согнутые под ней, распрямились и отбросили его почти к камину. В комнате послышался треск рвущейся материи. Он разорвал на ней рубашку. Девушка вскочила с постели и попыталась добежать до двери. Поднявшись с пола, он бросился за ней. Она дергала за круглую ручку, которая была в двери вместо замка.

Он, обхватив ее вокруг пояса, оторвал от двери и потащил к постели. Однако ее натренированное тело оказало ему неожиданное сопротивление. Два хорошо рассчитанные удара ногой на-

зад в пах несколько охладили его пыл. Он отпустил ее. Она упала на пол на колени и локти, перевернулась на бок и, поджав ноги, ждала следующего подходящего момента для удара. Она вообще не осознавала, что лежит почти нагая. Остатки рубашки были обмотаны вокруг талии. Ее зеленые глаза метали молнии.

— Ты не Хинневар, — прошипела она снова, стараясь перевести дыхание.

Быстрым движением она отбросила короткие светлые волосы назад с лица. Руки с растопыренными пальцами были готовы к новой обороне.

— Ты — Сунт-Аграм! — воскликнула она изумленно, связав наконец знакомый запах и необъяснимое поведение Хинневара. — Отец!

Она вытянула пальцы навстречу опять приближающейся к ней фигуре, перекрестила и соединила их. Ее губы произнесли короткое заклинание.

Фигура Хинневара заколыхалась и распалась. Сейчас перед ней действительно стоял ее отец. Но его глаза пылали не меньшей страстью, чем до того глаза Хинневара.

— Я хочу от тебя сына! — хрипел он в безумстве. — Я хочу сына! Он будет могущественнейшим богом на всей земле!

Она вскочила и бросилась к камину. На верхней крышке лежал длинный тонкий кинжал. Ее пальцы крепко сжали украшенную рукоятку. В этот момент ее лицо озарила широкая, несколько безумная улыбка. Она направила острие кин-

жала в сторону Сунт-Аграма, который на мгновение остановился. Потом он тоже рассмеялся.

— Этим ты меня не остановишь! — захохотал он, и зубы в его рту блеснули, как волчьи клыки.

Она поколебалась, а потом повернула острие кинжала к себе.

— Если ты приблизишься ко мне, я убью себя! Сделай еще только шаг и я заколюсь!

Ее зеленые глаза выражали решимость выполнить угрозу. Сунт-Аграм остановился. Ему стало ясно, что сейчас он проиграл. Он раскрыл рот и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Потом выпрямился и склонил голову.

Медленно повернувшись, он прошаркал к двери.

— Ты не моя дочь, — проворчал он. — Нет причин, по которым ты не могла бы дать мне сына. Настоящего наследника...

Потом он открыл дверь, бросил на обнаженную девушку с кинжалом в руке злобный взгляд через плечо и исчез в темном коридоре.

Она бросила кинжал на землю. Он впился острием в пол и зазвенел. Этот звук словно вернул ее к действительности. Она оглядела свою спальню, удивленно смотрела на разбросанную постель, разорванную ночную рубашку, валявшуюся у ее ног, на открытую дверь в коридор...

Девушка осторожно обошла кинжал, торчавший в полу и тихо закрыла дверь. Она помедлила, решая, задвигать ли засов, который уже однажды подвел ее. Потом все-таки задвинула его.

Она опять забралась в постель и завернулась в одеяло. Ее стала бить дрожь, как будто она только что вылезла из почти затянувшегося льдом пруда. Она пристально уставилась на противоположную стену и перед ее глазами возникла заснеженная деревня в горах. Она горела ярким пламенем.

Глава 6

Твари во мраке

Н он восседал на высокой треногом табурете, одним локтем опираясь о крышку огромного стола. На первый взгляд казалось, будто стол был вырублен из каменной плиты. При ближайшем рассмотрении любопытствующий бы обнаружил, что это действительно так. Кромка стола представляла собой валик высотой в добрый дюйм.

Над столом свет дрожал и, преломляясь, отражался от чего-то, что покрывало его почти невидимым колпаком.

Скрипнула дверь, и чародей поднял взгляд, упиравшийся до того куда-то вдаль, куда-то в центр массивного стола. Он сосредоточил взгляд на посетителе.

— Приветствую тебя, Великий! — поклонился вошедший. — Да будут к тебе благосклонны небесные Владыки!

Это был толстый коротышка, одетый в ярко-красный шелковый кафтан. Одежда развевалась вокруг него. Богатая золотая и серебряная вышивка отражалась в фонтанах потоков света. Голову, выбритую до блеска, он носил высоко. Борода была длинная и заботливо завитая и доходила ему до самой груди. Руки, усыпанные перстнями, он в этот момент поднял в приветственном жесте.

— И я приветствую уважаемого Авенадора, самого почитаемого торговца оружием во всем Термезане, — ответил Сунт-Аграм, взглядом знака оценив объемистый мешок с деньгами, тяжело покачивающийся у пояса торговца.

Ему сделалось ясно, что сегодня игра затянется надолго.

Авенадор глубоко вздохнул и хотел что-то сказать, но ему помешал новый гость. Через приоткрытую дверь протиснулся высокий стройный мужчина.

Он был в черных кожаных штанах, которые кончались чуть ниже его колен. Свободная белая присборенная рубаша была украшена множеством кружев, нашитых не только вместо воротника и манжет, а абсолютно везде, где только можно. О высокие сапоги при ходьбе то и дело стучались ножны тонкого длинного меча, выполненные из зеленой крокодильей кожи, расшитой серебром.

Быстрым упругим шагом он приблизился к столу.

— О Сунт-Аграм, великий маг,
Ты славен среди смертных так,
Как ни один, допрежь тебя,
Позволь, и воспою же я
Твой разум, силу, гордый нрав...
И щедрость... Ну, скажи, я прав?

— прогремел внезапно звучный голос, который казался неуместным в темной унылой комнате.

Колдун огляделся и уставился на якобы деревянный потолок, который прикрывал каменные своды и делал комнату ниже. Из него струился странный желтый свет, который не имел видимого источника.

— И я тебя приветствую, поэт Токан. Стихами я тебе ответить не могу, но утешением тебе должны послужить деньги, приготовленные для победителя. Надеюсь, что и ты внесешь в игру свою лепту, — сказал немного язвительно Сунт-Аграм, намекая тем самым на хроническую неплатежеспособность поэта.

— О нет, сегодня я в порядке,
Кошель мой полон, я в достатке!
Я написал недавно оду...
И королю ее я продал.
Отвесил господин мне злата —
Теперь я заживу богато!

И Токан гордо выпятил грудь и подбросил на ладони кошель, который, правда, казался бедным родственником по сравнению с мешком Авенадора.

Топот в коридоре огласил приход последнего сегодняшнего посетителя. Барон Тевонидис влетел в двери так, что дверь, распахнувшись, стукнулась о деревянные панели на стене. Его массивная фигура в сером плаще, который он не снимал даже при аудиенции у короля, быстро приблизилась к столу.

— Надеюсь, я не слишком опоздал, уважаемый, — поклонился он Сунт-Аграму, продолжавшему сидеть на табурете и изучающе разглядывать разношерстное общество, собравшееся сегодня для игры.

— Да нет, хотя ты пришел последним, — сказал чародей довольно приветливо. — Я думаю, что на сегодня мы все. Надеюсь, мы не слишком поспешили...

Он склонился над столом и стал что-то внимательно разглядывать на нем.

* * *

Конан вскочил и огляделся. Его удивила необыкновенная тишина, окружавшая его со всех сторон.

Камера, в которой он был заключен теперь, сильно отличалась от прежней. Стены здесь были гладкие, никаких скоб на стенах, никаких сточных канавок по углам. И пол был таким гладким, что он даже пощупал его рукой. Его желтизна не резала глаз, а успокаивала, а вещество, из которого он был сделан, было приятным на ощупь.

Конан встал и попробовал, не будут ли скользить ноги. Пол пружинил, но ноги на нем стояли, как прибитые. Свет лился сверху, и Конану все это совсем не нравилось. Он провел руками по телу, потер лицо и незаметно сгорбился. Кинжал был на месте.

Он запрокинул голову и стал искать источник такого яркого и сильного света. В камере не было потолка, по крайней мере такого, к которому он привык. Где-то высоко над стенами, там, откуда струился этот свет, всеми цветами радуги переливалось что-то, что могло быть потолком.

Конан взглядом оценил высоту стены: «Слишком высокие и слишком гладкие.»

Он приблизился к двери камеры и для проверки толкнул ее. Бесполезно. Дверь даже не дрогнула. Она была сделана из той же массы, что и стены и потолок. Только несколько иной оттенок желтизны указывал на то, что там находится выход.

Киммериец просунул палец в щель между стеной и дверью. Слегка нажал...

К его безмерному удивлению дверь открылась внутрь.

Конан высунул наружу голову, готовый в любой момент снова захлопнуть дверь, если оттуда грозит опасность. Он увидел помещение, очень похожее на то, из которого сейчас выглядывал. Но разница между ними, однако, была. Посередине стоял стол. Конан еще никогда такого не видел.

Дело в том, что это была, собственно говоря, массивная деревянная призма. На ней лежал огромный кусок жареного мяса. Конан не мог определить, из какого животного он мог быть изготовлен. Он не знал такого огромного зверя. Потом он флегматично пожал плечами и глубоко втянул в себя воздух. Облизнувшись, он одним прыжком оказался у мяса.

Он схватил в руку сломанную кость, торчащую из мяса, и поднес мясо ко рту. Его сильные здоровые зубы хищно впились в жаркое. По подбородку потек жир. Конан наслаждался вкусом пищи и в первый момент даже не заметил, что мертвая тишина, еще недавно выводившая его из себя, исчезла.

Похоже, приближалась гроза. Грохот раздавался откуда-то с небес. Конан посмотрел вверх, но там ничего не изменилось. Никаких туч. Его тюрьму прикрывало нечто радужное, меняющиеся, чего он при всем своем старании не мог рассмотреть. Но он не позволил этому неизвестному лишить себя хладнокровия и продолжал пировать.

Наконец у него в руке осталась одна лишь кость. Она была толстая, но полая внутри. Не будь она такой огромной, Конан поставил бы и последний украденный золотой на то, что это птичья кость. Некоторое время он рассматривал чисто обглоданный сустав, а потом хотел выбросить его. Но в конце концов он не сделал этого, а, наоборот, крепче стиснув ее в руке, взмахнул над головой.

Покрытая жиром, она выскользнула у него из рук и так ударилась об стену, что та загудела. Конан поднял ее. Оторвав кусок рубахи, которая после пребывания в тюрьме превратилась в рваную тряпку, он тщательно вытер кость. Затем опять попробовал помахать ею над головой. Теперь было гораздо лучше. Она со свистом рассекала воздух.

— Хотя такое оружие многого не стоит, но по крайней мере у меня хоть что-то будет в руках, — проворчал он, засовывая кость подмышку, чтобы иметь обе руки свободными.

Он осмотрел оставшуюся часть камеры, нет ли там чего-нибудь попить, но тюремщики не дали себе труда предусмотреть что-либо подобное. Конан в душе поблагодарил незнакомого благодетеля.

Открыть вторую дверь было уже не так просто, но с помощью острого конца кости Конану в конце концов удалось ее выломать.

Коридор, в который он попал, тянулся в двух направлениях.

На мгновение он заколебался, потом двинулся налево. Если бы пришлось кому-нибудь объяснять, почему он так поступил, он не смог бы этого сделать.

Он проходил мимо дверей других камер. В некоторые он заглянул. В те, которые были открыты. Другие, хотя на них не было видно засова или замка, не открывались.

— Ну, что ж, — пожал Конан плечами, — здесь, видно, действует колдовство.

Он даже не мог представить себе, как он был близок к правде.

Сначала камеры были пустыми. Только примерно в десятой из тех, в которые он заглянул, нашлись следы постояльцев. Здесь воняло мочой. Желтые стены, забрызганные кровью, никто не удосужился вымыть.

По количеству крови, Конан решил, что здесь сражалось, по крайней мере, десяток головорезов, либо здесь кого-то или что-то разорвали на куски.

Он крепче сжал кость в правой руке и еще разок ею для пробы взмахнул. Коридор был довольно тесным, так что нельзя было как следует размахнуться, но то, как она свистнула в воздухе, его порадовало.

Он дошел до развилки. Уже третьей, на которую он наткнулся по пути. Он остановился и, немного поразмыслив, не попробовать ли ему и другие ответвления, решил, что не будет делать этого. Можно было заблудиться. Если не удастся найти какой-нибудь выход, он хотел бы иметь возможность вернуться в камеру, в которой он пришел в себя.

Во всем этом деле он чуял проделки Сунт-Аграма, поскольку в тюрьму его завлек барон Тевонидис.

Он осторожно двинулся в дальнейший путь. Однообразная желтизна стен действовала ему на нервы, так как не за чем было остановиться глазам. Поэтому когда из-за угла на него выкатился огромный шар, он на мгновение остоленел.

Шар был почти прозрачным и в полной тишине медленно катился навстречу ему. Только когда шар подкатился почти на расстояние вытянутой руки, он услышал тихое чмокание. Казалось, что по коридору катится огромная капля воды. Это было страшное зрелище.

Конан не знал, как сражаться с этим монстром. Боками шар почти касался стен, так что проскочить мимо него на другую сторону не было никаких шансов. Это не был ни зверь, ни человек, ни чудовище, созданное колдуном. Это было нечто бесформенное и даже вид того, что катилось ему навстречу, был Конану отвратителен.

Он сглотнул несуществующую слюну, сделал два быстрых шага навстречу шару и замахнулся костью. Раздался звук всплеска, как если бы он действительно ударил по воде. Но тем не менее кость наткнулась на препятствие, которое пружинисто отбросило ее назад.

Только сила бицепсов Конана помешала тому, чтобы кость отлетела назад, как бумеранг, прямо на его голову.

Шар слегка сплюснулся в высоту и его движение вперед ускорилось. Грязь, находящаяся внутри, пришла вдруг в движение, и Конану показалось, что бревна, шарики, палочки, кружки и хворост в глубине катящегося шара вдруг сосредоточились у препятствия как можно ближе к нему. Он стал быстро отступать.

Он внимательнее всмотрелся в сердцевину своего противника и увидел, что это действи-

тельно так. Все твердые предметы в его внутренности собрались у его передней кромки.

Киммериец сделал несколько быстрых шагов назад, крепко уперся ногами в землю и приготовился к новой атаке. Шар ускорил свое движение, но по его скорости Конану было ясно, что он в любой момент сможет убежать.

И на этот раз он нанес свой удар сверху. И его результат был точно таким же, как и после первого удара.

Толстый конец кости ударил по чему-то такому упругому, что ее высокой дугой отбросило назад. На этот раз Конан, хоть и был гораздо лучше готов к этому, не смог устоять на ногах, потому что вложил в удар всю силу. Он упал на спину.

Шар между тем продолжал свое неумолимое движение вперед. Коснувшись ноги Конана, он остановился. У гиганта было такое чувство, что он попал в водоворот. Ему казалось, что некая огромная сила втягивает его внутрь чудовищного шара. Он бился, как рыба об лед. Это не помогало.

Тогда он молниеносно оперся руками о пол и отжался. Ему удалось выдернуть ногу из-под шара, но тому это не понравилось. Киммерийца спасло только то, что он мгновенно вскочил на ноги, схватил кость и, высоко подпрыгнув, отскочил назад.

Шар с омерзительным чмоканием опять накатывался на него. Конан, отступая, лихорадочно думал, что делать дальше.

Он побежал прочь от накатывающегося врага, в сторону своей камеры.

Но не успел он сделать и пятидесяти шагов, как с другой стороны навстречу ему выкатился второй шар.

— Кром побери! — прорычал он и остановился.

Пока второе чудовище было еще далеко и приближалось медленно, но было ясно, что до безопасного укрытия в своей камере он не доберется.

Кожа на ноге стала гореть. Посмотрев на нее, он увидел, что в том месте, где шар пытался затянуть его внутрь, на коже появились волдыри.

Он добежал до развилки и свернул в боковой коридор. Он надеялся, что шары не заметят этого и налетят друг на друга. Был шанс, что они начнут сражаться друг с другом.

Шар действительно прокатился мимо и Конан вздохнул с облегчением.

Он осторожно вернулся на развилку и выглянул из-за угла. Шары врезались друг в друга с резким чмокающим звуком, который прозвучал в коридоре как удар хлыстом. На поверхности шаров появились какие-то щупальца, которые впились в противника. Конан с интересом следил за этим удивительным поединком. После короткой схватки раздался звук чего-то рвущегося, один шар накатился на побежденного и тот исчез.

По коридору потекла какая-то жидкость и победитель покатился в ней с громким плеском.

Из-за этого шума и необычности всего представления Конан чуть не просмотрел еще одного неприятеля, который приближался к нему сзади.

Он выскочил из своего укрытия, как раненый олень, и бросился в тот коридор, по которому шел первоначально.

Он предполагал, что там уже никаких чудовищ не будет. В этом, однако, он очень ошибался...

Правда, схватка двух шаров, которую он наблюдал, подала ему новую идею обороны. Он бросился навстречу шару, который был еще довольно далеко. Киммериец опять крепко сжал кость, но теперь наоборот — он обхватил рукой широкую часть сустава.

Острым сломанным концом кости он нанес удар наискось слева, надеясь, что ему удастся пробить оболочку чудовищного, но все же чрезвычайно малоподвижного противника.

— Ура! — радостно завопил он, когда ему это удалось.

Из прорехи величиной с половину Конанова тела хлынула омерзительно пахнущая жидкость. Киммериец отскочил назад. Потом быстро оглянулся, чтобы удостовериться в том, что другой враг еще далеко. Он был далеко. Темные осколки, плавающие до того во внутренности шара, еще немного поносились в воздухе, но вскоре упали на землю.

Конан обернулся назад, чтобы не упустить из виду другой шар. Тот приближался быстрее, чем хотелось бы.

Он не стал его дожидаться и, пробежав через лужу, оставшуюся после распоротого противника, постарался быстро вытереть ноги о пол.

Следующий враг докатился до лужи. На мгновение остановился на ней, но затем перекатился через нее и последовал дальше за Конаном. На этот раз Конан уже не колебался, и его оружие уверенно расправилось со следующим чудовищем.

Он снова услышал гром. Ему казалось, что это не раскаты грома, что это несколько регулярно чередующихся тонов разных звуков. Однако шум был настолько сильным, что он не мог в них разобраться. Он перестал обращать на него внимание.

Он двинулся по направлению к своей камере только после того, как выяснил, что находится, собственно говоря, в довольно большом лабиринте. Исследуя его, он по пути обезвредил еще пять шаров.

В камере Конан захлопнул за собой дверь. В щель между дверью и полом он забил кость, чтобы быть уверенным в том, что во сне на него никто не нападет. Он так устал, что едва стоял на ногах.

Если бы ему было нужно, он преодолел бы эту усталость, но он убедился в том, что пока из лабиринта выбраться невозможно.

Осмотрев ноги, он к своей радости обнаружил, что жидкость, вытекающая из шаров, по видимому, попадая на воздух, утрачивает свои ядовитые и разъедающие качества.

Ну что же, ничего другого не оставалось. Он улегся на стол и заснул.

* * *

— Я же говорил, — смеялся во весь голос барон Тевонидис. — Я же говорил, — ликовал он, подбрасывая в руке набитый кошель, полный золотых.

Авенадор и Токан радовались не так явно, но и они были тоже очень довольны. Поэт больше всех, потому что денег у него было гораздо меньше, чем у всех остальных.

— Думаю, ваш сегодняшний визит был не последним, — пробормотал, стиснув зубы, Сунт-Аграм, которого гораздо больше, чем потерянные деньги, раздосадовал сам проигрыш.

— Разумеется, мы с удовольствием придем, как только ваша милость известит нас о повторении этого благородного развлечения, — засмеялся Авенадор. — Только... — он на мгновение заколебался, — мне, вероятно, все-таки придется на какое-то время лишить себя вашего общества. Дела призывают. Я получил большой заказ от кочевников в Даити и мне не хотелось бы упустить столь выгодное предложение. Но я постараюсь закончить дела как можно быстрее, чтобы опять иметь удовольствие посетить вашу милость, — Авенадор поклонился, насколько это позволял ему выступающий животик.

Длинный ярко-красный кафтан облегал его толстое тело. Богатое золотое и серебряное ши-

тье сверкало в потоках света, так же как и его лысая голова. Его руки погрузились в длинную, аккуратно завитую бороду. Пальцы, унизанные перстнями, то здесь, то там выныривали из нее, как маленькие золотые рыбки.

— Мне бы не хотелось, чтобы обещанное стихотворение появилось на свет, — Сунт-Аграм злобно взглянул на поэта.

— О, господин, могу вам поклясться,

...Что ваше слово — для меня приказ,
И я скорее за смерть паду,
Чем вдруг осмелюсь я прогневать вас,
Или накличу невзначай беду...

Поэт склонился до самой земли, и кружева на его рукавах коснулись пола. Он поклонился Сунт-Аграму так глубоко, что его меч чуть не выпал из ножен.

Авенадору это показалось смешным, но из-за не слишком радужного настроения хозяина дома он не позволил себе рассмеяться. Зато Тевонидис себя подобными мелочами не стеснял.

— Мой милый стихоплет, — заметил барон, — было бы неплохо, если бы ты, идя в гости, по крайней мере, оставлял дома свой родовой меч. Ты бываешь опасным... — ухмыльнулся он, — но только сам для себя, — добавил тут же.

Барон знал, что его искусство владения мечом гораздо выше, чем у поэта и, следовательно, дуэль ему не грозит. Однако он недооценил возможности Токана. Не прошло и недели, как по городу распространилась насмешливая песенка о

лучшем фехтовальщике королевства, который предпочитает зарабатывать на жизнь заключением пари и кражами, а не фехтованием и военным искусством.

Гости покинули Сунт-Аграма, который все еще сидел за столом, опираясь подбородком на сложенные руки. Он смотрел на Конана, который лежал на призме, заменявшей ему в камере стол, и спокойно спал.

— Я подберу тебе соперников посильнее, — прошипел Сунт-Аграм, как только за гостями захлопнулась дверь и чародей мог дать выход своей злости. — Это была всего лишь только разминка. Больше из-за тебя я проигрывать не буду.

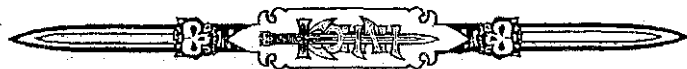
Он хлопнул в ладоши и тут же с гневом обрушился на Хинневара, который позволил себе появиться не в ту же секунду:

— Тебя никогда нет, когда ты мне нужен!

— Господин, — заикаясь, произнес помощник, — Ведь я здесь, рядом ожидал вашего повеления...

— Это ты называешь ожиданием?! Я сижу и жду, когда господин... — чародей давился от бешенства, — соизволит явиться. Надо будет, пожалуй, еще раз подумать об этой кифаре... — сказал Сунт-Аграм значительно и его руки стали перебирать воздух, как невидимые струны инструмента.

— Не-е-е-т, господин, — взвыл несчастный и пал на колени. — Я полностью в вашем распоряжении.

— Убери здесь, — велел Сунт-Аграм. — И смотри, не перепутай все снова...

— Иногда в жизни, господин, — бормотал Хинневар, глаза которого злобно сверкнули, когда он был уверен, что господин на него не смотрит. Но несмотря на это, он был верен своему хозяину, как пес, которого бьют ногой, но который всегда возвращается к той руке, от которой его не ждет ничего, кроме побоев.

Глава 7

Цепи колдуна

Когда Конан проснулся, было довольно холодно. Его одежда, превратившаяся в лохмотья уже во время предыдущего заключения и боя с шарами, не защищала от холода. Но Конана это ничуть не пугало, потому что он, как киммериец, переносил холод очень хорошо.

Он открыл глаза и удивился тому, что свет исчез. Он был убежден, что сейчас день, но в его тюрьме была ночь. Он повернулся на другой бок и снова спокойно уснул.

* * *

— Сунт-Аграм, Сунт-Аграм, — стонала принцесса Мицор, — помогите мне. Это ненормальный ребенок. Ведь я беременна всего четырна-

дцать дней, а мне кажется, что уже наступают роды...

Чародей положил руку на вздувшийся живот принцессы. Ребенок успокоился, перестал толкать ножками и биться. Принцесса вздохнула с облегчением.

— Он как будто слушается вас, — сказала она доверчиво, повернув свое нежное лицо к Сунт-Аграму.

Чародей презрительно выпятил толстые губы, но потом спохватился и ответил ей довольно мило:

— Разумеется, принцесса, для того я и здесь. Но в одном вы правы. Это, по-видимому, ребенок какого-то колдуна. Никто не знает, что еще вытворит этот киммериец... Ну, а роды все-таки не будут такими уж скорыми.

— Как же вы не поняли сразу, что это колдун? — устремила она на него невинный взор.

Зеленые глаза Сунт-Аграма похолодели, как морской лед:

— Это не всегда видно с первого взгляда, — отрезал он, и тут же снова должен был заняться животом принцессы, потому что дитя отреагировало на повышенный тон голоса резкими толчками.

Прошло много времени, прежде чем оно успокоилось.

Но пальцы Сунт-Аграма не переставали гладить нежную и гладкую кожу принцессы. Мицор прикрыла глаза. Ей казалось, что она уже когда-то чувствовала что-то подобное. Успокоенная

тишиной, нарушаемой лишь треском поленьев в камине, она закрыла глаза и погрузилась в обморочное состояние, которое временами было похоже на лечебный сон.

* * *

Конан снова проснулся и резко сел. После боя с шарами он просыпался уже шесть раз, но только трижды получал еду. Все это время он находился в темноте, но на этот раз его пробуждение произошло опять при том самом необычном свете.

Киммериец огляделся, ища взглядом свое оружие — кость. Она исчезла вместе с его предыдущей камерой.

Теперь он находился в золотой клетке. От нее до стен было во все стороны еще шагов семь-восемь или больше. Здесь не было дверей, их заменила дыра в стене.

К одной из стен была прислонена знакомая призма, и на ней опять валялся кусок жареного мяса. Но на этот раз его мучитель позаботился о том, чтобы там не было никакой кости. Конан протягивал руки сквозь решетку так далеко, как только мог, но до стола все равно не доставал.

Вскоре он пришел в ярость и начал бешено дергать прутья решетки.

Пытаясь взломать клетку, он вдруг заметил, что один из прутьев немного согнулся. Он уперся ногами в соседний прут, руками уперся в согнутый и поднатужился.

Некоторое время не было видно никаких изменений. Только мускулы на теле Конана превратились в каменные глыбы. От напряжения у него ускорилося дыхание. Вскоре его лоб покрылся бисеринками пота, но прут сгибался все больше и больше.

Наконец он перестал напрягаться и попытался пролезть в возникшую щель. Но его могучая грудная клетка застряла в ней. А кроме того ему мешала повязка, все еще обмотанная вокруг тела.

Он протиснулся назад в клетку и еще раз попытался раздвинуть прутья. Металл поддавался медленно, почти незаметно. Конан подумал, что, возможно, прутья действительно сделаны из золота.

Ему удалось сделать такую щель, что он смог выбраться наружу. Он не раздумывал о бессмысленности того, что его тюремщик посадил его в золотую клетку, из которой можно легко убежать.

Бросившись к столу, киммериец, обеими руками схватил мясо. Он отгрызал от него куски и глотал их, почти не пережевывая. Он вел себя, как зверь, который не уверен в том, что у него будет время насытиться.

Когда от огромного куска мяса не осталось ничего, Конан вытер жирные губы и погладил вздувшийся живот. Потом высунул голову в коридор. Его совсем не удивило то, что он как две капли воды был похож на тот, где он сражался с шарами. Он дотронулся до спины, проверяя, там

ли еще находится спрятанный кинжал, и решительно направился по коридору куда глаза глядят. Он попросту не умел бездейтельно сидеть и ждать, что произойдет. Это было не в его натуре...

По пути он, как всегда, заглядывал в отверстия в стенах. В одной камере валялся окровавленный меч. Он был грубой работы, неполированный, как будто его выковал начинающий кузнец.

Вся поверхность меча была в бугорках и острие тоже не стоило доброго слова. Не был он и как следует уравновешен. Никаких украшений на рукоятке, которая к тому же была полностью металлической, она даже не была обтянута кожей. Но все же это было оружие. Конан прыгнул к мечу, схватил его и восторженно закричал. Он был доволен.

Хотя он и не знал, где он и что его ждет, уже того, что в его руке есть привычное оружие, было достаточно для того, чтобы обрадоваться. Пройдя пять помещений, он натолкнулся на двух связанных людей. Нижние половины их лиц были обмотаны тряпками, а в зубы были всунуты кляпы.

Когда Конан подошел к ним, они могли только бешено вращать глазами. По-видимому, они думали, что это пришел палач. Когда он перерезал им веревки, они были так удивлены этим, что еще какое-то время неподвижно лежали на земле. И только по прошествии некоторого времени, в течение которого в камере стояла нелов-

кая тишина, старший и более крепкий сел, сорвал с лица платок и выплюнул кляп.

Конан удивленно покрутил головой:

— Что здесь делает благородный принц Йиршанна?

— Так же точно и я могу спросить, что здесь делает военачальник Конан-киммериец. И кроме того, меня интересует, где я собственно нахожусь?

— Ваше высочество, — с насмешкой поклонился Конан, который совсем не уважал придворный этикет, — я обо всем этом деле знаю столько же, сколько и вы.

Йиршанна пригладил рукой длинные сидящие волосы, чтобы прикрыть лысину на макушке. Потом он повернулся к своему товарищу и слегка наподдал ему ногой.

— Вставай, лентяй, — проворчал он по-дружески, — мы валяемся здесь уже слишком долго. Хотел бы я знать... — начал он опять, но Конан на этот раз не дал ему договорить.

— Я знаю о здешних местах не больше вашего. Сначала я сражался со странными шарами, потом провел несколько дней в темноте, а теперь очутился там, где вы меня видите.

Второй мужчина попытался встать, но это ему не удалось. Это был старик, что Конан понял только в тот момент, когда он сорвал с лица повязку.

— Мой учитель, а иногда и друг Мангур, — сказал с улыбкой принц.

— А как сюда попали вы?

— Мой отец, король Сенхор, несколько дней назад отозвал меня из Асгалуна, где я вел переговоры. Спешный гонец заставил меня прервать работу и немедленно отправиться домой. Говорят, что здесь что-то случилось и что в этом виноват ты...

Конан покачал головой и указательным пальцем левой руки провел по лицу.

— Меня обвинили в том, что от меня забеременела ваша сестра, принцесса, а кроме того еще и дочь Сунт-Аграма. Не то чтобы мне это не льстило, если бы только это была правда. Но просто кто-то прикрылся моим именем...

— Но ведь говорят, что тебя узнали... — не мог понять Йиршанна.

— Вот это-то и есть самое странное во всем этом деле. По тому, что произошло потом, я сужу, что, по всей вероятности, здесь приложил руку Сунт-Аграм.

— Вероятно. Но что здесь делаю я? — спросил вельможа.

— Наверное, вы кому-то мешаете, мой милый принц, — ухмыльнулся Конан, — точно так же, как и я.

— Сунт-Аграм — могущественный чародей. Я обращал на этот факт внимание вашего высочества, — хриплым голосом произнес старик. — А ваш отец в последнее время подчинился ему все больше и больше.

— Обращал, обращал... — проворчал принц, забегав по камере, как рассвирепевший черный лев.

— Мы могли бы вместе завершить то, с чего я начал, — предложил Конан. — Посмотрим, нельзя ли отсюда выбраться. Вы были кем-то связаны, а это значит, что какой-то путь наружу есть.

— Оружие! — в бешенстве вскричал принц. — Дайте мне какое-нибудь оружие!

Конан лишь пожал плечами и вышел из камеры. Оба мужчины последовали за ним. Он снова свернул направо. Развилки они проходили быстро, но во все пустые помещения заглядывали. В одном из них они нашли еще оружие, три меча и два кинжала. И эти изделия были грубо сработанные и не очень острые.

Коридор кончался большой квадратной площадью. Мужчины остановились. В углу площади, недалеко от отходившего от нее прохода, дрались двое зверей. На первый взгляд они выглядели совсем не опасно. Возможно, такое впечатление создавала их пестрая окраска. По рыжей шкуре, покрытой короткой густой шерстью, тянулись продольные, почти черные волнистые полосы. Белые животы внушали мысль о том, что они вполне миролюбивы. Однако длинные вытянутые морды с пастью, полной острых зубов, противоречили первому впечатлению.

Звери, отпрыгнув друг от друга, уселись на задние лапы. Сильные задние лапы помогали им сохранять равновесие. Их выпрямленные тела доставали Конану до самой груди. Передними длинными, когтистыми, но более слабыми лапами звери упирались в землю.

— Кто это? — повернулся принц Ииршанна к своему учителю.

Старик только что подошел, держа меч на плече. Он сильно запыхался.

— Вы слишком быстры для моего возраста, — пожаловался он и только потом отреагировал на вопрос. — Таких зверей я в жизни не видел и никогда о них не слышал, — покачал он головой. — Если бы не их величина, я бы подумал, что это дарфарские тарбены. Но те... — он показал на пальцах величину размером с ладонь Конана, — нет, это ерунда.

* * *

Сунт-Аграм покинул гостей, предоставив их попечительству двух слуг, которые не только наливали бокалы с верхом, но и подносили им блюда, полные лакомств. Токан, слывший известным гурманом, когда за угощение платил кто-то другой, ел, причмокивая, и даже обходил вниманием свой бокал. Он подтянул к себе серебряное блюдо, на котором лежали тоненько нарезанные кусочки сырой рыбы тилако, и не замечал ничего вокруг.

Чародей тихо закрыл за собой дверь и собрался с силами, чтобы взять себя в руки. С побагровевшим лицом он затолкнул Хинневара в соседнюю комнату.

Там он захлопнул за собой дверь, потом скрестил и особым жестом сплел пальцы. Этим он создал чары, которые должны были помешать

любому вне этой комнаты услышать их разговор.

Только потом он взорвался:

— Ах ты, *андагалор* паршивый, — орал он на несчастного помощника. — Я приказал тебе положить туда только один меч. Откуда там взялись четыре меча?!

Вытащив острый кинжал, Сунт-Аграм взмахнул им перед носом Хинневара.

— Я тебя убью, — орал он вне себя от ярости. — Теперь, когда ставки сделаны, я не могу ничего изменить! Ах ты, *форусакос*...

— Я их туда не клал, — бормотал ужасе Хинневар, — я их не клал...

— Как это так, не клал, — заходился криком Сунт-Аграм, и его зеленые глаза метали молнии. — А кто же их положил, если туда имел доступ только ты?

— ... я не клал, — помощник упал на колени, склонив голову.

Чародей выпустил из рук кинжал, который, упав плашмя на пол, зазвенел. Он вытянул в сторону помощника обе руки и стал скороговоркой бормотать заклинание. Тот поднял руки вверх и открыл рот. Между мужчинами начали пролетать зеленоватые молнии, а Хинневар начал медленно превращаться в неподвижную статую. На его лице застыло выражение непередаваемого ужаса. Он был бессилен против своего господина.

Сунт-Аграм закончил произносить заклинание и, уже совершенно успокоившись, повернул-

ся к двери. Он еще бросил через плечо своему помощнику:

— В таком виде ты здесь останешься еще долго. По крайней мере перестанешь причинять неприятности!

Чародей покидал комнату с громким смехом, который, однако, был проявлением не веселья, а освобождения от той ярости, которая охватывала его еще пару минут назад.

Глава 8

Битва в ночи

Вари некоторое время сидели неподвижно, наблюдая за появившимися людьми. Они, судя по всему, размышляли о том, кто же теперь, собственно говоря, их враг. После чего они длинными, стремительными прыжками бросились к трем мужчинам.

Быстро сумел среагировать только Конан, выставивший перед собой меч. Йиршанна и его учитель остолбенели, разглядывая несущихся на них зверей.

— Кром побери, — восхищенно выдохнул Конан, — вот это скорость.

Первый зверь хотел напасть на Конана еще в прыжке, но киммериец мгновенно нагнулся и дал ему пролететь над собой. Он только приподнял клинок выставленного вперед меча. Раздался неприятный звук распарываемого тела и ужасное завывание. Однако уже мертвый зверь

продолжил свой полет и в тот момент, когда его длинные задние лапы пролетали мимо Конана, они судорожно ударили по воздуху. Одна лапа задела киммерийца. Это был удар такой силы, что согнувшийся Конан не по своей воле сделал несколько кувырков, от которых меч выпал у него из рук.

Как только его движение прекратилось, он вскочил на ноги, ища глазами потерянное оружие. К счастью, оно лежало в двух шагах от него. Он прыгнул к нему, как раненый тигр.

Возглас за спиной заставил его молниеносно обернуться. Принц и старик мужественно сопротивлялись атаке второго зверя. Он не повторил ошибки первого, и теперь было ясно, насколько это опасный противник.

У старика из разорванного плеча текла кровь. Хотя он мужественно махал мечом, но это были скорее хаотичные, а не целенаправленные движения. Йиршанна достиг больших успехов.

В полосатом боку зверя зияла широкая рана, однако незаметно было, чтобы из-за нее тот уменьшил ярость и скорость. Его круглые уши были прижаты к черепу, он издавал свистящие звуки.

Потрясенный, Конан бросился на помощь принцу. Зверь слегка отступил, но при этом движении еще успел лапой отбросить меч принца и укусить его в плечо.

Его атака была направлена на шею, но принц в последнее мгновение успел отвернуться, так что огромные зубы зверя вонзились в менее

опасное место. Из разорванного плеча рекой хлынула кровь.

Принц уронил меч, и тот упал на землю со звонким бряцанием. Конан успел заметить, что старик между тем упал и неподвижно лежит прямо между передними лапами зверя, который наступил на него. Раздался звук ломающихся костей, и зверь покачнулся. Конан, воспользовавшись этим, напал на него сбоку, и попытался проткнуть его в том месте, где, по его предположению, могло быть сердце. Тарбен заревел и повернулся к новому противнику. Он протянул к киммерийцу лапы, как будто хотел обнять его. Конан взмахнул мечом, и одна лапа зверя отлетела.

Поток крови, хлынувший из раны, ударил Конана прямо в грудь. Брызги разлетелись в разные стороны и несколько капель попало ему в глаза. Киммериец мгновенно стряхнул их и это было как раз вовремя.

Зубастая пасть надвигалась прямо на него. Он попробовал повторить свой трюк и пригнулся к полу. Пасть миновала его, но зверь налетел на него полной грудью. Конан упал на спину, но продолжал вонзать меч в зверя, который даже сейчас пытался занять позицию сверху, чтобы закончить бой.

— Йиршанна! — пронесся по комнате яростный рев.

Тарбен на мгновение застыл на месте, и этого Конану хватило, чтобы змеей выскользнуть из досягаемости его лап.

На затылок зверя опустился меч принца. Однако либо сила удара была слишком слабой, либо меч тупой, либо шейные мускулы зверя слишком твердыми, но только меч застрял в шее тарбена, поднявшегося на задние лапы. Вид окровавленного зверя с одной передней лапой и мечом, вонзившемся в шею, был ужасен. Осколенные зубы говорили о том, что он не собирается сдаваться.

В этот момент Конан наконец занял нужную позицию и попытался повторить движение принца Йиршанны. Его высокая фигура и гораздо большая сила позволили сделать почти невозможное.

Тарбен рухнул на брюхо.

Но он все еще был жив. Хотя он поднимался медленно, но его налившиеся кровью глаза доказывали, что он будет сражаться до тех пор, пока в нем будет тлеть хотя бы искорка жизни. В этот момент Конан даже почувствовал нечто вроде уважения к зверю. Однако раздумывать об этом не было времени. Он снова бросился к чудовищу, и эта спешка чуть не подвела его. Он не заметил лежащего на полу старика и споткнулся об него. К счастью он не упал, устояв на ногах, но этим он дал зверю несколько мгновений для того, чтобы прийти в себя и снова пойти в наступление.

Однако поскольку Конан на мгновение исчез из его поля зрения, животное выбрало беззащитного принца, который опирался о стену тюрьмы, держась за разорванное плечо.

Зверь, качаясь, в немой ярости направился к нему. Тарбен уже хрипел от напряжения и двигался, как пьяный. В его шее все еще торчал вонзившийся меч принца, а из зияющих ран, нанесенных Йиршанной и Конаном, сплошным потоком хлестала кровь. Конан, подбежав к нему сзади, снова резко ударил рядом с застрявшим мечом принца.

Этого удара оказалось достаточно. Меч рассек мышцы и кости, и массивная голова упала к ногам принца.

Однако и после смерти зверь не переставал быть опасным. Его пасть открывалась и закрывалась с такой силой, что была бы способна прокусить ногу Конана. Тело медленно валилось на землю, поливая ее потоками крови.

Конан, качаясь, добрался до принца и хотел осмотреть его рану, но не мог. Ему необходимо было немного передохнуть. Он тяжело оперся о меч. Лезвие меча на ширину ладони погрузилось в пол.

Через пару минут он оставил меч там, где он был, и пошел осмотреть ранение принца. Рана была не легкой, но и не смертельной. Йиршанна смог улыбнуться.

— Я больше не удивляюсь тому, что отец поставил тебя во главе армии. Если ты всегда сражаешься так, то ты, наверное, не можешь проиграть, — сказал он.

— Иногда преимущество противника бывает слишком большим, — проворчал Конан, вспомнив о бое у городской калитки.

Он пошел взглянуть на старика. Тот был мертв.

Киммериец не мог бы определить, умер он от укуса или был затоптан. Но потом он сказал сам себе, что это, собственно, все равно. Жизнь старцу уже никто вернуть не сможет.

— Но он еще может нам послужить, — стиснув зубы, сказал он.

Он разорвал рубашку старика и сделал из нее две повязки. Одну для принца, а вторую для себя. Потом он вырвал из шеи зверя меч принца и подал ему его.

— Спасибо, — кивнул Йиршанна.

— Пойдем дальше, — сказал Конан, — и посмотрим, нет ли здесь где-нибудь выхода.

— Если это работа Сунт-Аграма, то выхода не будет, — покачал головой принц.

— Я знаю, но ждать здесь не буду, — кивнул Конан. — Подождите меня здесь. Я вернусь за вами.

Йиршанна завертел головой:

— Я иду с тобой. Здесь все равно нечего делать.

Они еще долго бродили по тюрьме. Она была большая, но они всю ее обошли, не найдя в ней ничего интересного. Все камеры были пусты.

Они вернулись назад на площадь. Там тоже ничего не изменилось. Конан рассудительно отрезал кусок мяса от ноги тарбена.

— Если мы не получим еды и это может пригодиться, — констатировал он.

— Сырым? — содрогнулся принц.

— Это будет не первый раз, когда сырое мясо спасло мне жизнь, — равнодушно пожал плечами Конан. — Но вас заставлять есть его я не буду.

Когда они приближались к камере Конана, странный свет начал ослабевать. Это выглядело не так, как когда заходит солнце, а скорее, когда кончается масло в лампе.

— Давайте прибавим шагу, — поторапливал Конан принца, — а то потом будем искать камеру вслепую.

— А стоит ли ее вообще искать, если здесь столько свободных? — крутил непонимающе головой Йиршанна, но шел за Конаном, как хорошо прирученный пес.

Киммериец бросил кусок мяса на стол и растянулся прямо на полу. Принц последовал за ним, и они успели как раз вовремя, потому что в этот момент исчезла последняя кроха света, и наступила беспросветная черная тьма.

Глава 9

Свобода

Ронана разбудило странное чувство, что на него кто-то смотрит в упор. Он поднял голову и огляделся вокруг. Было уже не очень темно, но видно было еще мало. Кроме спящего принца, которому, по-видимому, снился какой-то страшный сон, так как он дергался и переворачивался с бока на бок, рядом никого не было.

Однако киммериец доверял своему инстинкту. Он вскочил, еще крепче сжав меч, который не выпускал из рук даже во сне, и подошел к дыре, ведущей в коридор. И там было пусто, ни души. Что-то заставило его поднять голову и взглянуть вверх.

Он в изумлении застыл на месте.

Сверху надвигалось нечто неопишемое. Вниз медленно и плавно опускалась какая-то огромная колонна странного розового цвета. Она не

была гладкой, ее поверхность пересекали сотни тонких линий, сплетающихся в непонятные узоры. С одной стороны до высоты человеческого роста ее покрывала какая-то гладкая и на первый взгляд твердая плоскость. Внизу она выходила за нижний край колонны на ширину не менее пяти ладоней.

Конан напряг зрение, чтобы как следует рассмотреть странный предмет.

Движение его еще больше замедлилось. Однако у Конана было такое чувство, что колонна падает прямо на него. Он забежал в дверной проем. Сверху раздался грохот. Это не походило на звук грома, для этого звук был слишком высоким. Скорее ему это напоминало звук ветра, свистящего среди острых камней утесов. Он никак не мог понять, что это может быть. Схватив меч обеими руками, он приготовился к обороне.

— Принц, — заорал он, осознав, что все это происходит в полной тишине и утомленный Йиршанна все еще не очнулся от дурманящего сна.

Рослый седой мужчина открыл глаза и посмотрел на Конана. Потом снова закрыл глаза. Потом протер их здоровой рукой и потряс головой, непонимающе глядя на стоящего у дверей Конана, приготовившегося к бою.

Киммериец снова взглянул вверх. Колонна приостановила свое движение. Потом, сдвинувшись в горизонтальном направлении, снова начала опускаться. Конан бросил взгляд на принца. Тот лежал на спине, опираясь на локти, и с

открытым ртом пялился на чудовищный цилиндр, спускающийся вниз.

Колонна немного повернулась и принц выдохнул:

— Это палец! Там ногти! Но это совершенно невозможно, — бормотал он, в полном столбняке продолжая лежать на полу и глядя на происходящее.

Конан положил меч на плечо и выжидал, что будет дальше.

Палец опустился в коридор, повернулся ногтем к Конану и воткнулся в пол. Киммериец почувствовал горячее дыхание за своей спиной и сделал шаг в сторону, чтобы принц тоже видел, что делается в коридоре.

— Что это? — спросил принц.

Ответом ему было лишь пожатие плеч гиганта.

— Что ему здесь надо? — не оставлял его в покое принц.

— Замолчите! — не выдержав, заорал Конан.

Палец медленно двинулся дальше. Ноготь вырыл в полу борозду шириной в палец и глубиной в пол-ладони. Борозда тянулась в длину на добрых пять шагов. На левом конце черты он сделал две короткие косые черточки, а потом вознесся вверх.

— Это стрелка, — с восторгом воскликнул принц.

— Указатель, — ответил Конан и побежал в том направлении, которое указал ему огромный палец.

— Подождите меня, — закричал принц, но огромный киммериец, не обращая на него никакого внимания, неся во весь опор.

На четвертом перекрестке палец опять медленно спустился вниз. Конан приблизился к нему и был удивлен тем, что не чувствует никаких запахов, хотя и видит, что из его пор течет пот. Палец был покрыт чем-то меняющимся, радужным, что было на нем надето, как перчатка.

Палец опять начертил указатель. Он показывал им, что нужно снова свернуть налево. Через плечо Конан увидел, что к нему приближается запыхавшийся принц. Палец опять вознесся, но вдруг вернулся назад. Киммерийца это удивило. Мгновение он колебался, раздумывая, правильно ли он понял приказы, но потом увидел, что палец уничтожает начертанный указатель. Конан улыбнулся и продолжил начатый путь. Пройдя немного, он обернулся и увидел, как палец стирает и второй указатель.

Путь, указанный огромным пальцем, привел их в тупик. Запыхавшись, они остановились и тупо смотрели на стену, преграждающую им путь. Конан ощупал стену в поисках тайного прохода или чего-нибудь подобного.

Прохода не было.

Ииршанна держался за перевязанное плечо. На повязке появилось кровавое пятно, которого еще минуту назад не было. Принц стоял посередине коридора, его меч ручкой упирался ему в живот. Он наблюдал за тем, как киммериец старается найти в глухой стене что-то, что там, на-

верное, должно было быть, иначе бы их палец сюда не привел.

— Подлец, сукин сын! — проревел принц и Конан вытаращил на него глаза, потому что он не предполагал, что наследник трона может знать выражения, распространенные среди простых наемников.

Ииршанна стер с руки кровь и, схватив меч, с яростью вонзил его в стену. Кончик меча воткнулся в нее и сломался. Конан в раздумье посмотрел на палец, медленно исчезающий в высоте, а потом на сломанный меч в руке принца. Он вырвал у него меч и попытался снова вонзить его в стену.

Меч, несмотря на отсутствие острия, вошел в стену на глубину ладони. Конан повис на нем. Оружие крепко сидело в стене. Вероятно, острие было надломлено еще раньше. Киммериец размотал повязку на груди и вытащил оттуда кинжал. Он подтянулся вверх и воткнул кинжал в стену. Затем встал на меч принца ногой, одной рукой держась за кинжал. Свой меч он вонзил немного выше и подтянулся к нему. Потом он, наклонившись, выдернул из стены меч принца, и вонзил его гораздо выше своего. Таким образом, он медленно поднимался наверх.

Принц стоял внизу, наблюдая за акробатическими упражнениями Конана. Киммериец запрыгнул на верхнюю кромку стены, которая оказалась очень узкой. Он сидел на стене и смотрел вниз. С другой стороны стены на полу коридора был нарисован какой-то синий квад-

рат. Палец, спустившись вниз, указал на него. Потом несколько раз подряд поднимался и снова касался квадрата.

— Это-то мне понятно, — проворчал Конан, — но как мне поднять сюда принца?

Из остатков одежды он не сможет сделать веревку, которая была бы достаточно длинной, чтобы поднять принца наверх. Он в нерешительности сидел на стене, не зная, спрыгнуть ему вниз или остаться здесь.

Эту проблему за него наконец решил палец. Он опустился на землю недалеко от принца и согнул последний сустав.

— Кром побери! — восторженно воскликнул Конан. — Это то, что нужно! Вот вам сиденье, принц! Садитесь на него и оно перенесет вас на другую сторону!

Ииршанна в сомнение рассматривал массивную колонну, покрытую радужной пленкой.

— Мне на нем не удержаться, — крикнул он Конану.

Когда он сделал резкое движение, раненое плечо, по-видимому, снова заболело, потому что он схватился за него здоровой рукой.

— Попробуйте. Это ваш единственный шанс! Моим путем вам наверх не взобраться!

— Тут ты прав. Я же не бродячий акробат, — проворчал принц и уселся на согнутый палец, обхватив его ногами.

Обхватить руками такую большую колонну он не мог бы, даже прижавшись к ней лицом. Тем не менее он попытался сделать это. Это

имело одну выгоду — он не видел, что с ним происходит. Палец медленно и плавно взмыл вверх.

Правда, принцу это плавным отнюдь не казалось. Он начал повизгивать. Это были не связанные звуки, а высокое и тоненькое визжание.

Конан не обращал на него внимания. Он сбросил вниз оба меча, а кинжал снова засунул в свои повязки, из которых предварительно сделал пояс. Передвинув кинжал на спину, он соскользнул с верха стены и на мгновение повис на руках. Оттолкнувшись от стены, чтобы не скользить по ней, он соскочил вниз. Пол спружинил под ним, так что приземление не было слишком резким.

В тот момент, когда он распрямился, раздался вскрик и принц упал рядом с ним. Правда, его падение не было похоже на мягкий кошащий прыжок Конана, его скорее можно было сравнить с падением мешка, брошенного с корабля на пристань.

Конан не слишком бережно поднял его и потащил к синему квадрату. Когда они ступили на квадрат, он отпустил Ииршанну, и под тем подломились ноги. Принц лежал у ног Конана и тихо стонал. На потолке что-то засверкало. Ядовито-зеленый сноп света опустился вниз и образовал вокруг них сияющую стену, которая уходила высоко вверх. У киммерийца потемнело в глазах, как будто он посмотрел на летнее солнце. В тот момент, когда он ничего не видел, ему как будто кто-то подсек ноги.

Он упал.

Он падал не с высоты, но и не просто на синий квадрат. Он на что-то налетел боком и соскользнул вниз.

На мгновение он крепко зажмурил глаза, а когда открыл, он был уже совсем в другом месте.

Большой зал, в котором он находился, не был похож ни на что, виденное им до сих пор. Здесь стоял массивный каменный стол со странными окованными серебром краями. Деревянный, ничем не украшенный потолок, низко нависал над его головой. В углу находился огромный изразцовый камин, из которого полыхало жаром. Стены были покрыты темными шпалерами, так что не было видно ни одного окна или двери. Пол в несколько слоев устилали туранские ковры.

Свет был не очень ярким. Кроме камина, свет излучала только лампа, стоящая на треножнике у стола. В комнате стояла полутьма.

Единственным живым существом в комнате была высокая, стройная светловолосая девушка, одежда которой, однако, была далека от женской моды, по крайней мере, по понятиям красавиц в Термезане. На ней была кожаная юбка без украшений, спускавшаяся до щиколоток. Наряд дополняла сильно присборенная рубашка с кучей кружев. Длину ее волос можно было бы сравнить с обычной прической пажей, но дама с такой прической в обществе не осмелилась бы появиться. Ее зеленые глаза по-копачьи светились в полутьме. На ярких губах играла насмеш-

ливая улыбка. На ней не было ни украшений, ни серег.

— Другим способом я не могла вызволить вас оттуда, — сказала она извиняющимся тоном. — Я не знаю столько заклинаний, как Сунт-Аграм.

— Кто ты? — хотел сказать Конан, но потом понял, кто перед ним. — Ты Соланна, дочь чародея Сунт-Аграма, да?

— Совершенно точно, что касается первой части, и совершенно неверно, что касается второй, киммериец! — отрезала она ясным звонким голосом.

— Как это? — вмешался в их разговор хриплый голос принца Йиршанны. — Ты же дочь Сунт-Аграма. Он привел тебя сюда пять лет назад. Я хорошо помню это.

— Я действительно Соланна, но Сунт-Аграму я не дочь, — возразила девушка, по-детски надув губы. — Когда-то он похитил меня из дома, перебив перед этим весь наш род. Он тоже был из нашего рода, но потом его изгнали, за то, что он занимался черной магией. В один прекрасный день он вернулся, — она склонила голову. — Со всем другим... Более страшным... Надо всеми насмехался... И никто не отважился снова прогнать его. А однажды ночью в нашу деревню пришли...

— Кто? — спросил Йиршанна.

— Не знаю, — провела она рукой по глазам, как будто хотела отогнать что-то страшное, что предстало перед ней. — Выжила только я. Почему, не знаю. Вероятно... Может быть... потому что мой отец был жрецом в нашей деревне.

— Почему ты никогда никому об этом не рассказывала? — не отставал от нее принц.

— Я не помнила этого, — тихо сказала девушка. — Но недавно со мной произошло нечто, — она секунду помедлила, но потом собралась с силами, — нечто такое, что сорвало покрывало забвения с моего прошлого.

— Надо как можно скорее скрыться отсюда, — прервал Конан излишние по его мнению разговоры. — Ты нас спасла, а остальное мы выясним позднее. Как отсюда выбраться наружу?

— Это не так просто, — возразила Соланна. — Если мы просто убежим отсюда, Сунт-Аграм нас очень быстро найдет. У нас только один шанс на успех — если ты отрубишь ему голову, а еще лучше, если ты разрубишь его на куски. Этим ты его не убьешь, он бессмертен. Но в любом случае, это даст нам время уйти достаточно далеко, чтобы он не мог поймать нас.

— Сколько времени он будет лечиться от такого «ранения», если нам это удастся? — хотел знать Конан.

— По крайней мере две недели он не сможет показаться на людях. Даже явиться к королю.

— С отцом я за это время разберусь, — вмешался в разговор принц, который по праву чувствовал себя забытым, и поэтому вышел вперед, чтобы попасть в поток света.

— Значит, это все-таки вы, ваше высочество? — вскрикнула Соланна. — Я думала, что мне это показалось... Или что это какой-нибудь ваш двойник... Я думаю, что этим вы ничего не дос-

тигнете. Только укоротите жизнь отцу и себе. Пока Сунт-Аграм бессмертен, власть над этим королевством в его руках.

— А мы можем лишить его бессмертия? — Конан наклонился к девушке, которая не доставала ему до плеча.

— Этого я не знаю. Но он опасается одного полузабытого бога, я даже не знаю, где его святыня. Это не его бог.

— Но ты хотя бы знаешь его имя? — нахмурился Конан.

— Кхоран'дан. Это я вычитала в его записках, которые я однажды...

— Кхоран'дан? Я никогда не слышал этого имени.

— А я слышал, — задумчиво сказал принц Йиршанна. — это один из морских богов. Пару лет назад меня послали по делам в Даити, а потом я должен был плыть морем в Вендию...

Конан и Соланна взглянули друг на друга.

— Я слышал о тех местах, но никогда не был там.

— Я тоже нет, — Соланна опустила голову на руки.

— Но главная святыня этого бога не в Даити, а на острове неподалеку по направлению на юг. Наши моряки туда поплыли...

— Это неважно, — покачал головой Конан.

— Это наш шанс, — Соланна закусила нижнюю губу.

Конан принял решение.

— Это было бы слишком сложно. Ты говоришь, что за две недели мы сможем уехать так далеко, что можем не бояться Сунт-Аграма. Так и сделаем. Я уже долгое время думаю о том, что я мог бы навестить... — сказал Конан задумчиво.

— Я сказала, что у нас есть шанс убежать от него, а не исчезнуть из его поля зрения... — Соланна подняла на Конана потемневшие зеленые глаза. — Сунт-Аграм страшно мстителен. Он будет преследовать нас на край света.

Киммериец махнул рукой.

— Ты хочешь отомстить ему, не так ли? — приподнял Конан левый уголок губ в некотором подобии того, что можно назвать улыбкой. — Это мне понятно, но мне здесь уже нечего...

— Если вы возьметесь уничтожить Сунт-Аграма и лишить его бессмертия, я заплачу вам десять тысяч... — после короткого молчания произнес Йиршанна.

Конан покачал головой.

Йиршанна на мгновение задумался. Потом он пригладил длинные поседевшие волосы, сейчас порядком всклокоченные. Киммериец выжидающе наблюдал за ним.

— Вы когда-нибудь слышали о Звезде Термезана? — тихо сказал принц.

— Кто же о ней не слышал, — улыбнулся Конан. — Я даже однажды видел ее, когда король Сенхор показывал ее послу...

— Этот алмаз уже давно принадлежит нашему роду, — серьезно кивнул головой принц и волосы упали ему на лицо. — Счастье нашего рода

зависит от него. Пока он у нас, мы будем правителями.

— Уж не желаете ли вы предложить его мне в награду, — уже неприкрыто усмехнулся Конан.

— Да, хочу, — принц выпрямился и в его позе было нечто настолько величественное, что заставило Конана перестать улыбаться. — Самой охраняемой тайной нашего рода является то, что Звезд Термезана две. Первоначально их было четыре. Когда-то в древности их выточил из одного огромного алмаза славный... Но это неважно, — махнул Йиршанна рукой. — Одну мы дали как взятку, вторую у нас украли, так что у нас остались две. В случае, если нам с вами удастся устранить Сунт-Аграма, одна из них ваша.

— Однако правит здесь Сенхор, — рассудительно напомнил Конан, — а вас отец отдал во власть чародея...

— Именно поэтому я и должен его устранить, — решительно сказал принц Йиршанна. — А за свою награду не бойся. Как наследник трона я укрыл свою Звезду Термезана в одном из своих замков. Я поеду с вами и помогу вам.

— Вы останетесь здесь, принц, и будете ждать нашего возвращения, — сказал Конан голосом, не допускающим возражений. — Ваше ранение так серьезно, что вы больше стали бы обузой для нас. Ваше присутствие может разрушить все мероприятие раньше, чем у нас вообще появился бы шанс на победу. А ты, Соланна, веди меня к своему отцу. Или, точнее, к отчиму...

— Пойдем, — улыбнулась девушка и провела пальцем по шее. — Я думаю, что сначала тебе надо получше вооружиться. Этим, — она насмешливо указала на зазубренный меч, который Конан все еще держал в руке, — тебе вряд ли удастся выполнить свое намерение.

— Он сослужил мне в общем-то хорошую службу, — гигант взвесил меч в руке. — И если у тебя нет ничего лучше, то мне и сейчас его будет достаточно. Хотя, конечно, это не бог весть что...

— Перестань. Это нам по пути.

Они отправились в путь.

Соланна открыла дверь, скрытую за тяжелой портьерой, и оставила ее приоткрытой. Затем, свернув направо, она спокойно пошла по широкому, хорошо освещенному коридору.

— Мы не встретим какую-нибудь стражу? — вопросительно посмотрел на нее Конан.

— Не здесь, — покачала головой девушка. — Они сторожат снаружи. Это личные покои Сунт-Аграма и сюда имеют доступ только Хинневар, я и его избранные слуги. Все уже давно спят, — кивнула головой Соланна и расправила руками юбку. — Мне надо пойти переодеться.

— Ты что, не могла... — обрушился на нее Конан.

— Не могла! — нахмурилась девушка. — Сунт-Аграм пожелал, чтобы я наблюдала за игрой. Я должна была участвовать в ней. Не будь этого, я не знала бы, где вы. Сунт-Аграм мне этого не сказал.

— А раньше ты это знала?

— А как ты думаешь, кто носил тебе воду?

— Это была ты? — широко раскрыл глаза Конан. — Почему ты нас решила спасти? — спросил он, понизив голос, потому что они проходили мимо массивных дверей. В его голосе слышалось подозрение.

Из помещения за дверью доносился дикий рев мужских голосов. Пьянка была в полном разгаре.

Конан недоверчиво посмотрел на дверь и перешел на другую сторону коридора, чтобы в случае нужды иметь достаточный размах для первого удара.

— Этого не потребуется. Эти стражники уже сменились со службы и получили от меня несколько кувшинов королевского вина.

Конан, услышав эти слова, облизнулся. Он вспомнил о прекрасном вкусе вина, которое ему несколько раз доставалось во время несения им службы при королевском дворе в Термезане.

— Мы должны были пойти этим путем, чтобы как можно скорее попасть в оружейную, — тихо сказала Соланна.

— Но ведь она в другом крыле дворца, — завертел головой Конан.

— Разумеется, — приснула Соланна, — но то оружейная короля. Эта же принадлежит Сунт-Аграму и там есть интересные вещи. Правда, ты не сумеешь ими пользоваться. Но там есть и множество обычного оружия. Думаю, что и я смогу там что-нибудь себе выбрать.

— Подожди, — проворчал киммериец и остановился.

Колеблющийся свет факелов, освещающих коридор, отбрасывал на ее лицо странные тени. Конан пристально посмотрел на нее:

— Как это — и я смогу выбрать? Ты что, никогда не была там?

— Да нет же, была, — повернулась к нему Соланна. — Ну не стой там, пошли, — подгоняла она его. — Не можем же мы бродить здесь всю ночь. В последний раз я была там два года назад, потом Сунт-Аграм уже не хотел пускать меня туда.

— А как же мы туда попадем? — не мог не спросить киммериец.

— Помолчи, — отрезала девушка и свернула налево.

У Конана потемнело в глазах. От ее наглости у него перехватило дыхание. У него появилось огромное желание схватить ее и просто как следует отлупить.

Однако скорость, с которой она двигалась, не позволила ему сделать это. Они еще несколько раз свернули и только чувство ориентации, присущее горцам, с которым киммерийцы появляются на свет, придавало ему уверенности в том, что он не потеряется в лабиринте коридоров Сунт-Аграмовского крыла королевского дворца. Он удивлялся тому, насколько эта часть замка отличается от королевской.

Соланна, по-видимому почувствовав его сомнения, пояснила:

— За эти годы Сунт-Аграм многое здесь перестроил по своему желанию. А король... Он сюда не ходит. Наверно, он хорошо знает, что это не пошло бы ему на пользу...

Конан пожал плечами, и лезвие меча, покоившегося у него на плече, поднялось в воздух на целый дюйм.

Узкий коридор, по которому они шли, освещали два факела.

— Сюда стражники уже должны заходить. Но сейчас еще некоторое время сюда ни одна стража не придет, — Соланна указала на недавно замененные факелы.

— А почему же именно сюда им приказано заходить? — проворчал Конан и остановился, когда понял, что они приблизились к стене, наглухо перегородивающей коридор.

— Потому что налево здесь находится сокровищница Сунт-Аграма, — махнула рукой девушка. — А вот здесь, направо, — опять последовал резкий взмах, — находится то, что нас интересует. Оружейная.

Конан недоверчиво посмотрел сначала налево, а потом направо. Никаких дверей не было видно. Он даже, прислонив меч к стене, ощупал ее руками.

— Здесь ничего нет, — проворчал он. — Не верю!

— Нет, есть, — победоносно ухмыльнулась Соланна, — нужно только хорошенько посмотреть. Дай-ка мне лучше кинжал, — протянула она руку.

Она осторожно провела кончиком тонкого острия по стене. Коридор наполнился резким скрежещущим звуком.

Она отодвинула оружие немного назад, поправила его так, чтобы оно было расположено перпендикулярно стене, и всем своим весом налегла на рукоятку.

Кинжал медленно, со скрежетом вошел в стену. Раздался щелчок и в стене появилась щель. Она оставила кинжал в покое и оперлась о стену рядом с ним.

— Ну же, помоги мне, — пропыхтела она.

Конан одной рукой слегка толкнул стену рядом с ее рукой и вдруг Соланна, вместе с куском стены, исчезла в темноте. Раздался стук, это массивная «дверь» ударилась о стену внутри помещения. Киммериец, подойдя к одному факелу, выдернул его из металлического крепления и вернулся назад. Сжав в другой руке свой зазубренный меч, он вошел в темное помещение. Он громко рассмеялся, когда увидел, что Соланна все еще лежит на полу, распластавшись, как лягушка. Девушка повернула к нему испачканное лицо, на котором было очень далекое от любезного выражение.

— Да уж, ты постарался, — прошипела она.

Конан продолжал смеяться, но уже не так громко, потому что до него дошло, что их может услышать кто-нибудь посторонний.

— Спальня Сунт-Аграма как раз над тобой, — указала вверх Соланна, когда он поднимал ее с пола.

— А у него нет входа сюда? — внимательно посмотрел он на нее.

— Откуда мне знать, — ее глаза метали молнии. — Я в его постели не сплю! Если бы ты...

— Ну, хватит, — прикрикнул он. — Что случилось, то случилось...

Воткнув факел в поржавевшее неиспользуемое крепление на стене, он осмотрелся и глаза его загорелись. На большой куче оружия он увидел мощный кинжал, как будто созданный для его руки. Правда, когда он схватил его рукой, оружие уже не выглядело таким массивным. Соланна между тем копалась в соседней куче.

— Это должно быть где-то здесь, — бормотала она, отбрасывая ненужное оружие за спину и не обращая внимания на производимый ею шум.

Конан стоял, осматриваясь по сторонам. Помещение имело форму квадрата. Окон здесь не было. Не было и никаких подпорок для оружия. Только на стене в ряд торчали крюки.

Один из кинжалов, который девушка резко бросила за спину, угодил острием в занавеску у другой стены и соскользнул по ней вниз. Ткань слетела на землю и из-под нее показался продолговатый, опоясанный темно-красными полосами сундучок, украшенный плоской резьбой. Поднялось облако пыли.

— Сунт-Аграм нечасто сюда ходит, да? — сказал Конан и закашлялся.

— Вот оно, — приглушенно обрадовалась Соланна, повернувшись на звук его голоса и увидев сундучок.

Она бросилась к сундучку. При первом же шаге она наступила на один из кинжалов, которые она разбросала вокруг себя, и поскользнулась на нем. Едва не потеряв равновесие, она все же устояла на ногах и, схватив сундучок, попыталась его открыть.

— Помоги же мне! — крикнула она, поскольку Конан не двигался.

— Только чтобы это не окончилось, как в прошлый раз, — ухмыльнулся киммериец.

— Да ладно тебе, — махнула она рукой и подала ему сундучок.

Конан, переворачивая сундучок в руках, прислушивался к звяканью внутри него.

— Там какой-нибудь меч? — кончиками пальцами он искал какую-нибудь щель, за которую можно было бы ухватиться.

— Должен быть, — согласилась Соланна, — но скорее для меня. Для тебя он слишком легкий, а кроме того, ты с ним не умеешь правильно обращаться. При условии, что это он, — стиснула она губы от напряжения.

— Нет меча, с которым я не умел бы...

— Только не этот! — отрезала девушка. — Этот меч принадлежал богине Иштар.

— Что-что? — вытаращил глаза Конан.

— Ну, по крайней мере, я думаю, что ей, — нерешительно сказала Соланна, — или какой-нибудь другой богине. В любом случае девственница с ним практически непобедима, потому что ей помогает богиня, — сказала Соланна с пафосом.

Конан только сморщил нос и сказал:

— Я больше люблю простое доброе оружие, у которого я знаю, что и как. А эти... — он резко отбросил сундучок в сторону. — А вот это как раз для меня, — восторженно закричал он и бросился к левой стене, где на ржавом крюке висел могучий меч в зеленых ножнах. Его рукоятка была позолочена, а чеканное украшение изображало какую-то битву.

Рукоятка была обильно украшена чеканкой, а на конце сверкал большущий зеленый камень. Конан схватил его и выхватил из ножен. Он махнул мечом над головой и тот со свистом рассек воздух. На отполированном лезвии меча отражался свет факела, как пучок маленьких солнечных зайчиков.

— Хорошо лежит в руке и прекрасно уравновешен, — проворчал он удовлетворенно.

При падении на пол сундучок раскололся на две части. С зеленого бархата, которым он был выложен, на пол соскользнул длинный тонкий меч. Его рукоятка представляла собой стилизованную руку.

Вдруг Соланна что-то услышала. Она подняла руку и застыла на месте. Конан тоже прислушался.

— Сокровищница, — шепнула девушка.

Киммериец бросился к дверям. Не успел он сделать и двух шагов, как в дверях появилась высокая костлявая фигура, закутанная в синий плащ, на котором виднелись расширяющиеся сверху вниз желтые полосы. Голая голова бле-

стела в свете факела. Увидев гостей в оружейной, его зеленые глаза грозно засверкали.

Он поднял руку, направив ее на Конана, и пролаял какое-то заклинание. Киммериец двинулся навстречу, чтобы иметь его в поле досягаемости своего меча.

Первый шаг он сделал легко, второй дался ему уже труднее. У Конана было такое ощущение, что он бродит по медовой луже. По мере произнесения заклинания ему становилось все труднее дышать.

Соланна исчезла со своего места, как тень. Она передвигалась вдоль стены так осторожно, что не привлекла к себе внимания чародея. На удивление она не споткнулась ни об одно из орудий, которые благодаря ее усилиям валялись разбросанными по полу.

В тот момент, когда с пальцев Сунт-Аграма слетела зеленая искра, она резко взмахнула своим мечом. Казалось, что клинок ее тонкого оружия обмотался вокруг кисти правой руки чародея. Она дернула меч, и Сунт-Аграм страшно заревел. Из его руки высокой дугой хлестала кровь.

Зеленая искра летела к киммерийцу не слишком быстро. Стряхнув с себя оцепенение, он пригнулся и подставил под искру клинок. Искра отразилась от меча и отлетела к стене, постепенно угасая.

Горизонтальным ударом меча Конан попытался решить все проблемы. Однако Сунт-Аграм молниеносно пригнулся, и меч киммерийца упал

острием сбоку на череп Сунт-Аграма. Раздался такой бряцающий звук, будто меч ударил в железный щит.

Оглушенный чародей зашатался, его глаза на мгновение закрылись. Но это состояние действительно длилось только одно мгновение, которое даже такой быстрый боец, как Конан, не смог использовать.

Израненную и неподвижную правую руку чародея прижал к телу. По синему плащу потек вниз широкий ручей крови. Однако Сунт-Аграм не обращал на это внимания. Пошарив левой рукой в воздухе, он вытащил оттуда пламенеющий меч.

Два клинка встретились. Удар чародея был таким сильным, что у Конана заныло плечо. Отразив удар, он попытался использовать преимущества своего более длинного меча. Но Сунт-Аграм тоже легко отбил его удар. Даже от этого короткого касания меч Конана раскалился так, что он с трудом удерживал его в руке. Он повел удар на бок Сунт-Аграма сверху. Чародей не позволил себя обмануть и опять легко отразил удар, выполнив танцевальное па, которое помогло ему занять выгодное положение. Руку с искалеченным запястьем он держал изящно поднятой вверх и назад, и из нее уже почти не шла кровь.

В этот момент в их поединок снова вмешалась Соланна. Хотя ее удар далеко миновал чародея, но он все-таки на мгновение отвлек его внимание.

Этим воспользовался Конан, который каким-то фантастическим ударом, не описанным ни в одном учебнике фехтования, снес Сунт-Аграму голову, и та отлетела в сторону, сопровождаемая фонтаном крови.

С гулким стуком голова упала на землю, рот ее беззвучно раскрылся в крике боли. Тело продолжало стоять. Меч не выпал из руки. Конан ожидал падения тела, но этого не случилось. Качаясь, тело направилось к лежащей на полу голове. При этом оно неуверенными движениями размахивало вокруг мечом. Однако пламя меча угасало, а клинок как будто постепенно укорачивался.

Конан дождался подходящего момента и, размахнувшись сверху вниз, отрубил руку с мечом. Из культи уже не вытекло ни капли крови, так же, как и из шеи. Рука с мечом упала на пол, и клинок зазвенел, попав на стальную рапиру, валяющуюся на полу. Она тоже засветилась от жара клинка.

Пламя меча гасло, и оружие растворялось в воздухе.

— Останови его, — завопила Соланна.

Конан непонимающе смотрел на голову, которая при падении нанизалась на один из кинжалов, которые Соланна разбросала по всему полу. Один зеленый глаз вытек на пол. На киммерийца палилась окровавленная глазница.

Гигант подбежал к качающемуся телу, вызывающему в нем отвращение, и поддал ему плечом.

Удар приподнял тело и выбросил его в коридор. В ужасающей тишине качающееся тело, которое каким-то загадочным образом удержалось на ногах, попыталось вернуться назад в оружейную.

Следующий удар мечом отбросил его в открытую дверь напротив.

Соланна выбежала вслед за Конаном в коридор. Она несла зеленые ножны от меча Конана, свой меч и два кинжала. Тот кинжал, который гигант выбрал, все еще был за его поясом сзади на теле. Она положила оружие на землю и попыталась вытащить тот кинжал, воткнувший в стену, который послужил им ключом к оружейной. Это ей не удавалось.

Конан наконец мощным ударом меча плашмя свалил обезглавленную фигуру на пол в соседней комнате. Вернувшись к девушке, он одним движением выдернул кинжал из стены. Дверь с тяжелым стуком закрылась.

Конан взял у Соланны зеленые ножны, вытер меч и засунул его внутрь. Затем застегнул широкий пояс, к которому они были прикреплены, а кинжал засунул в кожаные ножны на другом боку. Он входил туда с трудом, так как был для них слишком велик.

— Ну, что дальше? — он провел пальцем по носу, не чувствуя, что оставляет там кровавый след. — Надо отсюда поскорее убраться.

Киммериец уже было направился в обратный путь по коридору. Ему хотелось как можно скорее покинуть это страшное место.

— А на что мы будем путешествовать? — услышал он тихий голос за спиной.

Он сердито закусил губу, осознав свою ошибку. Резко повернувшись, он увидел, как Соланна исчезает в сокровищнице. В дверях он остановился, увидев, как она стоит, широко расставив ноги, над безглавым телом, которое пыталось медленно подняться, но ему не хватало отрубленной руки.

Тело хотело опереться на нее, потеряло равновесие и снова с грохотом рухнуло на деревянный пол. Девушка подошла к нему. Тело попыталось ударить ее ногой. Сам не зная как, Конан почувствовал в своей руке меч. Резким ударом сверху вниз он отрубил труп у обеих ног на уровне колен.

Соланна, расставив ноги, стояла над туловищем и обеими руками сжимала длинный кинжал, направленный острием вниз. Наклонившись, она резким ударом приколола тело к земле. Тело дергалось, как червяк, насаженный на крючок.

Конан поскорее отвел глаза.

— Не будем брать ни золотые слитки, ни украшения, — сказала она решительно.

— Это самые разумные слова, которые я когда-либо слышал от женщин.

Она разыскала два кожаных мешка, и они стали наполнять их золотыми монетами, которые доставали из нескольких сундучков, стоящих на массивном столе у одной из длинных стен.

— Ну, теперь хватит, — похлопала она рукой по раздувшемуся мешку, лежащему на столе. — Я пойду переоденусь. Тебе тоже надо что-нибудь подобрать. Приближается зима, а нас ждет долгая дорога.

Конан посмотрел на свое тело и потом спросил Соланну с усмешкой в голосе:

— Ты думаешь, что у Сунт-Аграма будет что-нибудь такое, во что я влезу? Я же лишился всей одежды.

— Как минимум, какой-нибудь плащ, а может быть, найдется и еще что-нибудь, — пожала она плечами.

Напротив двери в сокровищницу темнела лестница, ведущая наверх.

По мере того, как они поднималась, света убывало, так как факел остался внизу. Конан следовал за ней.

— Интересно, где эта лестница кончается? Я у него в спальне никогда никакой лестницы не видел.

Она вытянула вперед руки и натолкнулась ими на деревянную перегородку. Нащупав сбоку щель, она слегка надавила. Дверь вошла в стену.

— Мы в гардеробе, — фыркнула Соланна. — Этих слуг надо было бы... — прошипела Соланна, втянув ноздри в воздух. — Здесь вонь, как...

Конан прицохался, но ничего ужасного не почувствовал. Он улыбнулся женским глупостям. Соланна расчищала ему дорогу, пока они не дошли до двери, которая служила входом в гардероб.

— Сейчас будь осторожнее. У него здесь может быть какая-нибудь...

— Это не проблема, — процедил Конан и вытащил из ножен массивный кинжал.

— Я совсем не имела в виду, что ты должен убить ее, — вскрикнула Соланна.

— Я и не собираюсь, — с возмущением набрал воздух в грудь киммериец. — Я не любитель убивать женщин.

Помещение, освещенное добрым десятком свечей, было пустым. Конан со свистом выдохнул. Соланна взяла с подставки высокую свечу, повернулась к Конану и сказала:

— Я пойду переоденусь и вообще подготовлюсь к путешествию. А ты пока подбери себе какую-нибудь одежду. Гардероб за тобой. Я замкну дверь, чтобы тебя здесь никто не увидел. Я скоро приду.

Как только дверь за ней закрылась, Конан взял в руку массивный подсвечник и вернулся в гардероб.

— Сунт-Аграм был или щеголь, или сумасшедший, — проворчал он, когда осмотрел помещение. — Я никогда в жизни не видел его ни в какой другой одежде, кроме плаща, а здесь... — крутил головой Конан.

Только одних синих плащей здесь висело по крайней мере три дюжины. На вешалках, упиравшихся концами в обе стены, висели десятки, а может, и сотни костюмов.

На Конана, который никогда не имел более одного, может быть, двух костюмов, за исключе-

нием последней службы, это произвело большое впечатление. Он поворачивался во все стороны и не знал, что взять раньше. Все выглядело тонким и воздушным, все было богато украшено золотым шитьем.

— Так я, пожалуй, ничего для себя не найду, — заворчал он сердито, бегло просмотрев весь гардероб.

Он вернулся назад в спальню, неся на руке одни широкие штаны из тяжелого сукна, две рубашки и два плаща. Один легкий, темно-красный, обшитый золотой тесьмой, а второй из толстой ткани. Это был коричневый плащ, единственным украшением которого был скрученный шнурок, нашитый по всей его длине. Красный плащ он в конце концов отбросил на постель с балдахинном, стоящую в углу, как совершенно бесполезный.

Второй он метнул на стол, стоящий посередине комнаты. Он немного не рассчитал силу броска, ткань соскользнула со стола и чуть не смела на землю один из подсвечников, освещающих спальню. Только быстрым прыжком и еще более быстрым движением своей мускулистой руки он спас положение.

Он переодел штаны. Они были ему немного тесны и коротки, но это было не так страшно. Потом он попытался надеть менее украшенную из рубашек, но материя лопнула, как только он просунул руку в рукав. Конан с яростью сорвал с себя разорванные куски ткани. Только вторая рубашка подошла ему.

Он сел в кресло, удобно оперся о спинку и вытянул ноги вперед, отдыхая. Потом его взгляд упал на разобранную постель. Гигант улыбнулся и решил растянуться на ней. Он отстегнул пояс с мечом и кинжалом. Однако, прежде чем лечь, он вытащил меч из ножен и положил его в изголовье.

Через минуту Конан уже спал. Он знал, что как только раздастся звук ключа, поворачивающегося в замке, он сразу же будет на ногах.

Глава 10 В дорогу!

Когда ключ в замке заскрипел, Конан действительно мгновенно оказался на ногах. В руке он сжимал свой новый меч, готовясь к схватке. Дверь медленно отворилась и внутрь вошел юноша, с которым Конан встретился в трактире в ту ночь, когда собирался покинуть город.

Он был высок, строен и светловолос, одет в красные кожаные штаны до колен. Поверх грубой белой присборенной рубашки на нем был накинут темно-зеленый плащ из толстого войлока, отороченный черным мехом.

Конан, не ожидая ничего хорошего, угрожающе двинулся на вошедшего. В последнее мгновение его остановил голос Соланны, зазвучавший из уст блондина:

— С ума сошел, киммериец? Или тебя отравил Сунт-Аграм?

Киммериец остановился, как вкопанный, опустив руку с мечом.

— Это ты?

Перед его прищуренными глазами промелькнула сцена в трактире.

Соланна широко улыбалась, довольная произведенным эффектом.

— Ты меня не узнал? Значит моя маскировка работает отлично, — сказала она с удовлетворением и провела рукой в зеленой перчатке по левой щеке. — Ты уже выбрал что-нибудь? Особенно выбирать не из чего, — констатировала она, увидев, как киммериец набросил на себя плащ. — Но лучше это, чем ничего. Пошли! Остальное можно купить по дороге.

* * *

— Принц, — настойчиво повторила Соланна. — Лучше будет, если вы удалитесь в один из своих замков и о вас не будет слышно как можно дальше.

— Это ерунда! — не соглашался Йиршанна, озабоченно поглаживая лысину на макушке. Кончик его клювообразного носа дрожал. — Если мне удастся убедить отца, то...

— Вам не удастся убедить его, — спокойно возразила Соланна, — это заговор, и ваш отец, скорее всего, тоже в нем замешан. Хотя, возможно, и не по своей воле.

— Как это? — в ужасе выдохнул принц. — Что вы хотите сказать?

— Сунт-Аграм сообщил ему о детях, которые должны родиться у принцессы и у меня, — сказала девушка многозначительно.

— Ну и что? — вопросительно поднял брови Йиршанна.

Соланна вздохнула, явно огорчившись непонятливости некоторых людей:

— Дети, которые родятся, будут использованы при проведении очень сильного колдовства.

— Ага, — выдохнул принц, но ясно было, что он все еще ничего не понял.

— Так это все задумал Сунт-Аграм, — зашипел в ярости Конан, — с согласия этого старого...

— Киммериец! — выпрямился принц Йиршанна. — Ты говоришь о короле и моем отце! — он многозначительно положил руку на рукоять своего меча.

Конан не задумываясь схватился за свой. Соланна бросилась между ними.

— Ссоры и поединки нам сейчас только помешают!

На обоих эти слова подействовали подобно ледяному душу, хотя Конану лишь с большим трудом удалось засунуть меч назад в красивые разукрашенные ножны.

— Король убежден, что колдовство продлит ему жизнь и сделает его бессмертным.

— Но почему же Сунт-Аграм подставил именно меня? — все еще не понимал киммериец.

— Кого-то он должен был выставить в качестве виновника, — резко ответила Соланна, которую уже начала сердить непонятливость ее со-

беседников. — А ты уже начал мешать Сунт-Аграму. Ты стал слишком популярен среди народа, а главное, среди солдат. Правители не переносят, когда их армия обожает кого-нибудь больше, чем их самих. Или я ошибаюсь?

— Похоже, что все именно так, — кивнул Конан.

— А это колдовство предназначено не для короля?

— Нет, — покачала головой Соланна. — Ребенок принцессы должен усилить магические способности Хинневара, самого способного из помощников Сунт-Аграма. Сунт-Аграм в нем очень нуждается, хотя и не говорит об этом. А мой ребенок, о котором Сунт-Аграм давно мечтает, должен был обладать еще большими магическими способностями, чем сам Сунт-Аграм. Он очень сильный чародей, но его магия все же имеет границы. И кроме того, ему мешает страсть игрока, на нее расходуется много магической силы.

— Так, значит, — задумчиво произнес принц, подергивая себя за прядь длинных поседевших волос, — вы полагаете, что мне нужно исчезнуть и ждать... А ждать чего?

— Если бы Конан смог меня сопровождать, я попыталась бы отомстить, — девушка с надеждой посмотрела на киммерийца. — Совсем недавно я узнала, что заклятие бессмертия можно снять, но для этого мне потребуется одна вещь... Эта вещь связана с богом Кхоран'даном. Благодаря вам, принц, теперь я знаю, где его искать.

— Это все сейчас неважно, — проворчал Конан, вспомнив обещание, данное Йиршанной. — Все это ты мне можешь рассказать по дороге. Не будем терять времени. Если есть хоть какой-то шанс отомстить этому... — от ярости у него сузились глаза, — я готов сопровождать тебя, куда угодно.

Он встал и направился к дверям.

— Идем! Конюшни Сунт-Аграма снабдят нас всем необходимым в дорогу!

* * *

Они остановились на внутреннем дворе летнего охотничьего замка принца Йиршанны. Кони нервозно переступали по большим каменным плитам, которыми был вымощен двор, и стук их копыт громко отдавался в пустом пространстве.

— Здесь меня никто не додумается искать, — улыбнулся принц. — И пусть боги охраняют вас в вашем путешествии. Я буду ждать вас до весны. Если вы не вернетесь к тому времени, я попытаюсь сам устранить Сунт-Аграма.

Заметив испуг, промелькнувший на лице Соланны, принц отреагировал, как полагается настоящему аристократу:

— Я знаю, вы полагаете, у меня нет шансов. Возможно, вы правы. Но я обязан сделать попытку. Возвращайтесь раньше, чем я начну.

Он замолк и уже только смотрел, как четыре коня, два со всадниками и два вьючных, проехали через ворота замка. Массивные кованые воро-

та со скрипом закрылись за ними и сверху опустилась решётка. Замок выглядел так же пусто, как и два дня назад, когда они приехали в него. Только тонкая струйка дыма поднималась над одной из печных труб.

* * *

Затянутое тучами небо не предвещало ничего доброго. Резкие порывы ледяного ветра пронизывали почти до костей обоих всадников, которые ехали, съежившись в своих седлах.

Пламенеющие горы начинали проглядывать вдали сквозь туманную дымку, и видно было, как о их вершины разбиваются армады туч, выплескивающих свое содержимое на землю. Окружающая их холмистая равнина, покрытая смешанными лесами, лугами и непроходимыми зарослями кустарников, была не слишком приятным местом для путешествия.

С тех пор, как они простились с принцем Йиршанной в его летнем замке, прошло долгих двенадцать дней. Обычно в это время года принц не пользовался услугами этого небольшого замка, построенного на утесе над рекой. Именно поэтому сейчас принц его и выбрал.

Сейчас он жил там один со своим самым верным слугой. У Конана при воспоминании об этом всегда появлялась улыбка на губах. Перед ним вставало испуганное лицо Йиршанны в тот момент, когда принц понял, что всю осень и зиму он должен будет в одиночку заниматься охо-

той, чтобы прокормиться. Его слуга не годился ни для чего другого, кроме как для приготовления пищи и собирания дров и хвороста для замковых каминов.

* * *

— Мне кажется, я там что-то вижу, — показала рукой влево Соланна.

— Я тоже там что-то заметил, — буркнул Конан сквозь завывание ветра.

— Похоже на деревушку или городок. Мне не хочется туда ехать. Я слышала, что в этих местах недавно была война... — продолжила девушка.

— А может и нет. А в городке можно перекусить, — не соглашаясь, покачал головой киммериец. — Заплатить у нас есть чем, так что едем. Правда, если здесь действительно прокатилась война, то вряд ли что осталось.

Он тронул своего коня. Обширная равнина, по которой они ехали, понемногу опускалась в долину, по дну которой текла какая-то река.

Это была не деревушка, а скорее небольшой укрепленный городок. На месте городских стен торчали почерневшие палисады, на некоторых местах совсем поваленные. Издали этого видно не было.

— Если мы объехали Шумир, почему мы заезжаем сюда?

— Это не королевский город, — отрубил Конан, — скорее всего здесь стоит какой-нибудь

пограничный гарнизон. И если нас не примут за шпионов, то нечего будет опасаться.

Они выехали на дорогу и поехали по ней. Колес, оставленные на ней проехавшими повозками, были неглубокими.

— Либо сюда уже давно никто не ездит...

— Либо здесь просто тонкий слой почвы, — возразила Соланна.

Ее конь поскользнулся в колее и его подкова, ударившись о камень, высекла несколько искр. Конан, пожав плечами, пустил коня рысью. По мере того, как дорога спускалась к реке, вокруг нее появлялось все больше кустарников. Киммериец инстинктивно приготовил оружие. Кустарник становился все гуще и выше, и через несколько минут уже казалось, будто они едут в зеленом туннеле.

Глава 11

Чары Смерти

Всокровищнице и в оружейной было тихо. Окровавленные куски мяса неподвижно лежали на полу. Но вот медленно пошевелилась голова. Открылись глаза, один глаз, ясный и прозрачный, сверкал зеленым огнем, другой был покрыт плотным бельмом, но все же уже не выглядел окровавленным отверстием в черепе.

Через узкое стрельчатое грязное стекло окошка внутрь проникал мутный свет осеннего полудня.

Дернулись обе руки, пальцы на них медленно согнулись и разогнулись. Потом руки, приподнявшись на пальцах, как какие-то кошмарные страшилища заковыляли к голове. Все это происходило в полной тишине, которую нарушало только слабое потрескивание половиц. Руки неуклюжими движениями подкатали голову к сте-

не комнаты и, выровняв, прислонили к ней. Открывшийся рот беззвучно начал произносить длинное и сложное заклинание. Открылись двери между оружейной и сокровищницей, но заклинание не дало возможности увидеть это часовым, которые продолжали нести свою службу с тупостью, свойственной хорошо обученным солдатам.

Потом руки постепенно подтащили все остальные части тела к голове. Вся эта процедура длилась три дня. Прошло еще несколько дней и тело Сунт-Аграма срослось настолько, что смогло приказать рукам приложить голову к шее. Наконец, когда уже все тело было единым целым, чародей приказал рукам прирасти на свои места.

Через десять дней Сунт-Аграм с огромным трудом поднялся и покачиваясь дотащился наверх до своей спальни. Там он без сил упал на кровать и потерял сознание от боли.

В следующие дни, немного окрепнув, он сосредоточился на простейших заклинаниях. Результатом одного из них было то, что Хинневар снова превратился из статуи в помощника чародея. Теперь люди в замке смогли узнать, что Сунт-Аграм отдыхает после очень тяжелого колдовства.

— Отправишься за ними, — шипел Сунт-Аграм, — и узнаешь все, что только можно узнать. Они ищут волшебную кифару, — чародей хрипло рассмеялся. — Но им ее не найти. Всего их ума на это не хватит.

— Да, господин, — склонил голову Хинневар и его длинные засаленные волосы упали на лицо. Он откинул их небрежным движением на спину. — Иду готовить коня.

— Ты с ума сошел! — пролаял с кровати Сунт-Аграм и снова закашлялся. Его легкие еще не полностью исцелились. Кинжал Соланны добросовестно сделал свое дело. — Так ты их никогда не догонишь, — договорил чародей откашлявшись. — Я знаю, на что ты способен в седле.

— Но я имел в виду не обычного коня...

— Ну, разве что так... — задумался Сунт-Аграм. — Нет! — решил он наконец. — Принеси мне книгу Нхараменнон. И пошли сюда какую-нибудь из служанок. Но сначала пусть приготовит мои любимые кушанья. Пока она готовит, я закончу колдовство.

Помощник послушно поклонился, исчез и через некоторое время вернулся в комнату с огромной книгой в руках. Сунт-Аграм с его помощью сел в кровати и, уложив книгу на согнутых в коленях ногах, принялся с трудом переворачивать страницы фолианта.

— Ага, вот оно, — прохрипел он громко. — Открой окно! — приказал он тоном, который не допускал возможности неповиновения.

Некоторое время он молча изучал написанные в книге слова, потом уставился своими злыми зелеными глазами на Хинневара. Он проговорил заклинание так быстро, как будто хороший кучер щелкнул бичом непослушных лошадей. В комнате раздался хриплый рев. Видимо, превра-

щение, произошедшее с Хинневаром не было совсем безболезненным, а тот всегда плохо переносил боль.

В следующее мгновение Сунт-Аграм с удовлетворением следил за тем, как Хинневар исчезает в ночной тьме.

Вскоре после этого раздался стук в дверь и она с визгом отворилась. Внутрь просунула голову любимая служанка Сунт-Аграма. Никто, правда, не знал, чем она ему так понравилась, но она прислуживала чародею уже второй год, чего еще никогда не случалось. Всех предыдущих он рано или поздно использовал как материал для своей чародейской практики, и их мертвые окровавленные тела иногда находили в кустах под окнами чародея, а иногда и вовсе не находили.

— Закрой окно, — приказал чародей. — Здесь холодно. Затопи камин, а потом принеси мне поесть. А что потом мы с тобой будем делать, — плотоядно облизнулся Сунт-Аграм, — посмотрим после этого.

— Еду я уже принесла, как вы и желали, Ваше Высочество.

К счастью для служанки, Сунт-Аграм не заметил, как она содрогнулась, увидев багровые рубцы, покрывавшие его приоткрытое тело.

Глава 12

В городе

Начало накрапывать. Соланна вытащила из дорожного мешка зеленый плащ из толстого войлока с большим капюшоном, отороченный по краям черным мехом. Конечно, окончательно не промокнуть, она вернулась в плащ, низко натянув капюшон на лицо и съевшись в седле. Но ветер, крутясь, как волчок, продолжал забрасывать ей под капюшон холодные брызги дождя.

Дождь усиливался и вскоре из-за ливня трудно стало видеть дорогу. Киммериец тоже завернулся в свой тяжелый черный плащ, купленный им по дороге. Он был так промаслен, что не пропускал воду.

Городок вынырнул из пелены дождя как призрак. Почерневшие палисады несли следы не только времени, но и прошедших здесь сражений. Дома на первый взгляд выглядели новыми,

словно их построили совсем недавно. Под потоками дождевой воды они блестели, как навощенные. Все дома были деревянными, но выглядели как декорации, поставленные для каких-то неизвестных целей.

Небольшую площадь окружали шесть домов и от нее расходились две улицы. Та, по которой приехали путники, была более широкой. Хотя еще не слишком стемнело, на улицах не было видно ни души. В окнах домов тоже не было света. Конан оглядывался по сторонам и его длинные мокрые от дождя волосы, стянутые лентой на лбу, разлетаясь вокруг головы, образовывали ореол.

Все дома на площади были двухэтажными, у всех окон были открыты ставни. Незакрепленные рамы болтались по ветру, отовсюду доносился скрип оконных петель.

Над входом в единственный трехэтажный дом покачивалась вывеска. Из-за проливного дождя Конан не мог разглядеть, что на ней изображено, но уверенно направился к дому, полагая, что это трактир.

Он не ошибся.

Киммериец соскочил с коня и зашел под небольшой навес, прикрывающий вход в дом от непогоды или палящего солнца. Он нажал на ручку двери, но она оказалась запертой. Конан потряс ручку, но двери не поддались.

— Закрыты на засов, — буркнул он разочарованно, услышав, как тяжелый деревянный брусок заерзал в петлях засова.

Он забарабанил в дверь своим тяжелым кулаком. Грохот от его ударов раскатывался по всему дому, и Конану показалось, что жилище безлюдно. Но немного погодя послышались тяжелые шаги, и из-за дверей раздался неприветливый голос:

— Кого еще Сет сюда несет?

— Приехали гости. Открывай свою конуру или я разнесу ее в щепки! — проорал Конан, которому подобное приветствие пришлось не по душе.

Заскрипел отодвигаемый засов, что-то упало на пол. Потом лязгнул замок и в приоткрывшихся дверях появился могучий мужчина, одетый в кожаную стеганую куртку, штаны и фартук. На голове его виднелось некое подобие кожаного шлема. В одной руке он держал лампу, а в другой кинжал, которым неуверенно размахивал перед собой.

При его мощной фигуре, роста он был не большого, и его лицо не было похоже на типичные гирканские лица.

Он всмотрелся в темноту за порогом и воскликнул, как будто от удивления:

— Люди! Настоящие люди! Коней отведите назад в стойла, я открою вам задний вход.

Проговорив все это, он захлопнул двери прямо перед носом Конана.

Огромный киммериец в ярости сжал кулаки, но в этот момент сильный порыв ветра обрушил прямо ему на голову изрядную порцию ледяной воды, тут же охладившей его гнев.

Он вскочил на коня и только теперь, объезжая вокруг деревянной грубо обработанной стены трактира, заметил, что здание отделено от остальных домов узенькой улочкой.

Конан даже засомневался, что они смогут протиснуться туда, но потом, махнув рукой, он тронул коня.

Фыркнув и неохотно подчиняясь железной руке Конана, животное вошло в черную щель. Выючные мешки терлись о противоположные стены улочки.

* * *

Стояла оказалась на удивление сухими и такими же пустыми, как и улицы городка.

— Мне это не нравится. Что-то тут не так... — начала Соланна.

— Льет дождь! — рявкнул Конан. — Тебе хочется ехать дальше под дождем? Лично мне он не мешает!

— Хорошо, хорошо, — успокаивала его девушка, снимая седло с коня.

Оба путника, вытащив по пучку соломы из кучки в углу, вытирали коней. Затем киммериец насыпал им овса из собственного выючного мешка.

Все это время стойло освещала лампа, которую хозяин трактира оставил повешенной на крюке у двери во внутренние помещения. Управившись с устройством коней, Конан снял лампу и направился внутрь.

Сам трактир был чисто подметен и проветрен. В помещении вкусно пахло горящим деревом и жареным мясом. В огромном очаге на вертеле запекалась туша поросенка. Вертел вращал мальчик с виду лет десяти.

Оба приезжих, осмотрев помещение, были удивлены его странным расположением. Столы были расставлены вдоль стен, а лавки окружали их с обеих длинных сторон.

Конан и Соланна сняли плащи и повесили их на крючки возле очага. От мокрой одежды мгновенно пошел пар. Конан подтащил скамью поближе к очагу и сел, протянув к огню разутые ноги. Соланна последовала его примеру.

— Что вы делаете? — раздался за ними неприятный скрипучий голос.

Киммериец открыл глаза и лениво взглянул на коренастого трактирщика, который держал в руке миску, полную дымящегося мяса, залитого красной подливкой. Его костлявые руки судорожно сжимали края миски и слегка тряслись. Конан заметил длинный белый шрам на руке трактирщика.

— Что тебе не нравится? — угрожающе рявкнул киммериец.

Он выпрямился, нависая над трактирщиком, голова которого едва доходила до середины груди Конана.

— Нет-нет, ничего, — быстро забормотал тот и его пальцы, вцепившиеся в миску, побелели. Он поставил еду на стол и из большого кармана на фартуке вытащил две маленьких буханки

хлеба. Потом попятился задом к дверям кухни. — У нас не принято переставлять лавки. Хозяин не любит этого...

— Какой еще хозяин, — проворчал Конан и сел. — Разве не ты хозяин этой конуры?

— Нет, господин, — поклонился трактирщик. — Я здесь только распоряжаюсь.

— А когда появится хозяин? — вмешалась в разговор Соланна.

— Я не знаю, — снова непонятно зачем поклонился трактирщик, — но думаю, что ему давно пора уже быть здесь.

— А куда девались люди из города? — снова спросила Соланна.

Трактирщик, не ответив, исчез в кухне.

Конан между тем уже сидел у миски с ножом в руке и насаживал на него большие куски мяса. Обмакнув в подливку краюху хлеба, он с аппетитом насыщался.

— Эй, трактирщик, — крикнул он так, что мальчишка у очага подскочил от испуга, — принеси чего-нибудь выпить. Лучше всего какого-нибудь вина. Но только, чтобы было хорошим. И не скромничай насчет величины кувшина.

Трактирщик, просунувший было голову в помещение, исчез в кухне, как будто его сдула зимняя вьюга. Через мгновение оба посетителя слышали стук крышки погреба.

— Все люди в городке умерли, господин, — черные глаза мальчишки у вертела печально взглянули на Конана. — Только меня оставили в

живых, чтобы я помогал их обслуживать. Каждый день они отправляются отсюда грабить окрестности. А когда в округе не останется ничего, что бы их интересовало, уедут в другое место.

— И ты боишься, что тебя с собой не возьмут?

— Он мне так и сказал, — кивнул мальчишка головой в сторону кухни. — Когда был пьян... Так и сказал.

— Ну и кто же хозяин всего этого... — спросил Конан.

— Некий Ватобек.

— Это имя мне ничего не говорит, — задумчиво сказал киммериец.

Казалось, он глубоко задумался, но при этом не переставал уничтожать еду в миске.

— Сколько у него человек? — поинтересовалась Соланна.

— Большой отряд. Он называет его полком. Я не умею считать до стольки...

— Шестьдесят-семьдесят человек, — зеленые глаза Соланны смотрели на Конана, губы были плотно сжаты. — С таким количеством нам не справиться.

— Почему мы должны их опасаться? — ухмыльнулся тот. — Будем вести себя как обычные путешественники. Завтра перед отъездом расплатимся.

— Они вырезали весь городок, — заметила девушка.

— Ну и что, — Конан оставался спокойным, — в войне бывает еще и не такое. Снаружи сля-

коть. Может быть они вообще не вернутся, пока мы не переночуем в тепле и не исчезнем завтра.

Он доел и выжидающе осматривался. Снова стукнула крышка погреба, что послужило сигналом к прекращению дебатов. Трактирщик, принеся сразу два больших кувшина, поставил их на стол и на этот раз вытащил из кармана два глиняных бокала. Выглядели они непривлекательно и не были ничем украшены. Тот, который оказался напротив Соланны, был с трещинкой.

Трактирщик, остановившись в ожидании неподалеку, смотрел как посетители разливают вино. Выражение его лица свидетельствовало, что он ждет одобрения качества поданного вина.

— Неплохо, — одобрительно шелкнул языком киммериец.

Тощее лицо трактирщика с выступающими на нем скулами расплылось в улыбке, напоминающей ущербный месяц.

— Благодарю за честь, — склонив голову, он подобострастно ухмылялся.

— Было бы неплохо, — бросил на него тяжелый взгляд Конан, — если бы ты приготовил для нас комнату. Сегодня у нас был нелегкий день.

— Конечно, господин, — трактирщик снова попятился к дверям, через которые путники вошли в трактир. — Оршан, сними мясо с вертела и отнеси в кухню. Там я приготовил для наших гостей еще всякую мелочь. Принесешь ее сюда, а потом придешь наверх помочь мне, — рявкнул

трактирщик голосом, в котором слышалась привычка военного отдавать приказы.

Мальчишка убежал в кухню и через несколько мгновений вернулся, неся на миске кусок копченого мяса, сыр и трех жареных цыплят, от которых шел такой запах, что у Соланны потекли слюнки.

Конан в ожидании пищи вытащил кинжал и воткнул его лезвием в стол. Девушка сделала то же самое. Пока киммериец делил мясо и сыр, Соланна нарезала хлеб. Мальчишка исчез где-то в глубине дома.

— Для кого же был приготовлен тот поросенок? — раздумывала Соланна, набив рот.

— Увидим, — пожал плечами гигант. — Когда он появится.

* * *

— Окно выходит во двор, — сказала девушка.

— Ну и хорошо, — улыбнулся Конан, — по крайней мере услышим, если ночью кто-либо придет.

— Ты хочешь сторожить всю ночь? — подняла брови Соланна.

— Нет, — покачал головой Конан. — Сегодня я хочу выспаться. Завтра нам предстоит длинная дорога, нужно попытаться, если удастся, пересечь через Пламенеющие горы.

— Я бы постаралась их обогнуть, — возразила Соланна. — Раз ты не хочешь останавливаться в Паоле...

— Может быть, в Суваре нам бы удалось... — некоторое время колебался Конан. — Но нет... Ладно, утро вечера мудрене. Иди спать, — решительно приказал он.

Глава 13

Оборотни

Ее потрескивали поленья в камине, и Соланна разложила несколько меховых шкур на полу прямо у него. Свою одежду она развесила на стульях и разложила на столе так, чтобы она побыстрее высохла. Сейчас она была одета в длинную белую рубашку, доходящую ей почти до пят.

Конан не мог понять, почему его к ней не тянет, когда он наблюдал за тем, как она закутывается в медвежью шкуру. Он почему-то вообще не думал о ней, как о женщине, хотя женственность Соланны была очевидна.

Видимо, его мысли отразились на его лице, потому что девушка рассмеялась:

— Неотразимый повелитель. Мечта всех девушек и женщин Термезана сидит, как мокрая курица.

— Не насмехайся, — проворчал он.

— Меня охраняет моя госпожа, богиня Иштар. И будет помогать мне, пока...

— Понятно, — усмехнулся Конан.

Он повалился на кровать, на которой осталось только три шкуры.

— Могла бы оставить и побольше... — начал он, но тут же замолк, обнаружив, что Соланна уже спит.

Прошло немного времени, и в комнате было слышно только дыхание двух спящих людей.

* * *

Соланна села, с еще закрытыми глазами пытаясь понять, что ее разбудило. Открыв глаза, она обнаружила, что Конан стоит у окна и сквозь щелку в ставне старается рассмотреть что-то снаружи. Она открыла было рот, но Конан жестом приказал ей молчать.

Едва тлеющие угольки в камине почти не давали света и тепла. Соланна задрожала от холода, выбравшись из теплых шкур. Быстро натягивая на себя высохшую одежду, она заметила, что Конан тоже полностью одет. В руке его блеснул меч.

— Кто-то приехал, — прошептал киммериец. — Но их немного. Не больше десяти коней.

Она кивнула и потихоньку двинулась к дверям. Конан энергично замотал головой.

Отступив от окна, он двумя мягкими кощачьими прыжками оказался у двери. Соланна была удивлена, как ему удалось открыть двери

без единого скрипа. Снизу донесся приглушенный разговор, но разобрать слова было невозможно.

Соланна осторожно закончила одеваться, собрала все вещи в один мешок и села на кровать. Вытянув ноги, она отдыхала, полностью полагаясь на Конана. Снаружи доносился успокаивающий шум дождя и свист ветра, пронесившегося по пустым улицам города. Девушка так заслушалась, что не почувствовала, как возвратился Конан.

— Попытаемся исчезнуть, — внезапно прошептал он ей в ухо.

Соланна испуганно подскочила на кровати и вытаращила глаза, вглядываясь в темную массу тела киммерийца, которая склонилась над ней.

— Откуда ты здесь взялся? — шепнула она в ответ.

Тот только махнул рукой и оглядел комнату. Увидев, что девушка собрала все вещи, он довольно улыбнулся.

— Молодец, — констатировал он. — Приехал хозяин. И наше присутствие здесь ему вовсе не понравилось. Всего их двенадцать. Сможешь соскочить... — он показал рукой в сторону окна.

Она кивнула и осторожно подошла к окну.

— Я пойду вперед, — прошептал он. — Выкинешь мне вещи, а потом выскочишь сама.

Конан ловко прыгнул в окно. Держась руками за оконную раму, он еще раз убедился, что они не оставили в комнате ничего существенного. Все три мешка Соланна подтащила к окну,

на столе сверкал небольшой алмаз, положенный ею туда в качестве платы за комнату и еду. Конан непонимающе покачал головой и спрыгнул вниз. Еще не став на землю, он почувствовал, что ему на голову летит первый мешок. Он аккуратно поймал его и положил к стене дома, чтобы на него не лил дождь.

Соланна, наклонившись из окна, бросала ему третий мешок, в котором были ее вещи, когда из комнаты донесся страшный удар и послышался треск ломаемой двери.

— Прыгай! — заорал Конан.

Девушка оглянулась, и киммериец увидел длинные мускулистые руки, схватившие ее и не давшие ей выпрыгнуть из окна. Соланна исчезла внутри.

Конан взревел, как раненый тур. Пролетев как ураган через стойло, он с обнаженным мечом в руке ворвался в зал трактира. Там у стола сидели пятеро мужчин, спокойно попивая вино из глиняных бокалов. Увидев Конана, они разлетелись в стороны, как стая голубей, увидев приближающегося ястреба. Но видимо это были опытные солдаты, так как их смтение длилось лишь короткий момент. Правда за это время Конан успел одному из них отсечь голову, а другому руку в запястье. Да и остальные не оказались достойными противниками для огромного киммерийца. Неясным оставалось лишь, за какое время он справится с ними.

С лестницы раздался шум ног и первым в зал выбежал высокий черноволосый мужчина. На бо-

ку его висел длинный тонкий меч. Сам он был тощий, с черными впавшими глазами, которые сверкали как уголья. Одежду его составляли темно-красные штаны, черная рубашка и такая же черная куртка.

От взгляда незнакомца у Конана по затылку пробежал холодок.

Мужчина выкрикнул какой-то приказ на незнакомом языке, и, к неопишуемому ужасу киммерийца, все четыре мертвеца, поднявшись с пола, начали шарить вокруг себя в поисках потерянного оружия.

Двигались они очень медленно, так что Конан успел ликвидировать своего последнего противника, разрубив его на две половинки сверху вниз. Он даже удивился, так легко ему это удалось.

В тот же момент в помещении появились другие воины. Навстречу разъяренному гиганту кинулись четыре вооруженных человека. Остальные держались позади, охраняя схваченную Соланну, которая ничем не облегчала им эту задачу.

Командир, мужчина в красных штанах, стоял у очага, наблюдая за битвой. Иногда он выкрикивал какую-то команду, но сам участия в схватке не принимал.

Два безголовых мертвеца махали вокруг себя мечами, которые сжимали каждый в обеих руках. Их удары свистели в воздухе и остерегаться их должен был не только Конан. Ловким защитным приемом он вывел из равновесия одного из

своих противников и тот оказался в опасной близости свистящего меча. Раздался крик боли, меч мертвеца вонзился ему в грудь и застрял в ребрах.

Соланне наконец удалось вырваться от своих сторожей, а то, что они не обратили внимания на ее тонкий меч, висящий на боку, оказалось роковым для них. Девушка металась между воинами как юркая ласка. Движения ее стройной фигурки напоминали волнение пшеничное поле от налетевшего ветра. Остановить ее было невозможно.

На теле Конана уже кровоточили несколько мелких ран, но и число его противников убывало...

Соланна бросилась на человека в черном, и их мечи зазвенели от столкновения. Меч у него был такой же черный, как и он сам, только местами на его клинке отсвечивал багровым цветом еще не засохшая кровь. Атака девушки была энергичной, но выдержав ее первый натиск, человек в черном начал наращивать свое превосходство в физической силе.

Соланне, правда, удалось несколько раз зацепить его мечом, но это были только паралины. От ответных очень опасных атак ее спасал только ее меч, клинок которого всегда оказывался на нужном месте в нужное время.

Она чувствовала, как пот течет по ее лицу, и его холодные струйки стекают на грудь и спину. Она уже тяжело дышала и при обороне помогала себе второй рукой, в которой был зажат кин-

жал. Наконец девушка вообще перестала атаковать, сосредоточившись на обороне.

Гладко выбритое лицо человека в черном улыбалось, и видно было, как толстые мясистые губы кривятся в презрительной усмешке. Соланна, теряя последние силы, оперлась спиной о стену и вдруг почувствовала, как будто ей в мозг вонзились две раскаленные иглы. Собрав все свои силы, она подавила эту боль. Взглянув на своего противника, она заметила удивление на его лице.

Впервые за весь бой он замешкался, не поставив защиты, и Соланна использовала эту его ошибку. Ее удар, хотя и был замедленным и вялым, достиг цели. Кисть руки человека в черном, сжимающая меч, отделилась от тела и упала на пол. Человек дико вскрикнул, и в его раскрытом рте показались длинные белые клыки.

Соланна взмахнула своим мечом и нанесла горизонтальный удар по шее противника. Клинок меча, коснувшись шеи плоской стороной, казалось, ожил и обернувшись гибким лезвием вокруг шеи, раскалился добела, как будто находился в кузнечном горне. Человек захрипел, кожа на шее обуглилась. В комнате засмердело, будто здесь опаливали свиную щетину.

У ног Соланны лежал мертвый огромный багрово-черный волк, на шее которого виднелась выжженная полоска шерсти в виде ошейника. Правая передняя лапа у него отсутствовала.

Конан в недоумении оглядел внезапно затихший трактир. Все еще мгновение назад сражаю-

шиеся мертвецы неподвижно лежали на полу. Их тела постепенно бледнели и бесследно исчезали.

Прошло немного времени и кроме мертвого волка на полу трактира осталось лежать только разбросанное оружие.

Киммериец оглядывался по сторонам в поисках оставшихся противников. Нигде никого не было. Вдруг из кухни донесся странный дребезжащий звук. Конан вбежал туда и, остановившись, расхохотался. За очагом, втиснувшись в угол, чтобы быть как можно меньше заметным, прятался мальчишка. Он был так испуган, что звук его стучащих зубов был слышен на расстоянии.

— Все кончилось, — гаркнул на него огромный киммериец.

Мальчишка, закрыв голову руками, не понимал, что вокруг него происходит. Когда Конан принялся вытаскивать его из укрытия, он зацепился там так, что казалось гигант скорее разорвет его напополам, чем сумеет вытащить.

Конан отпустил его и, пока мальчишка снова старался залезть поглубже в угол, недоуменно смотрел на него. Потом он внезапно оглушительно рывкнул:

— А ну-ка, сейчас же принеси мне поесть и выпить!

После этого, повернувшись, он возвратился в зал. Соланна, совершенно обессилевшая, сидела на лавке, свесив голову, на ее коленях лежал меч.

— Может быть, скоро нам подадут что-нибудь поесть и выпить, — пробурчал киммериец.

Оглядев помещение еще раз, он с удовлетворением убедился, что в нем действительно остался только огромный волк. Даже трактирщик исчез.

Положив свой меч на стол, Конан нагнулся над трупом волка, поднял его, открыл входную дверь и, размахнувшись, выкинул труп наружу. Потом, увидев, что снаружи продолжает идти дождь, взглянул на ночное небо и закрыл дверь.

— Лучше всего подождать здесь, пока не пройдет дождь, — заметил Конан и хотел отправиться за мешками, которые лежали у задней стены трактира. — Этот дом как неприступная крепость, здесь можно обороняться от целой армии...

— Господин, скоро сюда придут остальные, — мальчишка появился у него за спиной, в руке он держал кувшин, но руки его тряслись так сильно, что вино проливалось на пол. — Это был хозяин, но остальные...

— Никаких остальных больше не будет, — произнесла Соланна звонким голосом. — Когда умирает колдун, исчезают все его слуги.

— Значит, меня не съедят? — прошептал мальчишка с надеждой в голосе.

— погоди-ка, — прервал его Конан, — а для кого же ты жарил того поросенка?

— Для хозяина, — выдавил из себя мальчишка. — Его слуги этого не ели... Они предпочитали человеческое...

— Кром побери! — проворчал Конан и передернулся.

Взяв у мальчишки из рук кувшин, он глубоко отхлебнул из него и поставил на стол. Потом, подойдя к дверям, он задвинул засов и наклонился к мальчишке:

— Неси сюда этого поросенка. Я пока приведу сюда коней, принесу наши мешки и закрою дом с другой стороны, чтобы никто сюда случайно не забрался. Мы останемся здесь, пока не rozpoдится, хотя Соланна и считает, что никто больше здесь не появится.

* * *

Конан обернулся в седле и взглянул на пустынную площадь. Хотя светило солнце, опустошенный городок не выглядел приветливым.

Признаки разрухи уже проявлялись повсюду и ясно было, что вскоре весь городок превратится в груду руин.

— Господин, — раздался от трактира мальчишеский голос, — не мог бы я поехать с вами? Я не буду вам мешать...

— Ни в коем случае, — резко покачал головой киммериец.

— Зиму он здесь не переживет, — взглянула Соланна на Конана. — Довезем его до первой деревни или усадьбы. До первой, какая попадетсЯ на пути.

Конан недовольно махнул рукой.

— Мне приходилось путешествовать в различных компаниях, — проворчал он, — но в компании с девственницей и ребенком еще не доводилось.

Зацокали копыта и из узенькой улочки из-за трактира показался могучий черный конь, оставшийся после колдуна. На нем покачивался в седле мальчишка, за спиной его была приторочена куча разных мешков. Киммериец махнул рукой и его конь мелкой рысью направился к выезду из городка.

Глава 14

Оршан

кажите, господин, вы едете в Прандару? — спросил Оршан, подъехав к киммерийцу.

— Наверное, нет, — улыбнулся Конан мальчишке, который ему нравился постоянным желанием быть чем-нибудь полезным. — А что?

— У меня там родственник, — пожал плечами мальчишка. — Мой дядя служит в храме бога Кореддана.

— Что? — Соланна заставила своего коня подъехать поближе, чтобы слышать, о чем они говорят.

— Мой дядя с юношеских лет был посвящен в жрецы храма. Его зовут Ханнаор.

— Мы не хотели заезжать в большие города, — неохотно качал головой Конан.

— Я не знаю, — пржала плечами Соланна, — но...

— Никаких но, — недовольно заворчал киммериец, — я хочу добраться до моря.

— Может быть, нам не нужно ехать к морю, — сказала Соланна с надеждой в голосе, — что если этот Кореддан — это наш Кхоран'дан?

— Ладно, поговорим об этом вечером, — решил наконец Конан и тронул коня.

Они ехали предгорьями Пламенеющих гор. Пока это были только невысокие холмы, поросшие густыми лесами.

Солнце уже пряталось за высокой горой, одной из немногих, выделяющихся среди остальных. Она была высокая, каменистая и на ней не росло ни одно дерево. До половины высоты ее покрывали заросли бледно-зеленого кустарника, так что ее силуэт напоминал человека, закутанного в мохнатый зимний плащ.

Последние лучи солнца осветили лица всадников. Эти лучи были слишком слабы для того, чтобы согреть холодный горный воздух, но их хватило для того, чтобы вызвать приятные чувства у усталых путников.

* * *

Тропинка подымалась по склону крутого, но не слишком высокого холма. Она петляла между деревьев и тени могучих хвойных великанов усиливали наступающие сумерки. Соланна нетерпеливо вертелась в седле, выглядывая подходящую полянку, на которой они могли бы устроить ночлег.

Звуков копыт не было слышно, потому что землю здесь всюду покрывал толстый слой опавшей хвои. Пахло грибами.

— Господин, — прозвучал звонкий голос Оршана, ехавшего значительно левее от них. — Похоже, здесь есть полянка. А-а-а-а...

Крик разнесся по лесу. Конан рванул коня и галопом помчался вниз с холма. Ветки хлестали его опущенную голову, которую он прятал за конской шеей.

Мгновенно слетев с коня, он подскочил к двум борющимся фигурам, перекатывающимся по земле. Оршан, обхватив обеими руками голову крупного горного льва, старался удержать ее подальше от своего лица.

Мощные львиные лапы вцепились в хрупкое тело мальчишки, зверь хотел побыстрее закончить схватку.

Конан, отбросив меч, вырвал из ножен на боку кинжал. Одной рукой схватив за загривок животное, которое до сих пор не замечало приближения более опасного противника, он сильным рывком оторвал его от Оршана, оставшегося лежать на земле в луже крови.

Хищник, изогнувшись в воздухе, всеми четырьмя лапами попытался достать киммерийца. Задние лапы лишь слегка задели когтями кожаные штаны и те тут же распались от пояса до колен, на ноге Конана показалась кровь. К этому мгновению кинжал киммерийца уже в третий или четвертый раз вонзился в брюхо дикой твари. Та в последний раз судорожно дернулась и,

испустив короткий болезненный рев, безжизненно повисла в руке гиганта. Он отбросил ее в сторону.

Конан повернулся к мальчишке, но за ним уже ухаживала Соланна. Киммериец освободил запутавшегося в кустарнике испуганного коня Оршана и хромя вернулся на место схватки.

— Где этот проклятый мальчишка видел полянку? — проворчал он и тут же увидел ее.

Она просвечивала сквозь кусты чуть ниже. Конан помог как оказалось не слишком опасно израненному Оршану залезть в седло и, схватив повод своего и Оршанова коня, спустился на полянку.

Вскоре они уже сидели у маленького костра. В котелке булькала вода, набранная из ближайшего ручья, и в ней варился кусок мяса. Соланна при свете костра зашивала разорванную одежду обоих мужчин.

— К счастью, починки требует только одежда, — улыбнулась она Конану, — а не вы сами.

— У нас только легкие царапины, — согласился киммериец.

— Ради такой шкуры стоило немного пострадать, — слабым голосом произнес Оршан, который лежал с другой стороны костра, закутанный в меха, взятые из вяучных мешков.

Конан рассмеялся. Он встал, подошел к Оршану и одобрительно похлопал его по плечу.

— Надеюсь, ты не собираешься заниматься такой охотой каждый день. Так мы до Прандары не доберемся никогда.

— С дикими кошками я бы рискнул, — возразил мальчик, потирая плечо, по которому Конан его дружески похлопал, — но вот ваша похвала...

* * *

Конан оглядывал окрестности с каждого пригорка, попадавшегося по пути. Не пропускал ни одного, не жалея коня.

Он все время ожидал какой-нибудь ловушки от Сунт-Аграма, но чародей не давал о себе знать. Киммерийца это беспокоило.

Уже четыре дня стояла неплохая погода. Дождя не было, а на мутном свинцовом небе иногда проглядывало солнце, лучи которого, правда, были бессильны согреть воздух. Ночью было холодно, так что они старались ночевать в дуплах, если это удавалось.

Хотя Соланна выглядела как хорошо тренированный и закаленный юноша, она все же была дочерью придворного чародея, который несколько последних лет обеспечивал ей возможность жить роскошной жизнью, а Оршан конечно же не мог выдержать то, что способен выдержать взрослый воин, к тому же еще киммериец. Конан раздражала медленная езда, но он не мог оставить их одних. Тогда он решил выбирать более удобные и легкие пути и тем самым убыстрить их передвижение.

Киммериец, снова оставив внизу своих спутников, въехал на пригорок, возвышавшийся сле-

ва от дороги. По пути он объехал заросли одичавших фруктовых деревьев, с которых уже облетели листья, но то тут, то там на ветках виднелись высохшие сморщенные плоды. Он сорвал одно яблоко и, несмотря на его кислый вкус, разгрыз его вместе с семечками.

Пригорок возвышался над холмистой местностью, изредка поросшей перелесками, рошицами и зарослями лиственных кустов. Практически не было видно вспаханных полей. Это была плохо пригодная для возделывания местность, здесь жило очень мало народу.

Еще слишком мало воды утекло в реках с той поры, как здесь бушевала братоубийственная война между местными городами-королевствами. А наемные солдаты никогда не отличались миролюбием по отношению к гражданскому населению. В большинстве случаев за ними оставались только пепелища и группы людей и животных.

Земля опомнилась от всего этого значительно быстрее, чем люди. Те предпочли уйти в окрестности городов, где королевские солдаты все же как-то могли их защитить, а городские стены отпугивали многие банды кочевников.

Конан, прищурив глаза, посмотрел на запад. Вдалеке блеснула полоска воды. Впереди справа виднелись какие-то башни, но даже орлиный взгляд киммерийца не был способен различить подробности.

Съехав к своим товарищам, он крикнул им издали:

— Приближаемся к реке, довольно большой.

— Это могла бы быть Акханея, — радостно вскрикнула Соланна.

— А там, — он показал рукой, — виден город. Возможно, Паол.

— Если это так, то до Суvara всего четыре дня пути, — обрадовалась Соланна.

— Поехали, — тронул Конан коня. — Если будем только рассуждать, то никогда не доберемся туда.

Оба его спутника последовали за ним. Все молчали, устав настолько, что не оставалось сил даже для разговора.

* * *

— Я не умею плавать, — вытаращил глаза Оршан, увидев перед собой огромное множество воды.

Они остановились на высоком берегу, круто обрывающемся к реке. Везде куда ни бросишь взгляд, как вправо, так и влево, тянулся такой же обрыв, по высоте не уступающий городским стенам Аграпура.

Противоположный же берег наоборот почти не поднимался над уровнем воды. Там во все стороны раскинулась бесконечная травянистая равнина, тут и там прерываемая желтыми пятнами речного песка, нанесенного туда рекой во время весенних разливов.

Широкая лента реки в полном безветрии блестяла, как потускневшее зеркало, и только в

местах водоворотов вода на поверхности слегка рябила. По реке медленно проплывали обломки деревьев, а у самого берега и комки полусгнившей травы.

— Для такой реки, — презрительно отрезал Конан, — вообще не нужно уметь плавать. Достаточно того, что на это способен конь.

— У нас в деревне не было такой большой воды, — жалобно проныл Оршан и его крепко стиснутые губы говорили, что он вовсе не уверен в умении своего коня плавать.

— Тогда оставайся здесь, — решил Конан. — Приготовишь что-нибудь поесть. Я поеду против течения, а ты в другую сторону, — он взглянул на Соланну. — Если найдешь какую-нибудь лодку, переправу, брод или мост, возвращайся сюда. Иначе продолжай искать, рассчитывая вернуться до захода солнца.

Соланна кивнула.

— Если мне вообще удастся спуститься к реке, — показала она на обрыв. — Здесь не спустится никакой конь. Этот спуск для обезьян, а не для всадника.

Она подъехала к мальчику, который снимал со своего коня мешки, чтобы начать готовить ужин, и хотела уже отвязать от своего седла все мешки и оставить их здесь, но киммериец, увидев это, нахмурился:

— Никогда не делай этого. Ты не можешь знать, не случится ли с тобой в дороге что-то неожиданное. Может, ты сюда уже не вернешься или...

Соланна виновато пригнулась и процедила сквозь стиснутые зубы:

- Ты прав, я об этом не подумала.
- Но вы меня не бросите здесь, — вытаращил на них испуганные глаза Оршан.
- Конечно, нет, — улыбнулась ему Соланна.
- Скорее всего, нет, — пробурчал Конан.

Глава 15

Деревня рыбаков

Ночь уже почти наступила, и Конан доедал кусок жареного оленьего мяса из вчерашней добычи. Оршан успел зажарить его до того, как киммериец вернулся из своей поездки. Гигант сидел в стороне от костра, опираясь спиной о ствол могучего дуба, меч лежал на земле рядом с ним.

Послышался топот быстро мчащегося коня. Киммериец отложил мясо, вскочил и приготовился к бою.

Оршан с испугом посмотрел на него.

— Это он?

— Я слышу одного коня и похоже, что это его конь. Но скачет слишком быстро... Уже не один конь, — прошипел Конан.

Отступив в темноту, он оставил Оршана одного в свете костерка. Мальчишка, парализованный страхом, застывшим взглядом уставился на

огонь. Теперь и он тоже ясно различал, что по тропинке скачет не один конь. Оршан взглянул на Конана, но тот исчез в темноте.

Конь бешено промчался по тропинке мимо маленького костерка, слабо мерцающего в стороне. Соланна, пригнувшись к шее коня, изо всех сил старалась, чтобы конь бежал быстрее.

Сжимая узду обеими руками, она все время оглядывалась через плечо. В одном из выюнных мешков за седлом торчала длинная оперенная стрела.

Почти догоняя ее, на маленькой сивой лошади мчался крепкий ловкий коротышка. Управляя своим конем с помощью колен, он сжимал в правой руке дважды изогнутый кхитайский лук, на тетиву которого уже была наложена стрела. Левая рука его была обмотана неуклюже сделанной повязкой, которая в темноте ярко выделялась на фоне темной кожи всадника.

Он ждал удобного случая для того, чтобы спустить тетиву, и так сосредоточился на этом, что не заметил длинного блестящего клинка, внезапно возникшего из темноты.

Конан должен был наносить удар снизу, и поэтому он получился не слишком сильным. Но скорость лошади, сложенная со скоростью клинка киммерийца, оказалось достаточной для того, чтобы чужак оказался буквально рассеченным пополам.

Верхняя половина тела слетела с седла вниз, руки выпустили лук и несколькими судорожными движениями пальцев вцепились в землю.

Нижняя половина, из которой фонтаном выплеснулась кровь, продолжала сжимать коленями ребра лошади.

Обезумев от запаха крови, текущей ей по бокам, лошадь с диким ржанием свернула с тропинки и исчезла в темноте леса.

Соланна остановила коня недалеко от костра, справедливо рассчитав, что ее товарищ непременно вмешается в ситуацию.

Конан прислушался и приготовился к встрече с еще одним преследователем. Тот ехал значительно медленнее, и когда он появился в лунном свете, киммерийцу стало ясно, что причиной этого была не осторожность, а дряхлость его коня.

Преследователь гнал свою старую клячу изо всех сил, но она была способна самое большее на быстрый шаг.

Заметив огонек костра, преследователь остановился. И у него в руке был кхитайский лук, и видно было, что он умеет им пользоваться. Оршан, неподвижно сидевший у костра, замер, свернувшись в клубок. С другой стороны к костру подъезжала Соланна.

Чужак, услышав топот коня с другой стороны, видимо, надеялся увидеть своего товарища, но был начеку. Когда на полянку выехала Соланна, он вскинул лук и натянул тетиву. Девушка остановилась. Хотя в руке у нее был меч, на таком расстоянии он был бесполезен.

— Брось меч, — крикнул чужак и прицелился.

Соланна отбросила меч в мох. Вытянув перед собой руки, она начала бормотать какое-то заклинание. Преследователь, видимо, сообразил, что происходит, и быстро и тщательно прицелился.

В момент, когда он спускал тетиву, вылетевший из темноты кинжал вонзился в бок его старой лошади. Животное взвилось на дыбы и выпущенная стрела унеслась в небо. Чужак, не ожидая от своей старой клячи ничего подобного, соскользнул с седла и грохнулся на землю. Ноги лошади подломились, и она рухнула на упавшего хозяина.

В лесной тишине отчетливо слышался сухой хруст костей, затем раздался и замолк ужасный крик боли. Лошадь, некоторое время пометавшись по земле, медленно поднялась и с болезненным ржанием усккала назад по тропинке.

Конан, как дух из темноты, появился у лежащего мужчины и склонился над ним с мечом в руке.

Посмотрев на него, он покачал головой.

— Ему не повезло, — крикнул он, обращаясь к Соланне, все еще неподвижно сидящей на своем коне. — Сколько их было?

— Только двое. Где второй?

— Тому тоже не повезло, — проворчал Конан.

Наклонившись над чужаком, он оторвал от его куртки кусок материи и тщательно очистил им свой меч. Потом, подняв мертвое тело, киммериец отнес его к обрыву, поднял и швырнул

далеко в реку. То же самое он проделал и с останками другого преследователя.

Соланна в это время подошла к костру и села у огня. Уже опомнившийся Оршан предложил ей кусок мяса.

Она отрицательно покачала головой и обхватила себя за плечи обеими руками, как будто ей стало холодно.

Конан сел напротив.

— Я не нашел ничего. Только одно место, где можно попытаться переплыть реку. Брода там нет, но течение спокойное.

— Чуть ниже есть деревня. Вернее, то, что от нее осталось, — Соланна, склонив голову, смотрела в огонь. — Он бы убил меня... Я уверена, убил бы...

— Вряд ли. Ты его испугала своим заклинанием.

— Оно слишком длинное, — покачала она головой. — Я бы не успела.

— В деревне был кто-нибудь еще?

— Да, несколько человек. Но мужчины были только эти двое. Или, может быть, только у них двоих были кони. Это рыбаки.

— Непохоже, — нахмурился Конан, — для этого они слишком хорошо управлялись с луками в седлах.

— Это рыбаки, — повторила Соланна. — Я уже почти договорилась со старейшиной, что они перевезут меня на тот берег. И тут я показала им деньги.

— Ну и что?

— Рядом стояли эти двое. Один из них сразу бросился на меня, думая, что со мной он легко справится.

— Он ошибся?

— Разумеется, — кивнула девушка, все еще глядя в огонь. — Я ранила его кинжалом в руку и вырвалась. Затем скочила на коня и приехала сюда.

— Не слишком умно, — покачал головой Конан. — Если бы меня еще не было, они бы схватили Оршана...

— Но ты оказался здесь, — она зябко передернула плечами. — Мы не останемся здесь ночевать?

— Ты боишься мертвецов? — непонимающе взглянул на нее Конан. — Кром побери! — расхохотался он. — Ты действительно боишься мертвецов! Тогда ты должна избегать ночевки в трактирах, в замках, да вообще везде, где ступала человеческая нога. Там везде текла чья-нибудь кровь. С этим ничего не поделаешь. Такова жизнь!

— Но я бы все равно лучше...

— Никуда не поедет, — твердо сказал Конан. — Из-за твоих страхов искать в темноте новое место для ночлега? Ерунда!

Он схватил кость, на которой был огромный кусок жареного мяса, и с аппетитом начал его поглощать.

Немного погодя к нему присоединился Оршан, который, за десять лет своей жизни повидав немало крови и трупов, привык к ним. Со-

ланна не смогла последовать примеру своих спутников и лишь напилась воды. Потом, завернувшись в свой теплый плащ, она попыталась уснуть.

Но как только она закрывала глаза, в ушах у нее звучал ужасный крик человека, раздавленного конем. Целую ночь она не могла заснуть, и лишь перед рассветом ее глаза сами закрылись от усталости, но короткий обморочный сон не принес ей облегчения. Утром она чувствовала себя ужасно.

* * *

Соланна с отвращением смотрела на киммерийца, спокойно подкрепляющегося холодной олениной.

Было холодно. Она сидела, завернувшись в свой теплый плащ, и по ее лицу было видно, что она отвратительно себя чувствует. Пересилив свое отвращение, она взяла ломтик мяса и, некоторое время повертев его в пальцах и разглядывая, как будто пытаясь найти в нем изъясн, нерешительно откусила кусочек.

Конан бросил обглоданную кость в костер, вытер губы и сказал:

— Ну, что ж, пора. Поедем в твою деревню. Пусть они нас перевезут через реку. Только договариваться на этот раз буду я.

Соланна дожевала свой кусочек и проглотила его, потом молча кивнула. Оршан уже оседлал коней и привязывал последние вьючные мешки

за седлами. Конан вскочил на своего вороного и ждал остальных.

Тропинка вела вдоль реки, повторяя все ее изгибы. Всадники ехали друг за другом и Конан был готов ко всему.

Он предполагал, что жители деревни, увидев вернувшегося раненого коня без всадника, за ночь наверняка обсудили ситуацию, и теперь будет трудно уговорить их перевезти путников на другой берег.

— Почти приехали, — сказала Соланна и, натянув узду, дала Конану возможность выехать вперед.

Киммериец кивнул и его голубые глаза потемнели. Он махнул рукой назад, и оба его спутника послушно остановили своих коней в ожидании. Конан соскочил с коня и, перебросив узду через его голову, бросил ее Оршану. Затем он проверил меч, прикрепленный к спине, и исчез в лесу как привидение.

* * *

Отойдя немного от тропинки, Конан двинулся к деревне. Вскоре он наткнулся на протоптанную дорожку и решил пойти по ней, потому что это позволяло двигаться бесшумно. Дорожка петляла между деревьями. Дойдя по ней до опушки леса, киммериец остановился. Соланна была права, деревня выглядела брошенной.

Она состояла из одиннадцати дворов, точнее сказать, хижин. Восемь из них превратились в

руины, только остатки стен и торчащие обгорелые балки говорили о том, что здесь когда-то находились жилые дома.

Только три дома в деревне были похожи на то, что в них кто-то живет. Но сейчас и они выглядели мертвыми, как осевшие могилы на заброшенном кладбище.

Конан вытащил кинжал и осторожно вошел в деревню. Заглянув в пару руин на краю деревни, он убедился, что его предположения были верными. В них никто не жил.

Киммериец направился к самому сохранившемуся дому в деревне, на котором виднелись следы недавнего ремонта. Дом стоял над рекой и от его крыльца до берега надо было пройти лишь несколько шагов по достаточно удобному спуску.

Конан прижался ухом к задней стене дома и прислушался. Тишину нарушало только щебетание последних еще не успевших улететь на юг птичек. Стена холодила щеку и была влажная. Конан, осторожно добравшись до угла, выглянул из-за него.

На крыльце никого не было. Он завернул за угол и заглянул в небольшое окошко, затянутое рыбьим плавательным пузырем. Не было видно ничего.

Киммериец раздраженно прикусил нижнюю губу. Несколькими длинными мягкими прыжками он подбежал к дверям, мощным пинком выбил их и отскочил в сторону. Ожидаемая им стрела не вылетела.

— Вылезайте! — заорал он.

Ответом ему была тишина. Конан ворвался внутрь с мечом на плече, готовый к бою. Когда глаза его привыкли к царившему внутри полумраку, он разглядел, что здесь действительно недавно жили люди. Посередине комнаты от ветра, проникающего сюда через разбитые двери, покачивался на длинной цепи черный помятый и покрытый сажей котел для воды. Пепел под ним выглядел достаточно свежим. На стене висел кхитайский лук, рядом с ним колчан со стрелами.

Конан взглянул вверх, не грозит ли оттуда опасность, но балки, соединяющие стропила крыши, были пусты.

Киммериец выбежал наружу и быстро осмотрел оставшиеся дома. Все они были пусты. Выйдя из последней хижины, он громко свистнул. По этому знаку из леса выехал сначала Оршан, затем вышел конь Конана, а через мгновение показалась и Соланна.

Девушка испуганно оглядывалась по сторонам и видно было, что она опасается въезжать в деревню.

— Здесь никого нет, — гаркнул Конан.

Подъехав к самому большому дому, Соланна соскочила с коня и, бросив его узду Оршану, спустилась на берег реки.

— Вчера здесь стояли две лодки, — показала она рукой на маленькую заводь.

На берегу были видны две большие, во многих местах заштопанные рыбацьи сети, разве-

шанные на покосившихся шестах для просушки. Гигант бросил взгляд на прибрежный песок, где четко выделялись две глубоких колеи, явно оставленные киями двух лодок.

Конан посмотрел на спокойную поверхность реки.

— Они могли скрыться на том берегу, — сказал он задумчиво.

— Где бы они там спрятались? — сморщила нос Соланна.

— Да, верно. Ты права. Здесь в лесу значительно больше шансов спрятаться от любых врагов.

— Вчера к ним вернулся один конь. А может, и второй, — заметил Оршан.

— Какой величины были эти лодки? — обернулся киммериец к Соланне. — Вошла бы в них лошадь?

— В одну вошла бы, в другую нет.

— Значит, они где-то здесь, — кивнул Конан головой в сторону леса. — Подождите меня, я их приведу.

Он быстро пошел вдоль реки, внимательно осматриваясь по сторонам. Пройдя несколько сотен шагов, Конан услышал детский плач. С правой стороны от него берег реки густо зарос высоким камышом, с левой стороны лес доходил почти до самого берега.

Он прошел чуть вперед и принялся. Его острое обоняние дало ему понять, что где-то поблизости спрятаны лошади. Резкий запах животных указал ему направление, в котором надо

двигаться. Он осторожно углубился в лес, поднимаясь на пригорок.

Вход в укрытие он обнаружил не сразу. Землянка была так хорошо замаскирована, что он чуть не упал в нее. Только когда под ногой у него гулко отозвалась пустота под досками, закрытыми дерном, он понял, в чем дело. Быстро отскочив назад, он стал ждать, что же будет дальше.

Но спрятавшиеся люди, видимо, считали, что он не обнаружил их укрытие, и продолжали сидеть тихо. Конан быстро нашел замаскированный вход и уверенно забарабанил по нему рукояткой меча.

— Вылезайте, — заорал он так, что дрогнули ближайшие кусты.

Но прошло еще некоторое время, прежде чем поднялась крышка, закрывающая вход в подземное убежище. Оттуда высунулась седовласая голова старика.

— Вылезай, вылезай. И не ты один, а все, — приказал Конан таким тоном, что не послушаться его было невозможно.

Из землянки на дневной свет вылезли три женщины, две из которых тащили за собой маленьких детей, уцепившихся за их руки. Третья несла на руках спящего младенца. Сгорбленный старик выполз вслед за ними. Руки он держал расставленными, чтобы было видно, что у него нет оружия.

— Кто там еще остался? — гаркнул Конан, многозначительно покачав мечом.

— Никого... — забормотал старик, но одна из женщин крикнула ему: — Не лги, старый! Там еще два ребенка. Они сторожат наших коней!

— Все в деревню, — приказал Конан. — И быстро!

Через вход в землянку протиснулся мальчишка, ведущий в поводу ту самую старую клячу, которой вчера пропорол бок кинжал Конана. Вслед за ним вышла высокая и тощая девушка, которая тащила за собой упирающегося сивого коня.

Конан осторожно заглянув внутрь, убедился, что теперь в землянке действительно никого не осталось.

* * *

— Да, господин, — поклонился старейшина, — конечно, мы вас перевезем. И вы не должны будете нам ничего платить за это, — добавил он, желая тем самым возместить приездим вчерашнее нападение своих сыновей на Соланну.

— Где ваши лодки? — мрачно спросил Конан. — У нас нет времени здесь задерживаться.

— Сейчас они будут готовы, — старик трясущейся рукой указал на реку, где две женщины бродили по пояс в воде, шаря руками по дну. — Мы спрячем их под водой. Там их пока еще никто не нашел. — сказал он дрожащим голосом.

Он старался стоять перед Конаном, глубоко склонившись, но ему это плохо удавалось. Старческое тело отказывалось повиноваться своему

хозяину. Он закачался и с размаху сел костлявым задом на камень, обычно служивший ему в качестве сиденья. Что-то громко хрустнуло и старик испустил стон, но тут же постарался его приглушить, чувствуя, что может раздражить могучего воина. Киммериец взглянул на него и усмехнулся.

— Конечно, мы тебе ничего не будем платить за перевоз. А вот я от тебя буду требовать выкуп за то, что оставляю вас всех в живых. Может, ты думаешь, что я оставляю без наказания такое преступление, какое вы вчера совершили над нами...

— Господин, — заскулил старик, — ты уже наказал нас за нашу жадность. Оба моих сына погибли. А у меня все равно ничего не осталось, что бы для тебя имело хоть какую-нибудь ценность. Возьми, господин, все, на чем задержится твой взгляд. Но я и вправду не думаю, что ты найдешь у нас что-либо, что бы пригодилось тебе в дороге...

Оглядевшись по сторонам, Конан должен был признать, что старик прав. Тем не менее взгляд его остановился на девушке, стоявшей за спиной старика и поддерживавшей его, чтобы он не упал с камня.

— Я мог бы взять ее с собой и продать как рабыню, — задумчиво сказал Конан, делая вид, что не замечает потрясенного взгляда Соланны.

Такой же потрясенный взгляд бросил на Конана и седовласый старик. Он обеими руками растрепал свои длинные волосы, потом, с тру-

дом поднявшись, сделал несколько неуверенных шагов к Конану, который неподвижно сидел на другом камне, опираясь подбородком на рукоятку меча.

Старик упал на колени перед киммерийцем и взмолился:

— Не делай этого, господин. Это моя единственная дочь...

— Ну что ж, пусть посмотрит мир, — издевался Конан над стариком. — Может, ей понравится...

Девушка стояла на том же месте, где до этого сидел старик, и смотрела на Конана строптивыми глазами.

— Если бы ты попробовал сделать что-либо подобное, я бы убила сначала тебя, а потом себя, — отрезала она с бешенством.

Резко отвернувшись, она бросилась в дом, так что ее босые пятки замелькали в воздухе.

— Господин, не слушай ее. Это еще ребенок, — старик стоял на коленях перед Конаном, упираясь лбом в болотистую траву.

— Ну, ладно, — пробурчал Конан. — Не буду же я таскаться в такую даль с этой дикой кошкой. Оставь ее себе. Но следи за ней внимательно, чем за своими сыновьями.

* * *

Киммериец взглянул на реку и увидел, что женщины уже нашли затопленную лодку на дне реки и выбиваясь из сил тянут ее к берегу. Бор-

та лодки постепенно поднимались из воды. Конан перестал обращать внимание на старика, встал и спустился на берег. Седовласый старец даже не заметил, что тот, кому он кланяется, уже не сидит на камне напротив него.

Конан вошел в воду, напрягая мышцы, вытащил лодку на болотистый берег, и, крепко ухватившись за борт, перевернул ее. Вода выплеснулась наружу с громким шумом.

Только теперь старик поднял голову и вытаращенными глазами смотрел на киммерийца, который как раз возвращал лодку в исходное состояние. Покончив с этим делом, Конан крикнул женщинам, все еще стоящим по пояс в воде:

— Что стоите? Вычерпывайте остатки воды. Не будем же мы ждать здесь несколько дней.

— Слушаемся, господин, — закивала головой старшая из женщин и стала выбираться на берег.

Ее длинное платье тянулось за ней по воде, образуя что-то вроде шлейфа. Вторая женщина, подойдя к лодке с другой стороны, помогла Конану выровнять ее на берегу. Старшая женщина, вернувшись с глиняной миской, покрытой блестящей глазурью, с трудом влезла в лодку и с помощью этой посуды принялась вычерпывать из лодки остатки воды.

Киммериец снова поднялся на берег и, похлопав своего коня по шее, взглянул снизу вверх на Соланну.

— Поплывешь первая, за тобой мальчишка, а потом я. Так будет безопасней.

— Ничего не стоит опасаться, — возразила Соланна. — Они получили свое. И если ты будешь на нашей стороне, ясно, что ничего не может случиться...

Конан широко улыбнулся:

— Так думаешь только ты. Случиться же может все, что угодно. И сделаем так, как я сказал.

Глава 16

Храм Кореддана

Нынул ливень. Конан, укутанный в тяжелый плащ, приподнял капюшон, не дающий каплям дождя попасть в глаза. Въехав на невысокий пригорок, он пытался увидеть город. Тяжелые тучи нависали низко над головой, приближая горизонт. Огромный киммериец взглянул налево, где на расхлябанной дороге остановились кони его спутников. Девушка и мальчик сидели в седлах, пригнувшись к гривам коней. Видно было, что они выбились из сил. Конан еще утром заметил, с каким трудом они садились на лошадей. Оршан задремал в седле, как только кони остановились. Соланна обеими руками держалась за луку седла, давая передохнуть затекшей спине. Конан усмехнулся.

— Я вас с собой не звал, — пробурчал он, отряхивая капли дождя с капюшона.

Он тронул своего могучего коня и съехал с холма.

— Едем дальше. Пока ничего не видно.

Соланна, устало кивнув, медленным движением тронула коня за ним. Цокот копыт разбудил Оршана. Он удивленно поднял голову и взглянул вокруг заспанными глазами. Порыв ветра бросил ему в лицо, недостаточно закрытое капюшоном зеленого плаща, пригоршню холодной воды. Он отряхнулся, как пес, только что вылезший из реки.

— Уже утро? — вскрикнул он.

— Нет, — покачал головой Конан. — Но скоро будет вечер. Сегодня будем ехать, пока не доберемся до города...

— И потом отдохнем, — блаженно выдохнул Оршан.

— Если твой дядя примет тебя к себе, то да, — кивнул Конан.

Оршан, испуганно вытаращив глаза, недоверчиво посмотрел на киммерийца:

— А что, он может отказаться принять меня к себе?

Соланна рассмеялась:

— Видно, что ты жил в деревне. Да он может просто продать тебя в рабство...

Оршан съежился в седле и было видно, что ему хочется стать как можно меньше, а если бы это было возможно и вообще исчезнуть. Но по крайней мере страх окончательно разбудил его. Конан пустил своего коня мелкой рысью, два

другие последовали за ним. Грязь чавкала под копытами животных, ветер усиливался.

Дорога спускалась вниз.

Конан с надеждой вглядывался вперед. Они приближались к лесу.

Дорога исчезала в густой стене хвойных деревьев, как в пещере. Конан усмехнулся. Несмотря на закалку и привычку не обращать внимания на превратности погоды, ему было приятно предвкушать, что дождь перестанет лить прямо на голову.

Деревья сомкнулись вокруг них, как охрана. Стволы уходили высоко вверх, так что здесь было значительно темнее, чем на равнине. Дорога петляла между огромными деревьями, не давая путникам возможности отдохнуть и расслабиться. Конан все время ехал впереди, заставляя своих спутников не отставать от него.

«Если бы принц поехал с нами, мы ехали бы еще медленнее», — подумал киммериец.

Темнело так быстро, что уже почти не было видно дороги.

— Может, залезем куда-нибудь и переночуем здесь? — услышал Конан за собой тихий голос Соланны.

Он покачал головой. Потом, сообразив, что его жест в темноте не может быть замечен, повернулся к девушке:

— Еще немного проедем. По-моему, уже недалеко, — подбодрил он ее, увидев, как ее симпатичное лицо побледнело и осунулось от усталости.

— Но здесь нет дождя, — возразила она.

Конан вытер мокрое лицо и сказал:

— Доедем до края леса и если не увидим города, останемся здесь, в сухом месте. Но пока едем дальше. И поглядывай на мальчишку, как бы он не потерялся.

Дальше они ехали молча.

* * *

— Кром побери! — выдохнул Конан, когда они выехали из леса и увидели город.

Здесь не было так темно, как в лесу, и они могли довольно хорошо разглядеть картину, открывшуюся перед ними. Даже сквозь дождь были видны мощные городские стены, окружающие довольно большое пространство. Над ними возвышались башни королевского дворца и нескольких храмов. Тут и там над стенами виднелись крыши домов и дворцов богатых горожан и аристократов.

— Что это? — Соланна указала на реку, которая текла мимо города.

— Пристань, — кратко ответил Конан.

— Это я вижу, — отрубил Соланна. — Я имею в виду вон там, на реке.

Киммериец подъехал ближе к девушке.

— Да, оттуда этого не было видно, — признал Конан, удивленно глядя на мрачное сооружение, высящееся на острове посередине реки.

Мощное четырехэтажное здание, сложенное из темного камня, возвышалось над рекой. Сте-

ны его, блестящие от дождя, были еще выше, чем городские.

— Наверное, это крепость, защищающая город от нападения с реки, — сказал огромный киммериец, но на лице его было явное недоумение.

— Нет, — раздался в темноте за ними усталый детский голос, — это храм бога Кореддана, который мы ищем. Именно таким мне его описывал мой отец, который однажды побывал... — конец фразы заглушил всхлип, видимо, Оршану вспомнились его погибшие родители.

Соланна подъехала к скорчившейся в седле фигурке и погладила мальчика по плечу.

— Это так. Вернуть их ты уже не сможешь. Смирись с этим.

Оршан поднял к ней заплаканное лицо, на котором слезы смешивались с холодным осенним дождем.

— Я знаю, — шмыгнул он носом, — но только сейчас, когда я увидел эту крепость, я понял, что уже никогда их не увижу.

Девушка погладила его по щеке. Конан тронул своего коня в направлении города.

— Едем, — крикнул он, обернувшись через плечо, — стражники могут закрыть ворота. А мне сегодня не хочется спать под дождем и без еды.

Прищурив глаза, киммериец представил себе трактирную стойку, тепло, запах вкусной пищи и питья. Эти мечты были достаточно правдоподобны, потому что у него было достаточно де-

нег, забранных в сокровищнице Сунт-Аграма. Непроизвольно он гнал коня все быстрее, пока наконец усталый конь не перешел на галоп. Оглянувшись, Конан увидел, что оба его спутника стараются не отстать от него.

Городские стены вырастали на глазах.

Узкая тропинка, по которой они выехали из леса, перешла в широкую наезженную, плохо замощенную дорогу. Копыта коней разбрызгивали воду и грязь из больших луж.

Оршану это так понравилось, что он от радости завизжал. Дорога шла вдоль городских стен, сворачивая к реке. Главные ворота города находились именно там.

Высокие сужающиеся кверху и растворяющиеся наружу ворота еще были открыты. Перед ними находился подъемный мост через глубокий ров, который соединялся с текущей рядом рекой. Настил моста был сооружен из толстых досок, которые поддерживали еще более мощные балки. Две массивные цепи тянулись к концу моста из двух маленьких бойниц городской стены.

— Зачем это? — показал на них Оршан.

— С помощью этих цепей весь мост может быть поднят перед кочевниками или другими врагами, — пояснил Конан, усмехнувшись над незнанием мальчика.

— И это возможно? — вытаращил глаза Оршан, недоверчиво разглядывая тяжелый мост.

— На свете возможно множество вещей, — улыбнулась Соланна, забыв про усталость.

Конь коней застучали по настилу моста. Конан, натянув узду, придержал своего коня — из темного пространства в стене против них высунулись три пики.

Остановившись, Конан с интересом разглядывал необычную конструкцию ворот. Башня ворот имела в высоту три этажа. На площадке, устроенной на высоте половины башни, находились два лучника и две длинных, неприятно выглядящих стрелы были нацелены на проходящих. Из темноты за пиками показались старший воин и двое младших.

У старшего на голове был шлем с забралом, тело закрывал тяжелый непромокаемый плащ, на груди которого был вышит королевский герб. Двое младших воинов, державшихся сзади, были одеты так же.

— Что привело вас в такую непогоду в королевский город Прандару? — хриплым простуженным голосом прокричал солдат.

— Именно эта самая непогода, — ответил Конан. — Мы хотели бы отдохнуть перед тем, как двинуться дальше. Мечтаем о горячей еде.

— Нищих в город не пускаем! У нас своих хватает... — солдат раздраженно тряс своей пикой перед лицом Конана.

В глазах киммерийца блеснул гнев и он резко взмахнул рукой. Пика отлетела в сторону, сам солдат едва удержался на ногах. Конан набрал воздуха в грудь, чтобы как следует выдать несчастному стражнику, но тут в воздухе просветлел золотой и со звоном упал к ногам солдат.

— После службы выпейте за наше здоровье, — раздался в вечерних сумерках тихий голос Соланны.

Конан не привык, чтобы кто-то посторонний вмешивался в дела, которые его не касаются. Он круто обернулся к Соланне, но тут заметил, что солдат, забыв про упавшую пикку, старается очистить золотой от налипшей грязи.

Остальные две пики исчезли, как по мановению волшебной палочки, так же как и обе стрелы лучников. Киммериец только махнул рукой и въехал в ворота между почтительно расступившихся солдат.

Как только они проехали ворота, их окружил смрадный запах отбросов, валяющихся прямо посреди улицы. Даже дождь не сумел смыть их. Соланна наморщила нос, она привыкла к другим запахам. Конан направил коня ближе к домам, чтобы не ехать посредине улицы, куда стекались все нечистоты.

Он огляделся. Улица поднималась в гору. Они миновали несколько трактиров, которые Конану по какой-то причине не понравились. Киммериец ехал по обочине улицы, нагибаясь под низко висящими вывесками лавок и магазинов. Дождь постепенно стихал и он скинул с себя капюшон, вытерев лицо рукой.

— Вот то, что надо, — произнес Конан, указывая на покачивающуюся вывеску, на которой ярко выделялся белый тигр.

Соскочив с коня, он попытался завести его на двор трактира и яростно пнул ногой створки тя-

жело открывающихся ворот. Гулкий удар заставил выбежать во двор прислужника, принявшего у путников коней.

Конан отвязал от седла два кожаных мешка и двинулся с ними прямо в зал. Через несколько мгновений за ним последовали Соланна и Оршан, который сгибался под тяжестью большого мешка, в котором были все его вещи.

В трактире никого, кроме трактирщика, не было. Высокий крупный мужчина стоял в дверях кухни. Выступающий живот его был опоясан кожаным фартуком. Руки его были уперты в бока, а из-под густых бровей на входящего Конана внимательно смотрели узкие черные глаза. Киммериец прямо от дверей швырнул свой груз на стол, стоящий рядом с открытым очагом. Намокшие мешки скользнули по столу, оставляя на нем мокрые следы.

— Положи их на пол, — тихо и угрожающе произнес трактирщик. — Здесь не принято так себя вести.

— Даже когда здесь пусто? — искоса взглянул на него Конан и выпрямился.

— Даже когда здесь пусто, — кивнул трактирщик.

Киммериец подошел к нему, схватив за воротник, приподнял его в воздух и угрожающе прошипел:

— Лучше принеси побыстрее поесть, а то я тут у тебя...

Он отпустил трактирщика и тут же внезапно почувствовал, что возносится в воздух и летит

куда-то в угол зала. Еще в полете он успел собраться в клубок и упал на пол на четыре точки, как кошка.

Мгновенно вскочив на ноги, он бросился к трактирщику, сжимая в руке появившийся из ножен кинжал.

— Неужели мы с вами устроим здесь драку, как городское отребье? — трактирщик все так же спокойно стоял у дверей в кухню.

Конан остановился.

— Ты в Прандаре, киммериец. Учти это, — трактирщик усмехнулся.

Затем он повернулся и исчез в кухне. Конан стоял как вкопанный. Соланна коснулась его плеча.

— Он здесь хозяин, — прошептала она так тихо, что ее не услышал даже Оршан, усевшийся на лавку у стены.

Конан кивнул и спрятал кинжал в ножны. Затем он взглянул в сторону кухни.

Через дверь была видна большая плита, на которой стояло несколько горшков. От них в зал распространялись такие вкусные запахи, что недовольство киммерийца сразу исчезло. Отвернувшись, он подошел к столу, с которого Соланна вместе с Оршаном снимали дорожные мешки и укладывали их в углу. Едва Конан успел усесться, как трактирщик уже нес огромную миску дымящегося мяса. Под мыпкой его был зажат каравай хлеба.

— Ножи вам, кажется, можно не подавать, — улыбнулся трактирщик, в узких черных глазах

которого мелькали веселые искорки, — я успел заметить, что у вас их достаточно.

— Твое счастье, что я слишком хочу есть и пить, — невнятно буркнул Конан, набив полный рот жареного мяса.

— Сейчас вам принесут что-нибудь выпить, — улыбнулся трактирщик, — и я надеюсь, что мое вино вам так же понравится, как и мое мясо. В трактире нет посетителей из-за того, что сегодня праздник Кореддана. И этот ужасный дождь...

— Это мы смогли уже заметить, — проворчал Конан. — А где же вино?

— Уже несут, — сказал трактирщик, улыбаясь так, что его густые брови поднялись на лоб.

В комнату вбежала запыхавшаяся девушка, которая несла большой круглый кувшин, держа его обеими руками перед собой. Она так походила на Соланну, когда та была в женском платье, что у Конана перехватило дыхание.

Высокая, стройная, с упругой грудью, едва прикрытой рубашкой, со светлыми, коротко подстриженными волосами. Под бровями, лишь чуть менее густыми, чем у ее отца, улыбались всему свету зеленые глаза. С виду ей было лет двадцать, не больше.

— Сейчас принесу бокалы, — она улыбнулась и ее белые зубы, казалось, засверкали на всю комнату. — А ты, конечно, не будешь пить вино, — наклонилась она к Оршану. — Тебе я принесу сладкую воду, — сказала она решительно, так что отказаться было просто невозможно.

— Шарья, приготовь гостям комнату, они устали от дальней дороги.

— Три комнаты, — чтобы добавить веса своим словам, киммериец показал три пальца.

— Ваше пожелание для меня приказ, полководец.

— Я уже давно не полководец, — проворчал Конан, снова вернувшись к еде.

Кушанья исчезали со стола с такой невероятной скоростью, что трактирщику снова пришлось сходить на кухню за добавкой. Соланна и Оршан старались не уступать Конану по мере своих возможностей. Все трое были голодны как волки.

— Я кое-что об этом слышал, — продолжил разговор трактирщик.

— О чем же ты слышал? — подняла на него голову Соланна и пригладила растрепанную прическу рукой. Светлые короткие волосы еще не просохли.

— Я слышал о поражениях окрестных племен и о разгроме банды разбойников, а также о том, что король Сенхор заболел вместе со своим придворным чародеем. И еще... — трактирщик запнулся.

— Продолжай, — буркнул Конан, — я сегодня спокойный и мирный.

— Да, мой господин, я имел счастье заметить это, — трактирщик поклонился так низко, насколько позволял ему его толстый живот.

Конан с подозрением взглянул на него, но ничего не сказав, махнул рукой.

— Еще, — продолжал трактирщик, — в городе ходят слухи, что у вас были какие-то проблемы с принцессой Мицор и дочерью чародея Сунт-Аграма, чтобы его демон Аль-Кири утащил в пекло.

— Тебе не нравится Сунт-Аграм? — вопросительно приподнял брови киммериец.

— Нет! Я верю, что когда бог Кореддан освободится из-под его власти, он жестоко отомстит чародею.

— Это бы меня вполне устроило, — Конан коротко кивнул, тем самым закончив беседу.

Соланна плеснула немного вина из кувшина в помятый латунный бокал и отпила из него. Потом, поднеся бокал ближе к глазам, она повертела его в руке, рассматривая узор, украшавший его поверхность. Узор состоял из черточек, волнообразных линий и точек. Они пересекались в кажущемся беспорядке, образуя странные фигуры.

— Откуда у тебя этот бокал?

— Он у меня очень давно, молодой господин, — низко поклонился трактирщик.

— Я тебя не спрашиваю, сколько времени он у тебя, — недовольно сказала Соланна, — а откуда он у тебя? Признайся, что ты подобрал его в каком-нибудь храме!

— Как вам такое могло прийти в голову, мой господин, — попытался выкрутиться трактирщик. — Подать еще мяса? — он старался увести разговор в сторону от явно неприятной для него темы.

— Мяса можешь принести еще, — благосклонно кивнул Конан, — но после этого ответишь на вопросы моего товарища. И постарайся, чтобы он оказался доволен твоими ответами!

Черные глаза трактирщика остекленели от страха, однако, он, послушно опустив голову, взял пустую миску со стола и исчез в кухне. Там он пробыл довольно долго, прежде чем появиться с миской, доверху наполненной дымящимися кусками жареного мяса под соусом, в одной руке и большим кувшином вина в другой. Он аккуратно поставил миску на стол перед Конаном, а кувшин перед Соланной.

— Я извиняюсь, что...

— Можешь не извиняться, — прервала Соланна речь, заготовленную трактирщиком, — для меня будет достаточно, если ты ответишь на мой вопрос.

— Да, мой господин, — трактирщик прищурил глаза, вспоминая. — Это случилось несколько лет назад. Сразу после того, как у нас появились жрецы бога Кореддана из большого морского храма. Весной начались большие дожди. Река вышла из берегов, так что по нашей улице плавали лодки, когда люди спасались из затопленных домов. Это было ужасно. В порту от причалов оторвались несколько кораблей, там погибло много народа. Город почти обезлюдел. Потоп продолжался несколько дней. Правда, за это время город покинули все крысы, так что...

— Нас интересует этот бокал, — Конан грохнул кулаком по столу с такой силой, что все

предметы, стоявшие на нем, подскочили, а спящий Оршан проснулся.

Некоторое время он, непонимающе хлопая глазами, смотрел на рассерженного Конана, затем голова его снова склонилась на стол и он уснул сном до смерти уставшего человека.

— Я уже подхожу к этому, мой господин, — успокаивал гиганта трактирщик, незаметно вытирая при этом вспотевшие от страха руки об штаны. — Как только вода спала, королевские солдаты окружили нижнюю часть города, чтобы не начался грабеж оставленных хозяевами домов.

— Ха-ха, — хохотнул Конан, — но не только для этого... Главной причиной было, конечно, то, что сам король хотел попользоваться отсутствием хозяев, и не желал, чтобы его опередили другие.

Услышав это, трактирщик испуганно огляделся вокруг и, только убедившись, что во всем трактире никого, кроме этих дерзких и грубых посетителей, больше нет, позволил себе едва заметно кивнуть.

— И ты тоже попользовался, — усмехнулась Соланна.

— Но только чуть-чуть, — почти прошептал трактирщик. — Я брал только то, что вода приносила на мой двор...

— Как я вижу, в то время твой двор изрядно увеличился в размерах, — расхохотался Конан. — Но, знаешь, использовать в трактире краденые бокалы... — он покачал головой.

— Он у меня единственный, — бормотал трактирщик. — И нашел я его... Все остальное... — он испуганно замолк.

— Мы не королевские стражники, — махнула рукой Соланна, — и нас это не интересует. Так как ты полагаешь, откуда *приплыл* этот бокал? — она выкрикнула эти слова с такой силой, что Конан вздрогнул.

— Я нашел его неподалеку от храма, мой господин... — У трактирщика так тряслись колени, что казалось, будто он сейчас упадет. Чтобы легче было тяжело натруженным ногам, он оперся о стол.

— Так вода унесла его из какого-то дома? — продолжала спрашивать Соланна.

— Нет-нет, — энергично завертел головой трактирщик. — Бог Кореддан сохранил его, когда кусок храмовой стены рухнул в воду. Не зря же он — водный бог-охранитель. Только благодаря ему мы все остались живы. Если бы он не простер над нами свою охранную руку, вода наверняка бы смела весь город, — он быстро сыпал из себя фразы, фанатично блестя глазами.

— И поэтому тебе не стыдно было его обокрасть, — зеленые глаза Соланны вспыхнули, как изумруды в солнечном свете.

— Но я же не знал, что это его бокал, — жалобно проскулил трактирщик, отводя бегающие глаза. — Я действительно нашел его в грязи. Он был совершенно измятый и мне пришлось долго его выправлять. Мне и в голову не приходило, что это...

— Приходило, — Соланна пристально смотрела на него, и от ее взгляда у трактирщика забегали мурашки по спине.

— Приходило, — он весь сжался и втянул голову в плечи, словно ожидая смертельного удара. — Но, поскольку он не потребовал его, я подумал, что бокал ему не нужен, — бормотал трактирщик и на обвисших щеках его выступили крупные капли пота.

— Ну, хорошо, — махнула рукой Соланна, — можешь идти. Твой бокал я завтра верну в храм... — она улыбнулась, увидев, что трактирщик посинел от страха. — Не бойся, я не скажу, откуда он у меня. Может быть, бог Кхоран'дан... — она сделала задумчивую паузу, — ...или, как вы его называете, Кореддан, — будет тебе благодарен.

— Я бы с радостью обошелся без его благодарности, — трактирщик с облегчением вытер вспотевшее лицо. — Любой из богов очень обижается, когда ему кажется, что его обманывают. Даже такой добродушный бог, как Кхоран'дан. Даже он с тех пор, как Сунт-Аграм обманом лишил его волшебной кифары, стал очень сердитым.

— Какой волшебной кифары? — вопросительно поднял левую бровь Конан.

— Мой господин, — в священном негодовании воскликнул трактирщик, разом забыв про свои переживания, — неужели ты ничего не знаешь о нашем любимейшем боге, охранителе нашего города?

— Видимо, любовь к нему переполняет тебя настолько, что ты крадешь из его вещей все, что под руку ни попадется, — пробурчал Конан себе под нос, и трактирщик покраснел, подобно одной из знаменитых атлантских роз, которые разводят нынче только при дворе кхитайского монарха.

— Кореддан, — избавившись от смущения после усиленного откашливания, продолжил трактирщик, — один из белых морских богов. Он заботится о создании хорошего настроения у всех остальных богов с помощью игры на волшебной кифаре и тем самым отводит от нас, смертных, их возможную злобу. Волшебная кифара имеет еще одно свойство, из-за которого уже несколько столетий многие чародеи пытались украсть ее: поиграв на кифаре, смертный человек становится бессмертным.

— Значит, это удалось Сунт-Аграму? — прищурил глаза Конан. — Он украл этот инструмент?

— Да, мой господин, — сказал с грустью трактирщик. — Говорят, что однажды Сунт-Аграм наткнулся на бога Кхоран'дана, который отдыхал на берегу уставший после празднества, на котором он долго играл остальным богам...

— И при этом нажрался, как...

— Мой господин! — в ужасе вскрикнул трактирщик. — Никогда не говорите так о Кореддане.

— Кром побери! — пробурчал Конан. — Ты прав, трактирщик, и твой бог тоже может оби-

даться. Молчу. Но почему ты называешь его то Кореддан, то Кхоран'дан? Как же его настоящее имя?

— Раньше все называли его Кореддан. Еще мой прадед так говорил. Потом почему-то изменилось... И я все время путаюсь... А какое имя из двух — настоящее, я даже точно не знаю. Да и важно ли это?

— Где ты узнал все эти подробности про Сунт-Аграма? — Соланна недоверчиво взглянула на трактирщика.

— На богослужениях, — трактирщик переплел пальцы обеих рук, развернув переплетенные руки к себе, и приложив их к груди, застыл на несколько секунд в неподвижности. Затем он расплел пальцы и опустил руки. — Проповедник всякий раз призывает отважных мужчин отправиться на остров Кхоран'дана для поисков похищенной кифары.

— Ну и что дальше? — вопросительно наморщил лоб Конан и глубоко отхлебнул из своего бокала.

Однако его голубые глаза внимательно следили за трактирщиком. Тот неуверенно пожал плечами:

— Некоторые действительно отправляются на остров. Иногда возвращаются, но чаще всего — нет. Но из тех, которые вернулись, никто кифару не привез. Жрецы смогут вернуться на остров, только когда кифара будет найдена. Тогда и Кореддан снова получит свою власть. А до тех пор...

— Ладно, ладно, — махнул рукой Конан, прерывая его, — хватит и этого. Как дела с нашими комнатами?

— Они давно приготовлены, мой господин, — склонился в глубоком поклоне трактирщик.

По его виду было ясно, что он до смерти рад окончанию этих неприятных расспросов.

Глава 17

Жрец забытого бога

В окно светило утреннее солнце. Лучи его играли с пылинками, плавающими в неподвижном воздухе. Камин давно погас и два человека, лежащие на постели, были прикрыты огромной коричневой меховой шкурой. Спустя некоторое время мужчина повернулся и взглянул на девушку, у которой из-под меховой шкуры виднелась только голова с коротко подстриженными светлыми волосами. Удовлетворенно улыбнувшись, Конан перевел взгляд на грубо оштукатуренный потолок, по которому разбегалось в разные стороны множество тонких и толстых трещин. Когда он взглянул в направлении окна, находящегося по левую руку от него, глаза у него сузились.

Окно состояло из нескольких маленьких неровных кусочков зеленоватого стекла, закрепленных в свинцовой раме.

С внешней стороны его сидела огромная черная птица, больше всего напоминавшая ворона, но величиной превосходившая даже речного орла. Она пыталась заглянуть в окно, но, явно недовольная достигнутым результатом, вела себя как обычная курица. Наклоняла голову из стороны в сторону, стараясь то одним, то другим глазом разглядеть, что же делается внутри комнаты.

Конан медленно выпростал из-под тяжелой шкуры правую руку, сжимавшую небольшой по размерам, но острый кинжал, с которым вчера пришла в комнату его гостья. Это было не слишком тщательно отделанное оружие, но привлекала удивительная гармония его пропорций. Он так и уснул, вертя его в пальцах, как игрушку...

Птица тяжело переступила по внешнему парапету окна и легонько стукнула клювом в переплет. Киммериец не двигаясь внимательно следил за ней. Массивная черная птичья голова снова клюнула в свинцовый переплет, соединяющий кусочки стекла.

Мускулистая рука Конана напряглась и резким движением швырнула оружие в сторону вороны. Кинжал, просвистев в воздухе, гулко ударился в свинцовую раму окна. Ворон отдернулся назад и упал с оконного парапета вниз. Конан успел заметить огромные крылья, развернувшиеся в воздухе.

В комнате опять стало тихо. Конан откинул меховую шкуру и, улыбнувшись, легонько шлеп-

нул лежащую ничком девушку по привлекательному выпуклому местечку. Та дернулась и, сев на постели, испуганно вскрикнула:

— Уже утро!

Шарья молнией вылетела из постели, быстро набрасывая на себя одежду, разбросанную на столе посреди комнаты. Бросив взгляд в окно, она облегченно произнесла:

— К счастью, еще слишком рано для того, чтобы отец проснулся.

— Я тоже так думаю, — ухмыльнулся Конан.

Девушка, закончив одеваться, выглянула в коридор, осторожно приоткрыв двери, и исчезла, как весенний ветерок над саванной. Киммериец встал и, закрыв двери, задвинул засов. Затем снова влез в постель и набросил на себя меховую шкуру. Через мгновение он крепко спал.

* * *

Конана разбудили громкие проклятия, доносившиеся со двора. Подойдя к окну, он со страшным скрипом давно проржавевших петель открыл его и выглянул наружу. Посреди двора стоял трактирщик, стряхивая с себя грязь, в которую он, видимо, упал.

Что заставило его сойти с выложенной плитками дорожки, ведущей от ворот ко входу в трактир, невозможно было догадаться. Неуверенной походкой он направился к конюшне, где попытался хоть немного отмыть грязь с одежды водой из корыта. Он стоял там, раздевшись до

пояса, и продолжал громко ругаться. Естественно, никто из трактирных слуг или подавальщиц еды не осмеливался высунуть и кончика носа во двор.

Царапанье в дверь заставило Конана быстро повернуться и прыгнуть к постели. Натянув штаны и все еще по пояс голый, с мечом в руке, он подошел к двери и, отодвинув засов, отскочил назад.

В темном проеме двери появилась стройная фигура. В первое мгновение Конан не мог различить, Соланна это или Шарья. Только когда девушка вышла на солнечный свет, он увидел, что это Соланна.

— Пора отправляться в храм. Утренняя служба кончилась, трактирщик уже вернулся. Я слышала, как он топает вниз.

— Это был не он, это был кто-то другой. Трактирщик только что вывалился в грязи на дворе. И это действительно случилось, когда он возвращался из храма, — захохотал киммериец. — Мне кажется, что это наказание за кражу бокала.

— Не смейся, — серьезно сказала Соланна, — ты не можешь знать...

— Пхе, — фыркнул Конан. — Я обокрал столько храмов и столько богов, что если бы в один прекрасный день все они собрались мне отомстить, то...

— Кореддана не трогай. Вспомни, какую силу приобрел Сунт-Аграм после того, как завладел его кифарой.

— Уже вспомнил, — презрительно процедил Конан. — Но я также помню, что Сунт-Аграм завладел этой кифарой уже давно, а Кхоран'дан ничего не смог с этим поделать.

— Так ты пойдешь или мне идти вдвоем с Оршаном?

— Может, так было бы и лучше, — пробурчал Конан в нерешительности, — меня никогда не привлекало посещение храма, если это не было связано с грабежом.

— Но там мы можем узнать кое-что из того, что нас обоих очень интересует. Ведь если нам не удастся...

— Подожди меня внизу и, кстати, закажи плотный завтрак.

Киммериец повернулся к Соланне спиной и начал одеваться.

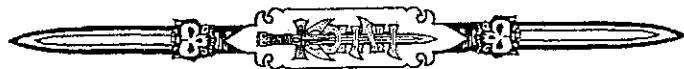
* * *

— Вы уверены, что должны немедленно поговорить с настоятелем Ханнаором?

— С кем, с кем? — удивленный столь высоким титулом дяди Оршана, переспросил огромный киммериец у невысокого жреца, ростом едва достигавшего половины его груди.

— С настоятелем Ханнаором, — невозмутимо повторил привратник храма.

— Да, должны немедленно и именно с ним, — проворчал Конан и жрец больше уже не переспрашивал.

Вид огромного воина, облаченного в кожаные штаны и куртку, обутого в высокие сапоги, вооруженного мечом, висящим на спине, рукоятка которого торчала прямо за массивным затылком, вызывал в нем трепет.

Всех троих посетителей — воина, мальчика лет десяти с виду и изящно одетого придворного — привратник провел через мощный булыжником двор храма к кубической формы дому, который своим запущенным видом соперничал с общим впечатлением, оставленным крепостью. Слева от него возвышался храм.

Его могучее трехэтажное здание, повернутое входом к главным воротам крепости, с другой стороны венчала строгая прямоугольная башня, которая, по оценке Конана, достигала утроенной высоты самого здания. Единственное наружное украшение храма составляли круглые окна, неравномерно разбросанные как по зданию, так и по башне.

Конан с опаской оглядывался вокруг. Он не привык вот так запросто днем прогуливаться по таким местам.

Между булыжниками, неплотно прилегающими друг к другу, тут и там торчали стебельки сухой травы. На каждом шагу булыжники качались под ногами, с неприятным чавкающим звуком выплескивая из-под себя брызги жидкой грязи.

Жрец дошел до семи ступеней, ведущих наверх к прямоугольным дверям, над которыми сверкал декоративный стеклянный полукруг. С

каждой стороны двери возвышались три столбика, соединенных наверху дугообразными арками. Хотя стены храма были сложены из грубо отесанных камней, украшения вокруг дверей были мраморными. И столбики, и полукруг покрывал сложный резной рисунок. Сами двери защищала и украшала искусная металлическая оковка. Соланна остановилась, вглядываясь в здание.

— Ты заметил, — сказала она тихо, чтобы не слышал жрец, — как рисунок резьбы похож на узоры на бокале?

Конан тоже остановился и прищурил глаза, внимательно разглядывая украшения, затем кивнул, соглашаясь.

Жрец между тем вскарабкался по ступеням и распахнул перед ними двери.

— Пойдете наверх на третий этаж. Там вас встретит брат ключник, он отведет вас, куда вам надо, — жрец склонился так низко, что стала видна плешь на темени.

По лицу Конана пробежала тень. Он вскинул голову и увидел парящего высоко над головой огромного черного ворона. Поняв, что киммериец ее заметил, птица воспарила вертикально вверх и растворилась в синеве утреннего неба.

* * *

Сгорбленная спина старого жреца качалась перед пришедшими, когда они шли по темному коридору. Жрец, который встретил их наверху, не промолвил ни слова, лишь сделав рукой поч-

ти незаметный жест, приглашающий следовать за ним.

В руке он нес зажженную лампу, потому что в коридоре совершенно отсутствовали окна. Кривые тени, качающиеся на стенах, так испугали Орипана, что он прижался к Соланне, надеясь найти у нее защиту.

Жрец остановился у дверей по левой стороне коридора и склонился в поклоне. Он открыл рот и уже хотел что-то сказать, но затем закрыл его так резко, что зубы лязгнули друг о друга. Указав на дверь, он повернулся и тем же качающимся шагом направился назад к лестнице. Вместе с ним удалялся и свет лампы. Конан негромко постучал кулаком в дверь.

* * *

Комната, которая открылась их взорам, была всем чем угодно, только не монашеской кельей. Не слишком большая, она была переполнена огромным количеством разнообразных вещей. Соланна прикрыла глаза от яркого огня, полыхавшего в странного вида очаге. Очаг покрывала металлическая плита, разделявшая огонь в очаге на несколько частей.

Над каждой из них на металлических треножниках располагались стеклянные сосуды необычной формы, в которых булькали и переливались разноцветные жидкости и газы. Соланна закашлялась от запаха, заполнявшего всю комнату.

Вслед за ней закашляла и Оршан. Только Конан, немного задержавшийся в дверях, видимо успел привыкнуть к резкому запаху.

На стенах комнаты висело множество полок, заполненных книгами. Резная деревянная конторка для чтения и письма была сдвинута в угол, чтобы дать место маленькому столику. Везде валялись бумаги, манускрипты, стеклянные, металлические и глиняные сосуды всевозможных форм, табуретки и подставки.

Хозяин комнаты был облачен в длинный зеленый плащ, спускающийся до пола, который был украшен волнистыми горизонтальными линиями белого цвета. Длинные рукава были засучены до локтей, на боках и спереди в плаще виднелись большие прорехи.

Не обращая внимания на посетителей, он продолжал заниматься своей работой, которая состояла в переливании желтоватой смеси из одного сосуда в другой, где она перемешивалась с жидкостью ярко-фиолетового цвета.

Было тепло, поскольку кроме необычного очага, которым алхимик пользовался в своей работе, комнату согревал еще и внушительного вида камин.

Вошедшие, закрыв за собой дверь, остановились у входа. После некоторого ожидания, которое Конану показалось слишком долгим, он громко вздохнул, чтобы привлечь к себе внимание.

В то же мгновение в комнате раздался негромкий мягкий басовитый голос:

— Сядьте куда-нибудь. Мне нужно закончить опыт, а вы пришли без предварительной договоренности.

Соланна успокаивающе коснулась локтя Конана и, к ее удивлению, это подействовало.

Киммериец, пошарив вокруг глазами, нашел массивное кресло, по виду способное его выдержать, и опустился в него. Глубоко втянув ноздрями воздух, в котором смешивались аромат горящего дерева, зажженных свечей и резкие запахи, исходящие из угла, где алхимик проводил свои опыты, он обнаружил, что смрад, наполнявший незадолго до этого комнату, исчез бесследно.

— Еще одну минуту, — произнес хозяин, осторожно переливая жидкость по каплям в сосуд. — В случае неосторожного обращения может случиться взрыв. Во-первых, будет разрушена часть монастыря. Во-вторых, даже если я останусь жив, мне придется все начинать сначала, а эта химическая операция занимает не меньше года...

— Конечно, мы подождем, настоятель, — серьезно произнесла Соланна, обращаясь к спине алхимика.

Сосуд в его руках уже был полон, и фиолетовый цвет жидкости в нем медленно менялся на оранжевый. Алхимик положил сосуд на треножник и передвинул его на огонь. Затем, спрятав руки в спущенные длинные рукава, он повернулся к посетителям. Их поразил моложавый вид жреца. Только благодаря кудрявой свет-

ло-коричневой бороде, он не выглядел совершенным юнцом.

Его родство с Оршаном не заметить было невозможно, они походили друг на друга, как две капли воды.

— Мы привели к тебе твоего родственника, — указала Соланна на Оршана, непонятно почему вдруг испугавшегося и спрятавшегося за нее.

— Иди-ка сюда, — подозвал мальчика Ханна-ор. — Ты сын моей сестры? Что с ней случилось?

— Ее убили, — всхлипнул мальчик, перед глазами которого снова встали страшные картины, когда наездники убивали всех жителей города, когда все вокруг было забрызгано кровью и горело. — Когда на нас напали...

Жрец шагнул к мальчику и обнял, прижав его голову к себе. Оршан облегченно расплакался, прижавшись к зеленому плащу.

— Благодарю вас за то, что вы позаботились о нем и привели его ко мне. Это теперь мой единственный родственник и я о нем позабочусь. Могу я для вас что-либо сделать в знак благодарности? — сказал жрец, обращаясь к Конану, удобно развалившемуся в кресле.

— Да, можете, — киммериец коротко кивнул и его длинные черные волосы упали ему на лицо.

— Может быть, я лучше смогу объяснить? — сказала Соланна.

Конан снова согласно кивнул.

— Можете не скрывать от меня, что вы женщина, — улыбнулся жрец.

Соланна вытаращила на него глаза и в течение некоторого времени не могла произнести ни слова. Потом она сумела взять себя в руки настолько, чтобы изобразить на лице легкую улыбку.

— Во-первых, мы хотели узнать, не пропал ли у вас из храма какой-нибудь бокал? — с этими словами она вытащила из сумки, которая висела у нее на правом плече, латунный бокал.

— Как у вас оказалось сокровище нашего бога? — крикнул жрец, бросаясь к Соланне, как сумасшедший.

Он вырвал из ее руки бокал и начал восторженно целовать его. Потом, повернувшись к огню, стал его внимательно рассматривать.

— Это он, — шептал жрец. — Это священный кубок бога Кхоран'дана.

— Ну и как же он у вас пропал? — спросил Конан.

— Несколько лет назад в нашем храме проходил теологический диспут, к сожалению, завершившийся ссорой между оппонентами. Один из участников вследствие ранений, полученных им в процессе обсуждения, скончался. Бог Кхоран'дан очень сильно разгневался на нас и излил свой гнев в виде страшного дождя и наводнения. Часть храма, подмытая разлившейся водой, рухнула. Под обломками погиб жрец, несносный характер которого стал причиной той ссоры. В возникшей всеобщая панике и переполохе, когда все были убеждены, что нужно покидать храм, и стали паковать сокровища, принадлежащие богу,

и результаты научных трудов, обрушилась еще часть храма и в разбушевавшемся потоке исчезло еще несколько жрецов вместе с упакованными тюками, которые они несли. Вот тогда и пропало наше главное сокровище, собственный кубок бога Кхоран'дана. А сейчас он возвратился! — восторженно радовался жрец. — Извините меня, я должен немедленно объявить всем братьям, что кубок возвращен, — он ласкал кубок в ладонях, как ребенка.

— Я думаю, с этим можно немного подождать, — остановил его ледяной голос Конана. — Мы пришли сюда не только из-за Оршана и кубка. Нам кое-что нужно от тебя, жрец. Мы хотели бы узнать, в каком месте чародей Сунт-Аграм украл у бога Кореддана его волшебную кифару.

Жрец вытаращил глаза и поперхнулся.

— Зачем вам это нужно знать?

— У нас есть очень серьезные причины для этого. Перед тобой в кресле сидит полководец Конан, — Соланна указала рукой на могучего киммерийца, — а я приемная дочь Сунт-Аграма Соланна.

Жрец отскочил назад, почти до своего алхимического очага. Поставив кубок на столик, он выставил перед собой переплетенные пальцы обеих рук в ритуальном защитном жесте.

Постояв так некоторое время, он, видимо, наконец осознал, что собственно Соланна ему сказала.

— Я слышал, что у вас были проблемы с этим питомцем дьявольского огня.

— Были и у нас, — кивнул Конан, — но и у него тоже. В конце концов он оказался изрубленным на куски. Но, как оказалось, волшебной силы кифары было достаточно для его оживления. Он послал вслед за нами своего соглядатая, — Конан прикусил губу, — по крайней мере, я так думаю. Это означает, что сам он еще не в силах нас преследовать.

Жрец в задумчивости потрепал свою кудрявую бородку.

— Сунт-Аграм украл кифару у Кхоран'дана на острове Ахаггир и спрятал ее где-то там же. Ее волшебный дар сильнее всего проявляется именно на этом острове. Хотя жрецы и другие люди все эти годы ищут ее, никому еще не удалось обнаружить пропажу. Видимо, Сунт-Аграм постарался спрятать ее хорошо.

— Ну, это ясно, — проворчал Конан. — Если бы это было не так, у нас бы не было с Сунт-Аграмом никаких проблем.

— Но раз в пять лет чародей должен возвращаться на остров и играть на кифаре, иначе волшебство перестанет действовать.

— Похоже, что это так, — задумчиво сказала Соланна, потирая пальцем кончик носа. — Насколько я помню, отец, то есть Сунт-Аграм, раз в пять лет куда-то уезжал и всегда старался утаить свой отъезд. Это-то как раз и привлекало мое внимание.

— Сунт-Аграм ваш отец? — в ужase вскрикнул Ханнаор, забыв то, что девушка уже говорила ему.

— Нет, — Соланна отрицательно покачала головой, — много лет назад он похитил меня и сделал приемной дочерью. До сих пор я не могла скрыться от него...

— Вы говорите, что Сунт-Аграма разрубили на куски? — жрец задумчиво сгреб гору бумаги с треногого стула и отшвырнул ее в угол. Сев на стул, он снова расправил свою бородку. — Это могло бы означать, что магия, которую он накапливал, играя раз в пять лет на кифаре, ослабела, и он должен будет сейчас прибыть на остров. Значит, я должен ехать на остров. Может быть, мне удастся проследить за ним и найти тайник с кифарой.

— Ну, тогда нам по дороге, — усмехнулся Конан. — Только пока мне не ясно, — пробормотал он себе под нос, — жрец вместо мальчишки, это лучшее, на что мы могли здесь рассчитывать?

Глава 18

Вызов

Они возвращались в город. Настоятель сказал, что ему нужно два дня на подготовку к путешествию на остров.

Из лодки, Конан решил еще немного пройтись. Это авантюрное прошлое неудержимо влекло его к близкому знакомству с каждым городом, в котором он оказывался. Соланну прогулка узкими и грязными улочками города не привлекала и она направилась прямо в трактир.

Плутая по городу, Конан задержался у нескольких магазинчиков, привлечших его внимание, но так ничего и не выбрал и наконец оказался на площади. Благоустроенные дома на ней больше походили на дворцы.

— Хорошо живут! — ухмыльнулся он про себя, заметив почти полное отсутствие предосторожностей против грабителей. — Здесь можно неплохо пожить, когда понадобится.

Посреди квадратной площади располагался рынок. Ларьки из парусины занимали все свободное место и образовывали настоящий лабиринт. Ближился вечер и часть торговцев уже убирала свои товары, другие еще выжидали, не появится ли какой-либо покупатель. Конана удивило разнообразие и качество продаваемых на рынке товаров. Здесь можно было найти редкие предметы из кхитайского фарфора, кешанские ковры, сушеные фрукты из Иранистана, заморские статуэтки. Он бродил по рынку, казалось, бесцельно, но в карманах его длинного плаща уже накопилась небольшая коллекция безделушек, украденных им с прилавков просто для того, чтобы не потерять сноровки. Яркоголубые глаза его удовлетворенно улыбались.

Киммериец шел не спеша, тщательно следя за тем, чтобы самому не оказаться жертвой какого-либо из карманников, которых на рынке хватало. Одного ему удалось схватить прямо за руку, засунутую в его собственный карман.

— Ну, нет! — крикнул он в бешенстве и, схватив за шиворот, швырнул воришку между прилавков.

Тот, пролетев несколько метров по воздуху, упал на один из парусиновых ларьков. Ларек мгновенно рухнул, придавив собой несчастного владельца. О том, что он еще жив, можно было догадаться по потоку самых отвратительных ругательств, которые Конану доводилось слышать от уроженцев Аквилонии. Киммериец расхохотался, посчитав инцидент исчерпанным. Но тор-

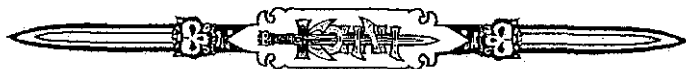

говец, которому наконец удалось вымотаться из парусины, злобно ударил ногой воришку, лежащего без чувств лицом к земле, и кинулся вслед за уходящим Конаном. То ли он плохо видел, то ли ярость настолько ослепила его, что он не обратил внимания на размеры фигуры киммерийца, этого никто уже не узнает. Несмотря ни на что, он бросился на него с ножом в руке.

Услышав за спиной яростный топот, Конан обернулся. Действия торговца были настолько замедленными и очевидными, что он даже не стал затруднять себя вытаскиванием кинжала или меча. Он легко уклонился от удара и, перехватив руку с ножом, присел под нее и резко дернул. Торговец, перелетев через его спину, подобно тому, как это сделал минуту назад воришка, с шумом врезался головой в кучу гниющих отбросов и с жалобным криком исчез под ней. Конан, больше не заботясь о нем, быстрым шагом двинулся в трактир. Ему совсем не хотелось встречаться с королевскими стражниками, которым он не смог бы дать удовлетворительных объяснений по поводу наличия некоторых вещей в его карманах.

Он прошел широкой улицей, повернув на первом перекрестке налево, на следующем направо, и понял, что трактир уже недалеко. Неподалеку он увидел проход в узенький переулок, и ему показалось, что, пройдя через него, можно сильно сократить путь.

Войдя в переулок, Конан нахмурился. Здесь почти ничего не было видно. Уже совсем стемне-

ло, а свет месяца, взошедшего над городом, не доходил до мостовой из-за узости переулка. Он сосредоточился на том, чтобы не вляпаться в большие лужи, заполненные грязью и отбросами. Иногда, чтобы обойти их, приходилось прижиматься вплотную к стенам домов.

Занятый всем этим он не сразу заметил фигуру, возникшую посреди улицы на одном из почти сухих мест. Высокий человек был закутан в слегка трепещущий темно-синий плащ.

— Стой, киммериец! — резкий голос, подобно звуку от удара бича, разнесся по переулку, когда Конан приблизился.

В то же мгновение северянин уже сжимал в одной руке меч, а в другой — массивный кинжал. Он был уверен, что никто в одиночку не осмелится напасть на него, и прижался к стене дома, защищая спину.

— Здесь окончится твой земной путь, — прошипел высокий человек и когда он поднял голову, Конан в слабом мерцании звезд узнал в своем противнике чародея Сунт-Аграма.

Его тощее костлявое лицо невозможно было спутать с кем-нибудь. Чародей откинул назад полы плаща, чтобы освободить руки, и резко взмахнул снизу вверх левой рукой. Конану в самый последний момент удалось отклониться от кубика, пущенного ему в голову. Увидев, что первая атака не удалась, чародей яростно заворчал.

— Не было ли среди твоих предков собак? — с ехидством спросил Конан.

Зеленые глаза Сунт-Аграма засветились, казалось, ярче месяца. На его вспотевшей лысине видны были видны отблески звездного сияния. Он потянулся к поясу и выхватил меч из ножен.

— Я могу биться с тобой и твоим оружием, жалкий варвар! — хрипло заворчал он, — Все равно тебе это не поможет!

Его горизонтальный рубящий удар слева не застал Конана врасплох. Но он был удивлен тем, что Сунт-Аграм так умело обращался с мечом. Техника его фехтования была на достаточной высоте. Скрежывающиеся с лязгом мечи рассыпали снопы искр.

Иногда Конан приходилось напрягать все силы, чтобы отразить коварные выпады чародея. Но все же Конан понимал, что Сунт-Аграм для него не является соперником, которого ему нужно бояться. И именно поэтому он был готов к какой-нибудь подлости.

В то мгновение, когда Сунт-Аграм оказался в тени дома, и варварские глаза Конана вынуждены были максимально напрягаться, чтобы уловить все движения чародея, тот решился на вторую смертоносную атаку.

В воздухе снова просвистел волшебный кубик. Конан не знал, чем ему угрожает его попадание, но понимал, что ничего хорошего оно не принесет. Поэтому, увернувшись от кубика, он решил побыстрее закончить бой. Уже несколько ран кровоточили на теле Сунт-Аграма, но сила его ударов не уменьшалась. Меч Конана совершал чудеса, но дело не продвигалось так быстро,

как желал этого огромный киммериец. В последний момент он заметил еще один кубик, коварно брошенный прямо ему в лицо. Уже не успевая увернуться, он подставил ему плоскую сторону своего клинка. Кубик, ударившись о клинок, упал на землю. Конан продолжил движение меча и левая рука Сунт-Аграма оказалась рассеченной до кости. Чародей взвыл и отскочил назад. Конан сделал шаг вперед и его следующий удар поразил Сунт-Аграма в грудь, перерубив пару ребер.

Внезапно Конан ощутил странный ледянящий холод в ногах. Он не мог сдвинуться с места. Резким ударом киммериец выбил меч из ослабевшей руки чародея. Тот повернулся и бросил прочь.

Конан, напрягая все силы, сумел сделать один шаг вслед за ним. Взглянув под ноги, он увидел, что при последнем выпаде он наступил на упавший волшебный кубик. Он уже почти не чувствовал обеих ног, казалось, что они отморожены. Киммериец качаясь попытался доковылять до угла переулка. С огромными усилиями сделав несколько шагов, он почувствовал, что за углом кто-то есть.

— Эй, — заорал он.

Из-за угла высунулась голова.

— Кто там? — раздался детский, слегка дрожащий голос.

— Это ты, Оршан?

— Да, господин. Я услышал звон оружия. Я беспокоился за вас и решил пойти посмотреть.

— Ну, наконец-то, обо мне кто-то беспокоится! — захохотал Конан.

Ниже пояса он уже не чувствовал ничего и двигался, как полуожившая статуя, но в руке все еще сжимал меч.

— Кром побери! Помоги же мне, если уж ты здесь! — выкрикнул раздраженно Конан, чувствуя, что теряет равновесие.

— Что с вами случилось? — спросил Оршан испуганным голосом.

— Быстро беги в трактир за Соланной. Это мой последний шанс, — проворчал Конан, не переставая по-утиному переваливаясь, передвигаться к концу переулка. — Да поспеши!

Мальчик исчез, как будто его сдул ветер. Ледяной холод продолжал разливаться по телу Конана, правда, чуть медленнее, чем раньше. Он уже не чувствовал своего живота и начал размышлять о том, что будет, когда окаменеет грудь.

«Наверное, я задохнусь», — промелькнуло в его голове.

За углом послышались шаги нескольких людей и в переулок вбежала Соланна, сжимая в руке факел.

Из-под наброшенного на плечи дорожного плаща виднелась белая рубашка, на ногах были натянуты высокие сапоги.

— Ты встретился с Сунт-Аграмом? — вскрикнула она с ужасом.

— Да, — устало кивнул Конан. — Он кидал в меня какие-то кубики... И я наступил на один...

Взглянув вниз, он увидел, что его ноги, стоящие рядом друг с другом, приобрели цвет сероватого камня. У Соланны от страха округлились глаза, когда она поняла, что произошло с Конаном.

— Подержи, — она сунула факел в руку Оршана. — И свети мне хорошенько!

Девушка начала быстро рыться в глубоких карманах своего плаща. Конан хотел было засунуть меч в ножны, но ему это не удалось. Рука его, коснувшаяся окаменевших ног, резко отдернулась. У Оршана факел трясся в дрожащей руке, как будто они стояли на сквозняке. Только когда он схватился за него двумя руками, пламя факела немного успокоилось.

Несколько мужчин, следовавших за Соланной, когда она выбежала из трактира, остановились у входа в переулок. Рассмотрев все происходящее, они начали быстро отступать, так что через несколько мгновений в переулке остались лишь Соланна, Конан и Оршан, на лице которого, впрочем, было ясно видно, что он бы тоже был бы рад исчезнуть.

— Поспеш, — проворчал Конан, — или тебе некого будет спасать. Мне уже трудно дышать.

Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, двинуть мускулами живота Конан уже не мог. Рука, коснувшаяся окаменевших ног, тоже перестала его слушаться.

Соланна наконец нашла то, что искала все это время. Это был маленький кожаный мешочек, обмотанный синей ленточкой, которая плот-

но его закупоривала. Слегка трясущимися руками смотав ленточку, Соланна высыпала на ладонь левой руки горстку слабо фосфоресцирующего желтым светом порошка.

Стянув пальцами правой руки ленточку на мешочке, служившую для закупорки, она убрала его в карман. Затем, протянув руку к Оршану, она забрала у него факел и, подойдя вплотную к Конану, посыпала его этим порошком с ног до головы.

В нос киммерийца ударил пронзительный запах, напомнивший ему тяжелый запах благово-ний чернокожих женщин Пунта. Он сильно закашлялся, так как несколько мелких частичек порошка попали ему в горло.

— Перестань! — сердито крикнула Соланна. — Ты все испортишь!

Было видно, что она не слишком уверена, подействует ли ее лекарство. Девушка встала напротив Конана, подняв голову к ночному небу, на котором сквозь разрывы тяжелых облаков уже светили первые звезды. Из горла ее вырвались звуки, каких Конан еще никогда не слышал от человеческого существа.

Оршан этого выдержать не смог. Только быстро удаляющийся топот его ног в переулке говорил о том, что мальчик бежит прочь. Правда, забыв про все от ужаса, он побежал в сторону, противоположную от трактира, в котором они жили.

Вопли, издаваемые девушкой, постепенно перешли в странную мелодию без слов. Конан не-

много полегчало, леденящий холод перестал продвигаться вверх по телу и остановился. По лицу Соланны градом катился пот. Конана это поразило, на улице было достаточно холодно, ведь на дворе стояла ночь и к тому же осенняя, а в этой части туранианского континента осень никогда не бывает теплой.

Девушка внезапно махнула факелом в сторону Конана. Киммериец попытался отклониться назад, хотя бы той частью тела, которой он еще владел, но это ему не помогло. Язык пламени лизнул его бедра и часть живота. Порошок, которым его посыпала Соланна, вспыхнул ослепительно белым пламенем, и Конан превратился в живой костер.

К счастью, порошок сгорел так быстро, что Конан даже не успел почувствовать боль от огня, пробежавшего по его лицу, горлу, спине и груди. Даже его одежда не задымилась. Несколько мгновений он ничего не видел. Его ослепленные глаза воспринимали происходящее, как калейдоскоп вспышек ярчайших звезд, кружащихся вокруг него. Только немного погодя вспышки начали бледнеть и Конан начал различать и нечто другое. В этот момент мышцы его напряглись до предела от непреодолимого желания рассеять девушку своим мечом, отомстив ей за попытку сжечь его.

В момент, когда его глаза начали снова воспринимать окружающее, Конан ощутил, что медленно, но неуклонно падает. Ноги его подломились, и огромный киммериец рухнул, как под-

рубленное дерево, прямо в грязь посередине узкого, смердящего переулка. Падая, он старался отбросить меч и подставить руки, чтобы уберечь лицо, но тело его не слушалось. Лицо его оказалось в луже, зубы лязгнули от удара о землю, в рот и нос полилась грязная вода, смешанная с мелким песком и глиной.

Соланна отбросила уже ненужный факел в сторону. Он откатился куда-то к стене, зашипел, затрещал и погас. Девушка кинулась к Конану и, напрягая все свои силы, попыталась перевернуть его на спину. После нескольких мгновений ее отчаянной борьбы с весом его гигантского тела стало ясно, что ей этого не удастся сделать. Но вслед за этим окоченение мышц на руках Конана ослабло и киммериец, с нечеловеческим усилием приподняв голову из грязи, перевернулся на бок. Он страшно хрипел, откашливался и выплевывал грязную воду.

Соланна сидела возле него на корточках, опираясь о его тело руками, и обессилено дышала, низко склонив голову. Конан открыл рот и хотел что-то сказать, но вместо слов из рта вырвался хрип и полилась грязная вода.

— Подожди меня здесь, — внимательно посмотрев на него, девушка тяжело поднялась.

— Ничего другого не остается, — невнятно пробурчал Конан, с трудом изобразив кривую улыбку на лице.

— Я приведу сюда каких-нибудь мужчин, чтобы тебя отнесли в трактир. Там тебе будет лучше...

Конан потряс головой и прохрипел:

— Подожди, через минуту я...

Соланна решительно покачала головой, встала и отправилась в трактир. Едва она скрылась за углом, как Конан, снова перевалившись на живот, начал медленно подниматься на четвереньки. Мускулы, начавшие его слушаться, казалось, треснут от напряжения, столько энергии он вкладывал в свои усилия. Встав на четвереньки, он на некоторое время замер, давая мускулам передышку. Затем, понемногу переставляя руки и ноги, пополз к стене дома, стоявшего прямо перед ним. У него было ощущение, что все тело его каменное и суставы при каждом движении, причиняющем ему страшную боль, должны страшно скрипеть, как нешлифованные камни в жерновах. Другим его ощущением было, что скоро должно наступить утро, так долго ему пришлось добираться до стены дома.

Он понял, что находится у стены, только ударившись о нее головой. Конан оперся о стену лбом и начал медленно, цепляясь пальцами за неровности стены, поднимать руки вверх. Когда руки оказались на высоте плеч, он уперся из всех сил и, сопя и страшно ругаясь, начал подниматься на ноги. В таком положении, стоящим у стены и совершенно не способным сдвинуться с места, его нашла вернувшаяся Соланна. Она задержалась, потому что ей пришлось искать помощь в другом трактире.

В их трактире уже стало известно, что киммериец окаменел, и эта новость как раз начала

обрастать столь фантастическими подробностями, что достаточно было девушке появиться на пороге трактира, чтобы большинство посетителей перешло на другую сторону стойки. Несколько же самых трусливых предпочли вообще исчезнуть через задний выход.

В соседнем трактире Соланне удалось нанять четырех рослых портовых носильщиков, которые не боялись даже черного лотоса, как один из них насмешливо сообщил по дороге. Но, после того как они увидели в узком переулке массивную фигуру киммерийца, у одного из них вырвалось:

— На этого нас нужно не меньше шести.

К счастью, он оказался не прав. С помощью двух могучих парней Конан медленным и неуверенным шагом, но все же сам двинулся к своему временному обиталищу. Соланна провела их в трактир через задний вход, так что о его возвращении узнала только Шарья, повстречавшая их на лестнице. Из ее зеленых глаз, выглядывающих из-под густых бровей, вдруг пропало все веселье.

— Что с ним случилось? — вскрикнула она.

— Пытался съесть кое-что несъедобное, — уклончиво пробурчала Соланна, не собираясь сообщать дальнейшие подробности о схватке Конана с Сунт-Аграмом.

Впрочем, она и сама еще почти ничего не знала об этом.

— Нужно вызвать лекаря? — глаза Шарьи округлились от желания помочь киммерийцу.

— Не нужно, — покачала головой Соланна. — Я сам о нем позабочусь!

— Да, мой господин, — Шарья склонила голову, так что ее русые волосы, которые не доходили ей даже до плеч, закрыли ее лицо. — Я принесу вам теплую воду, она наверное понадобится.

Не ожидая ответа, она побежала вниз по лестнице и исчезла в кухне. Прежде чем носильщики с Конаном добрались до его комнаты, она уже шла у них по пятам с полным ведром воды, из которого шел пар.

— Ему скорее требуется что-нибудь бодрящее, — пробурчал вспотевший от усилий носильщик, который изо всех сил старался удержаться на ногах.

— Да и я бы не отказался от глоточка-другого, — присоединился к нему другой носильщик.

— У тебя будет все, что ты захочешь, — резко прервала их Соланна, — как только дотащите его до постели. Залог вы уже получили, и расчет тоже не будет маленьким.

— Да уж есть за что, — севшим от напряжения голосом выдохнул второй носильщик.

* * *

— Помогите мне его раздеть, — приказала Соланна носильщикам, после того как отпустила двух других, которым не пришлось так напряженно трудиться, заплатив им по одному серебряному.

В мгновение ока Конан был раздет и положен на постель. Шарья с восторгом глядела на его мощную фигуру.

Соланна достала из кожаной сумки на поясе мешочек, в котором звенело серебро. Он не выглядел очень уж большим, но денег в нем было больше, чем носильщикам когда-либо приходилось видеть в своей жизни. Получив расчет, они продолжали благодарно кланяться даже за закрытыми дверями.

— Давай сюда воду и можешь мне помочь, — сказала Соланна, обращаясь к Шарье.

Через несколько минут, закончив свои дела, и Шарья оказалась за дверями.

Конан лежал, завернутый в несколько одеял. В камине полыхал огонь, и по комнате разливалось приятное тепло. Ледяной холод, который Конан ощущал еще где-то в глубине своего тела, начинал потихоньку исчезать.

— Сколько времени пройдет, прежде чем я смогу двигаться дальше?

— Не меньше недели, — решительно сказала Соланна.

— Ясно, — кивнул Конан, — значит, едем через три дня. Настоятелю придется задержаться на пару дней.

— Это несерьезно, — девушка сердито наморщила лоб. — Я прекрасно знаю, что это заклинание с тобой сделало. И так же прекрасно знаю, что тебе нужно хорошенько отдохнуть. Если ты не будешь в полном порядке, у нас не будет шансов...

— А вот это касается только меня, — заворчал Конан, нахмуясь. — Просто считай, что не больше, чем через три дня я буду в полном порядке.

Соланна недоверчиво улыбнулась, потом пожала плечами, как бы показывая, что спорить с сумасшедшими бесполезно.

Глава 19

Остров Тысячи Ветров

Ведь я же говорил, что надо было нанять корабль еще в Даити, — жалобно ныл настоятель и, привставая на стременах, пытался сбросить седло сзади.

— Конечно, — проворчал Конан, — только потом все воробьи на крышах Даити чирикали бы, что мы отправились на Ахаггир. Сунт-Аграм не должен знать, что мы впереди него.

— Я не уверена, что мы на самом деле впереди него, — возразила Соланна. — Мы ехали не слишком быстро.

— Конечно, куда уж быстрее. Я же не воин. Обычно я езжу в повозке, и то лишь пару раз в году, — махнул рукой Ханнаор и, потеряв равновесие, упал в седло. Из рта его вырвался болезненный стон и в тот же момент он снова привстал в стременах.

— Недалеко отсюда находятся священные пирамиды, — размышляла вслух Соланна, — значит, где-то поблизости должны быть рыбаки, которые снабжают провизией жрецов.

— Раньше, когда Кхоран'дан был могучим богом, здесь стояли целые деревни, — грустно сказал жрец Ханнаор.

— Если наше путешествие закончится успешно, он снова сможет им стать, — заметил Конан и погнал своего коня.

Они ехали по песчаному пляжу. Морское побережье здесь образовывало заливы, ограниченные с обеих сторон высокими скалистыми утесами. Дюны, поросшие высокими пальмами и хвойными деревьями, обрывались на пляжи крутыми откосами. Море казалось гладким и неподвижным. Ветер, обычно свистящий в ветвях деревьев, сейчас молчал как убитый.

Жрец и Соланна въезжали в лес с опаской. Лес не только был густым, но кроме того просто кишел всевозможными несимпатичными тварями, которые обладали неприятной особенностью падать на всех, проезжающих под деревьями.

Они проехали мимо очередного скалистого мыса и, когда перед ними открылся длинный залив, остановились, придержав коней. На дальнем краю залива глубоко в море выдавался мол, возле которого покачивались несколько лодок.

Жилых строений с пляжа не было видно, они были скрыты в прибрежной поросли, резко отличающейся от той, через которую все это время приходилось ехать. Здесь произрастали овощ-

ные деревья, декоративные кипарисы и густой кустарник.

Конан пустил коня в галоп. Соланна подождала жреца и неспеша поехала рядом с ним. Дома, разбросанные по всей длине пляжа, выглядели тихими и безжизненными.

Конан остановил коня на утопанной дороге, которая вела через деревню к молу, и огляделся. Вокруг было пусто и безлюдно. Дорога была полусыпана песком, и на ней не было видно ни одного человеческого следа. Только следы звериных лап тут и там нарушали ровную поверхность песка.

Киммериец соскочил с коня, вытащил меч из ножен, висящих на спине, и осторожно двинулся к деревне. Стук копыт напомнил ему, что приближаются его спутники, и он прибавил шагу.

И тут было тихо и деревенская площадь, которая представляла из себя мелкую ямку между хижинами, заросла высокой травой, уже слегка завядшей и пожелтевшей. Конан проскочил открытое пространство, стараясь подобраться к неплохо сохранившемуся камышовому домику. Сорванные двери, повисшие на одной петле, свободно раскачивались от порывов ветра.

Он заглянул внутрь.

Встретившая его тьма была почти непроглядной. Он прикрыл глаза, чтобы привыкнуть к темноте, и внимательно прислушался. Тишину нарушали только пара сверчков, которых осеннее солнце сумело выманить из укрытия. Конан впрыгнул внутрь и замер. Посреди комнаты ле-

жали сложенные кружком камни, образуя достаточно вместительный очаг. На треножнике над ним висел поцарапанный и закопченный латунный котел.

В дальнем углу киммериец заметил груду сваленных меховых шкур. Он осторожно подошел к ней и тронул кончиком меча. Верхняя шкура с шелестом сползла на пол, открыв скелет могучего мужчины. Рядом с ним лежал слегка заржавевший меч.

Конан хорошенько огляделся и только теперь заметил еще два, значительно меньших по размерам скелета, прижавшихся друг к другу, недалеко от сундука, который стоял в дальнем углу.

Он вышел из хижины и заметил Соланну, выходящую из противоположной хижины.

— Похоже на какую-то болезнь, — сказала она, откашлявшись, — но все это случилось давно.

— Кром побери, — проворчал Конан, — что же тут произошло?

— Позапрошлым летом неподалеку отсюда прошла чума, — Ханнаора его слова оставили спокойным, он стоял рядом со своим конем, опираясь о него. — По крайней мере об этом говорили в Прандаре. Но мне и в голову не приходило, что могли вымереть целые деревни.

— И об этом ты нам говоришь только сейчас? — Конан, забыв, что в руке у него меч, замахнулся на жреца.

Тот не шевельнулся и киммериец сразу успокоился.

— Это было так давно, что болезни здесь уже не осталось, так что нам ничто не угрожает. Но все же я бы посоветовал взять одну из лодок и побыстрее отправиться на остров, — сказал Ханнаор, сделав каменное лицо.

— Заглянем еще вон в то строение, — решил Конан и указал рукой на большой дом, стоявший на пути к молу. — Выглядит так, как будто в нем живут.

— Почему ты так решил? — вопросительно взглянула на него Соланна.

— Посмотри, — могучий киммериец обвел круг рукой, — все дома обветшали, двери выломаны, окна выбиты... А этот выглядит сохранившимся.

— Ну, это потому что этот дом единственный, сложенный из камня. Все остальные — это хижины из камыша, веток и глины.

— Если тут кто-нибудь выжил, он конечно же перебрался в лучший дом, — согласился с мнением Конана жрец Ханнаор.

Дом был пуст, но в нем видны были явные следы недавнего проживания. В кладовой нашлись свежие продукты. На крюках висело вяленое мясо. Все овощи были тщательно разложены по деревянным ящичкам. Еще что-то непонятное было засолено в больших глиняных горшках.

— Кто-то здесь готовился к долгой зиме, — подвел итог Конан.

Он уже повернулся, чтобы выйти из кладовой, когда заметил, как откуда-то сверху прямо

на голову Соланне медленно падают несколько соломинок.

Конан, выхватив меч, выскочил в коридор, бегом поднялся по лестнице на второй этаж и ударил плечом в дверь комнаты, расположенной над кладовой.

Дверь была заперта.

Одного удара его мощной руки оказалось достаточно, чтобы ветхая дверь слетела с петель. В углу комнаты, сжавшись в комочек, дрожал от страха крохотный старичок. На полу рядом с ним лежал выпавший из трясущихся рук тонкий длинный меч.

— Не убивайте меня, — невнятно бормотал он, закрываясь руками. — Я вам ничего плохого не сделал. Возьмите все, что хотите, только оставьте меня живым.

— Никто тебя, отец, не собирается убивать, — с презрением проворчал Конан. — Пошли вниз, там и поговорим.

Он спускался по лестнице, подталкивая перед собой тщедушную фигурку, которая, оборачиваясь на каждом шагу, испуганными глазами следила за мощным киммерийским воином. Неудачно повернувшись, старик споткнулся, потерял равновесие и покатился по ступенькам. Скатившись вниз, как большая тряпичная кукла, он остался неподвижно лежать.

На шум из большой комнаты напротив кладовой выскочила Соланна и помогла старику встать. Ее ласковый вид и доброжелательное отношение придало старику смелости.

— Не убивайте меня, прошу вас, — он поднял руки ладонями от себя к глазам.

— Что тут у вас произошло? — прогремел Конан, спустившись по лестнице.

— Болезнь разразилась, как гром среди ясно-го неба. Наверное, мы обидели кого-то из богов. Люди умирали каждый день. Мы даже не успевали их хоронить. Погребальные костры пылали днем и ночью, но их не хватало, — вспоминал старик, прикрыв глаза.

— Как выглядела эта болезнь? — спросила Соланна.

— На лице и руках появлялись лиловые полосы, — слегка выпученные глаза старика жалобно смотрели на Соланну. — Вы меня не убьете?

— Что ты все бормочешь об убийствах? — Соланна тоже начала терять терпение.

— Нас осталось пятеро, — объяснял старик. — Но потом появились три воина и всех убили. Я тогда был болен и лежал почти без сознания, они приняли меня за мертвого и не тронули.

— Остались лодки, годные для плавания? — вмешался в разговор Конан, которого не интересовало ничего, кроме того, как попасть на остров.

— Да, господин, — сжался старик, которого видимо пугала огромная фигура киммерийского воина. — Правда, они не годятся для длительного плавания, но для поездок по окрестностям вполне пригодны.

— Отвезешь нас на остров Ахагир!

— На остров бога Кхоран'дана? — испуганно вскрикнул старик и отступил на шаг. — Вы ищете смерти?

— Наоборот! — засмеялся Конан. — Мы ищем смерти для совсем другого существа.

В этот момент в дверь вошел жрец Ханнаор. Он все еще держался за свой растертый от верховой езды зад, но все же выглядел величественно.

— Монашек! — вскрикнул радостно старик. — Ты вернулся, монашек? Уж не хочешь ли ты снова на остров? Ведь для вас, жрецов, это означает смерть!

Конан сердито бросил взгляд на жреца Ханнаора:

— Что он там бормочет?

— Он прав. Пока кифара не найдется, каждое появление жреца на острове заканчивается его смертью. Бог не прощает нам оплошности.

— А убивают вас сразу или чуть погодя, — заинтересовалась Соланна.

— Не знаю, — пожал плечами Ханнаор. — Но если вы не добьетесь успеха с моей помощью, то успеха не добьется никто.

— Он тебя знает? — Конан указал на старика.

— Да, — кивнул жрец и улыбнулся. — Думаю, что ты, Седрак, не потерял свою матроскую сноровку.

— Сноровку не потерял, но тело уже далеко не так меня слушается, как раньше, — грустно сказал старик. — Правда, все утесы и скалы помню до сих пор. И течения тоже.

— Неважно, — поднялся Конан со стула, — мы тебе поможем. Я тоже неплохо разбираюсь в корабельном ремесле. Недаром же я когда-то был... Впрочем, это сейчас не имеет значения, — он махнул рукой. — Нужно выплыть как можно раньше.

— Ты прав, — присоединилась к нему Соланна, хотя и успела заметить печальное выражение на лице жреца Ханнаора.

* * *

Старик ловко отвязал лодку от мола, и Конан несколькими мощными движениями кормового весла направил ее в сторону открытого моря. Как только лодка выплыла из-под защиты высокого мола, свежий ветер подхватил ее и наполнил треугольный парус. Соланна и Ханнаор плотнее закутались в свои зимние плащи из толстой овечьей шерсти. Немного погодя Соланна съехала с сиденья и уселась на дно, где она была лучше защищена от холодного ветра, который подгонял их лодку так, что вода, расступаясь под ее носом, шипела.

Старик осторожно пробрался вдоль борта лодки к корме и сменил Конана на руле. Он устроился на кормовом сиденье, с довольным видом прижмурив глаза. Лодка легко резала волны, становящиеся все выше, время от времени внутрь попадали и тут же таяли нежные клочки пены. Конан качающейся матросской походкой перешел к мачте и остановился перед

ней. Опершись о нее покрепче спиной, он огляделся.

На верхушках волн появились белые барашки, небо затянулось тяжелыми темно-серыми облаками, которые тянулись к берегу со стороны моря. Ветер гудел в снастях и старик что-то жужжал себе под нос.

Конан должен был признать, что старый моряк хорошо знает свое дело. Вдали от берега волнение стало меньше, по крайней мере, так казалось. Белые барашки исчезли.

Кудрявая борода жреца Ханнаора намокла и в ней засветились белые кристаллики соли.

Жрец опустил на колени на дне лодки и, не пытаясь даже смотреть по сторонам, со склоненной головой что-то бормотал себе под нос тихим голосом.

Соланна сидела на дне лодки с противоположной стороны мачты от Ханнаора и насмешливо поглядывала на жреца.

Видно было, что она не осознает опасности, которой они подвергаются, отправившись на остров Кхоран'дана. Предосторожности жреца ее только развлекали.

* * *

Уже начинало темнеть, когда Конан воскликнул:

— Остров!

Он повернул голову к старику и увидел его кривую усмешку. Потом он понял, что старик

довольно улыбается, а искривляет его улыбку шрам, который тянется от левого угла рта к виску.

Киммериец махнул рукой влево, чтобы указать рулевому направление на остров.

— Я знаю, — охрипший голос старика едва был слышен сквозь шум ветра и отдаленный гул волн, разбивающихся об утесы острова. — Но там пристать не удастся. Нужно плыть к монастырю, курсом в открытое море.

Конан кивнул и перестал обращать внимание на старика. В ступающем сумраке он разглядывал высокие бурые утесы, мимо которых проплывала лодка. Волны бились о них с такой силой, что клочья белой пены взлетали на высоту добрых семидесяти футов.

Лодка держалась достаточно далеко от берега острова, оплывая его.

Киммериец быстро взглянул на жреца.

Тот все еще стоял на коленях на дне лодки, но теперь руки его были ритуально переплетены перед глазами, внимательно рассматривавшими приближающийся остров. Он с трудом удерживал равновесие в качающейся лодке, но казалось, что это его несколько не беспокоит.

Из-за ближайшего мыса показалась длинная изогнутая каменная коса, которая уходила вверх футов на двадцать. Когда они приблизились, Конан понял, что это искусственная насыпь из валунов, позволяющая защитить приплывающее судно от бешеного приboя. Старик умело увернулся от нескольких торчащих из воды острых

камней, и лодка вошла в спокойную воду залива. Конан, не говоря ни слова, приспустил треугольный парус на мачте, уменьшив скорость лодки и та изящным полукругом приблизилась к полуразрушенному молу. Киммериец выпрыгнул на камни и, стараясь не поскользнуться, крепко обмотал канат, прикрепленный к носу лодки вокруг каменного кнехта.

Несколько лодок, очень похожих на их собственную, стояли рядом, но все они были покрыты скользкими водорослями и сильно повреждены. Еще несколько затопленных суденышек временами показывали над поверхностью воды свои мокрые блестящие борта.

— Все, что осталось от тех несчастных, которые хотели найти кифару бога Кхоран'дана, — попытался перекричать шум прибоя старик.

— Может быть и нашли, но Сунт-Аграм оказался сильнее, — возразил Конан и нежно погладил рукоять своего меча.

Ханнаор, сгорбившись как старик, осторожно пробирался вдоль борта на нос лодки. Спрыгнув на берег, он не удержал равновесия. Левая нога его скользнула по сгнившим водорослям, покрывавшим камень, и он свалился на бок, вскрикнув от боли.

Упав, жрец медленно заскользил вниз в щель между бортом лодки и каменным молотом. Качающаяся на волнах лодка угрожала сильно искалечить его, и только хладнокровие Соланны помогло ему спастись. Перескочив борт лодки, она успела обогнуть скользкое место и протянуть

жрецу руку. Скольжение прекратилось, затем ему удалось ногой наступать расщелину между камней и с усилием подняться. Все еще держась за руку девушки, жрец хромая карабкался наверх.

— Я не додумался, — ухмыльнулся Конан, — что вы сразу же по прибытии захотите выкупаться.

— Северянин! — ледяным тоном произнесла Соланна, и киммериец замолчал.

Они находились на земле бога Кхоран'дана и жрец все же являлся его главным жрецом. Конан пожал плечами и вылез наверх на мол.

Между камнями насыпи проросла жесткая низкая трава, а кое-где пробилось и маленькое деревце. Ханнаор все еще хромялся, но его шаги стали более уверенными. Старик, видимо, сначала не хотел уходить с лодки, но потом понял, что ему не дадут услыть назад одному, и последовал за ними, отстав шагов на тридцать.

Утоптанная каменная тропинка через пару сотен шагов превратилась в мощеную плитками дорогу. Глазурь, покрывавшая плитки, потрескалась, но все еще можно было различить, что на ней изображены морские волны и среди них фигурка с кифарой в руке.

Дорога вела вверх на холм и, покинув морской берег, тут же затерялась между деревьями. Это не был естественный лес, а посадка лиственных деревьев, высаженных слишком равномерно, чтобы понравиться Конану, привыкшему к дикой природе. Зато Соланна была в восторге.

— Какая красота, — обернулась она к Ханнаору. — Наверно, нужно было долго трудиться, чтобы...

— Совсем нет, — покачал головой жрец, — нам помогал бог и всего за три года...

Позади прозвучал выкрик. Все трое замерли и оглянулись. Конан уже держал в руке обнаженный меч. Но пока что он не потребовался, так как оказалось, что это старик поскользнулся на опавших листьях и, упав, беспомощно лежал на дороге. Соланна подбежала к нему и стала ощупывать лодыжку, покрытую старческой морщинистой кожей.

— Наверное, перелом, — решила она.

— Вряд ли, — покачал головой Конан, потрогав ногу, — скорее похоже на растяжение.

— Подождите, — Ханнаор остановил Соланну, которая, достав меч, хотела начать изготовление временных носилок. — Я думаю, что найду в храме кое-что для переноски. Через несколько минут я вернусь, до храма совсем недалеко.

Громадный воин склонился над стариком, приподнял его и усадил на кучу листьев, которую Соланна между тем собрала у подножия одного из деревьев. Конан оглядывался вокруг, как будто ожидая какого-то нападения, какой-то опасности.

— Что случилось? — спросила Соланна.

— Не знаю, — нахмурился Конан, — но чувствую что-то странное.

Соланна плотнее завернулась в свой плащ и склонила голову к земле. Потом она начала мед-

ленно поворачиваться вокруг своей оси и при этом поднимала взгляд все выше и выше.

— Ты прав, — признала она с уважением. — Тут собрано слишком много магии, и не только безопасной для нас. Здесь есть черные вирусы, которые мне совсем не нравятся.

— Никаких черных вирусов не вижу, — проворчал киммериец, — но все равно мне здесь не нравится.

— Я не хочу здесь умереть, — запричитал старик и закрыл лицо руками.

— Речь не об этом, — улыбнулась Соланна. — Тебе здесь никакая опасность не грозит.

Из леса донеслось тихое жужжание и между деревьев появился зеленый огонек. Ханнаор шел длинными шагами, не хромя. Прямо в воздухе перед ним двигалась какая-то площадка, которая испускала мягкий зеленоватый свет. Площадка была небольшой, но маленький старик на ней умещался довольно удобно. Сначала ему очень не хотелось. Недоверчиво глядя на малахитовую площадку, которая висела на высоте ладони над землей, старик шарил руками вокруг себя и старался уцепиться за что-нибудь крепкое, чтобы его не могли положить на эту пугающую вещь.

— Ничего не бойся, — успокаивающе сказал Ханнаор. — Это бог Кхоран'дан нам одолжил свои носилки, чтобы мы могли отвезти тебя в его обитель.

Услышав сказанное, старик перестал сопротивляться.

* * *

Здание храма нависло над ними, подобно утесу, как только они вышли из лесной поросли. Соланна и Конан остановились, с удивлением разглядывая абсолютно черную массу огромной пирамиды, которая перед ними выросла. Оба уже повидали многое, но с чем-то подобным встретились впервые. Наступившая темнота усиливала тревогу, вызываемую этим видом, но в то же время не могла закрыть пугающее изящество круглой гладкой пирамиды, по поверхности которой тянулись тонкие светлые полосы, спиралью окружающие ее, как веревка опоясывает связанного пленника.

Вышел месяц, свет которого временами пробивался сквозь плотный слой темных облаков, правда, уже не таких мрачных, как когда они плыли по морю.

Дорога выделялась на фоне темной массы деревьев и лугов как белая ленточка на коже негритянки.

— Идите скорее, — крикнул им Ханнаор, который со своей площадкой уже прошел половину дороги от леса к храму.

— Такие храмы бывают только у могучих богов, — сказала Соланна.

— И столь могучий бог был побежден обычным хилым чародеем, таким как Сунт-Аграм, — ухмыльнулся Конан.

— Хилым чародеем? — вопросительно подняла бровь Соланна. — Если бы не я, ты до сих

пор бродил бы в лабиринте или вообще переваливался бы в желудке какого-нибудь чудовища, которое Сунт-Аграм выдумал для своего развлечения.

Конан в раздумье почесал левую щеку и молча поспешил за жрецом.

Глава 20

Ворон

Каждый может выбрать себе келью, — Ханнаор обвел рукой вокруг себя. — Здесь их достаточно. Я помню время, когда в храме было две тысячи триста жрецов, — сказал он грустно и так тихо, что почти никто не услышал.

Огромный киммериец, презрительно усмехнувшись, завернул в первую дверь, которая встретилась ему на пути. С когда-то белых стен уже давно опала штукатурка и виден был голый камень. Маленькое окошко, пробитое в толстых каменных стенах, все еще закрывала деревянная доска, которую приспособил видимо последний обитатель кельи, прежде чем покинуть ее. Конан снял доску и невольно отступил на шаг. Его рука метнулась к кинжалу за поясом.

Снаружи был виден все тот же гигантский ворон, который перелетал от окна к окну, с лю-

бопытством заглядывая в них. В лунном свете его перья слабо отливали стальным блеском. Подобно морской чайке он реял в порывах ветра, расправив крылья.

Заметив в окне лицо киммерийца, ворон издал резкий крик и замахал крыльями, стремительно набирая высоту. Рука Конана мелькнула в воздухе и из нее вылетела серебряная молния. С тихим свистом кинжал прорезал воздух и его острие вонзилось в птичье крыло рядом с телом. Ворон отчаянно закаркал, стараясь удержаться в воздухе.

Этого Конан, мчавшийся по коридорам к выходу, уже не видел. Под ногами хрустела опавшая штукатурка и ему приходилось тщательно выбирать дорогу, чтобы не поскользнуться. В храме было тихо, все его спутники разошлись по кельям.

Огромный воин, выскочив из храма, побежал вдоль закругляющейся стены к тому месту, где в пирамидальной стене виднелось окошко его кельи. Ворон метался в нескольких десятках футов над землей, пытаясь спланировать прочь в потоках ветра. Махать крылом он уже не мог, кинжал прочно застрял в нем. Со злобным карканьем он сумел в конце концов присесть на узком каменном карнизе, спиралью обходящем пирамиду храма. Своим острым клювом он пытался выдернуть кинжал из крыла, но ему никак не удавалось дотянуться до торчащей рукоятки, несмотря на то, что гибкая шея его изгибалась в самых невероятных углах.

В то время как ворон старался избавиться от причиняющего ему боль предмета, Конан переместил меч в ножны на спине и стремительно начал подниматься вверх по наклонной стене храма.

Подъем оказался довольно несложным, поскольку раствор, которым были соединены каменные блоки, был разъеден непогодой, а во многих местах и просто выпал. Благодаря этому камни, из которых было сложено могучее здание, превратились в удобные ступеньки для ног и рук. Конан лез наверх ловко, как кошка. Ворон, занятый вырыванием кинжала, что, кстати, у него постепенно получалось, киммерийца пока не замечал.

В тот момент, когда выпавший кинжал звякнул о край карниза, Конан вспрыгнул на узкую каменную полосу шагах в четырех от обессившего ворона и кинулся к нему. Однако огромная птица, голова которой доставала киммерийцу почти до пояса, не собирался легко сдаваться. Ворон быстро огляделся и взмахнул оставшимся крылом, собираясь кинуться вниз, чтобы спланировать куда-нибудь в безопасное место и там передохнуть. Конан, прыгнув вперед и схватившись одной рукой за огромную лапу, не позволил ему это сделать. Ворон покачулся и упал на бок. Тем самым освободилась для борьбы его вторая лапа. Ее растопыренные когти разрезали воздух в опасной близости от лица воина. При одной из неудачных попыток задеть Конана коготь врезался в каменную стену. Воз-

дух прорезал скрежещущий звук, который заглушил и шум прибоя и свист ветра. Наконец Конану удалось навалиться телом на вырывающегося ворона так, чтобы тот не смог пустить в ход ни свой мощный клюв, ни когти.

Киммериец, глубоко дыша, лежал на бешено бьющейся груди перьев и мяса. Ему хотелось вытереть пот с лица, ибо ни подъем по каменной стене, ни бой с раненым вороном не были легким делом, но не получалось. Он задумался, что делать дальше. Он не мог ни на мгновение ослабить свою хватку, иначе снова бы закипел бой. Он, конечно, мог бы убить ворона, но решил избежать этого. Ему было ясно, что ворон — один из Сунт-Аграмовых союзников, и его допрос мог бы принести много ценной информации.

Ветер с моря понемногу осушил лицо Конана, и воин огляделся.

Ширина карниза не превышала пяти футов. Киммериец постепенно перевалился на бок, одной рукой продолжая сжимать горло ворона, а другой прижимая к себе обе лапы.

Затем он с трудом встал, перекинув тяжелую птицу через плечо, и медленно двинулся по карнизу вниз, рассудив, что этот путь должен привести его на твердую землю. Он шел осторожно, потому что тучи каждое мгновение закрывали месяц, а карниз находился далеко не в лучшем состоянии. Некоторые камни уже давно из него выпали, и время от времени под ногами Конана раскрывалась нагоняющая страх глубина. Ворон не успокаивался, стараясь вырваться.

Конан передвинул птицу так, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Если не перестанешь, — заорал он, заглушая свист ветра, — сверну тебе шею!

Его стальные пальцы стиснули горло ворона. Тот несколько раз дернулся и затих. Киммериец улыбнулся и отпустил горло. Пернатая масса неподвижно повисла у него на спине. Взглянув вниз, Конан увидел, что земля уже недалеко. Он повернулся лицом к стене и начал сползать прямо по поверхности пирамиды.

* * *

— Ханнаор! — раздавался в пустом коридоре рев Конана, рассыпаясь эхом. — Ханнаор!

Темный коридор на мгновение осветился, когда распахнулась одна из дверей. Жрец вышел из-за нее и остановился в снопе света, падающем из его кельи. Этот свет был таким ярким и резким, что Конан прищурил глаза.

В этот момент ворон подал первые признаки жизни. Он заметался так, что Конан должен был снова напрячь мускулы, схватив его обеими руками.

Скрипнули еще одни двери.

— Что происходит! — раздался из темноты голос Соланны.

— Я кое-кого поймал, — улыбнулся Конан и, хотя в темноте не было видно, в его голосе явно слышалась радость. — Ворона размером с морского орла. Как ты думаешь, такое бывает?

Раздались приближающиеся тихие шаги. Глаза Соланны, привыкшие к темноте, ясно различали темную пернатую массу, лежащую на плечах Конана.

— Если я не ошибаюсь, это Хинневар.

— Но тот же должен быть каменным, — заметил Конан.

— Это все было очень-очень давно, — прошептала Соланна. — С той поры Сунт-Аграм мог предумать сто раз. Особенно, если нуждался в помощнике. Все-таки мы сумели расстроить его планы.

— Хм, — жест Конана в темноте не был виден.

— Я вам еще нужен? — произнес Ханнаор. — Мне необходимо заняться старым моряком. Ему требуется помощь.

— Да, пожалуйста, — белые зубы Соланны сверкнули. — Об этом пленнике мы сами позаботимся.

* * *

Конан протиснулся в келью Соланны. Двери не были рассчитаны на такой объем, который занимал сейчас Конан вместе с вороном на плечах. Поэтому, сильно ударившись локтем о косяк, Конан сердито выругался:

— Кром побери, когда уже, в конце концов, начнут строить...

— Придется потерпеть, — улыбнулась Соланна, — не надо было так расти.

Он огляделся. Окно было закрыто ставнем, который у себя Конан снял. Зато в углу, в котором находилось что-то, похожее одновременно на камин и плиту, весело потрескивал огонь.

На противоположных стенах горели две толстые свечи, не только освещая комнату, но и добавляя в ней тепла. Под ними в стены были врезаны большие поржавевшие железные тарелки, в которые падали сгоревшие огарки. В углу стояла деревянная кровать, от которой остались только голые доски. Из стены торчали большие скобы, на которых когда-то давно висели полки для книг.

Огромный киммериец уверенно направился к кровати.

— Нет, — крикнула Соланна. — Там хочу спать я.

— Она будет еще выбирать, — пробурчал Конан.

— Держи его крепче, — приказала Соланна, когда Конан бросил ворона на пол, так что загнуло дело. — Я свяжу его, чтобы больше не опасаться.

— Я с ним справлюсь, когда захочу, — ухмыльнулся киммериец.

— Не будь таким самоуверенным, — улыбнулась Соланна. — Не забудь, что он — ученик чародея. За все эти годы он мог научиться большему, чем умению превращать воду в выпивку.

— Так это он умеет? — восторженно воскликнул Конан.

— Это умеет каждый мало-мальски приличный алхимик, но это занимает много времени...

И вообще, — она махнула рукой, — хорошенько свяжи его. Мне еще нужно принести кое-какие вещи. Мешок, который мне сейчас нужен, я оставила где-то у входа.

Соланна исчезла в дверях со скоростью ветра. Конана всегда удивляла ее способность видеть в почти абсолютной темноте. Он сам тоже был одарен фантастическим зрением горца, но все же в некоторых моментах по сравнению с ней он напоминал себе слепого котенка.

Глава 21

Соглядатай

огда Соланна вернулась, она несла на плече продолговатый кожаный мешок, не очень набитый с виду. Не казалось также, что он чересчур тяжелый.

Конан сидел на кровати, единственной мебели, которая осталась в келье. Ворон, уже пришедший в себя, лежал на полу у его ног. Конан постарался, выполняя свою работу, так что птица была перевязана веревками, как узелок. Из-под веревок бешено сверкали черные глаза.

— Ты была права, — признал Конан. — Если бы я не связал его, пока он был без сознания, пришлось бы драться с ним.

— Ты это любишь, не так ли? — улыбнулась Соланна.

Конан промолчал в ответ на ее замечание. Он смотрел, как она, присев на корточки посреди

комнаты, развязала завязки мешка. С удивлением он понял, что мешок этот не простой, а непромокаемый, поскольку сделан из двух слоев кожи. Соланна вытащила из мешка горсть зеленых камешков, закрытую крышкой глиняную миску и связку белых перышек.

— Не один ты сумел научиться кое-чему у Сунт-Аграма, — зло усмехнулась Соланна связанному ворону.

Тот заметался по полу, но Конан действительно тщательно сделал свое дело, так что ворон не мог даже открыть клюв.

Соланна сняла крышку с миски. Внутри находилась какая-то синяя краска. Она набрала на палец немного этой краски и начертила на каменный плитках пола несколько непонятных значков. Затем она выложила вокруг себя круг из камешков. Размером он получился больше, чем Конан, и состоял из тринадцати камешков. Значки, нарисованные на полу, как-то удивительно сочетались с камешками. Из связки Соланна отделила шесть перышек и неравномерно разбросала их по площади круга.

Затем она вышла из круга и притнулась, опершись руками об пол перед собой. В эти минуты она была похожа на собаку, почуявшую дичь. Повернув голову к Конану, Соланна прошептала:

— Положи его в круг. Головой к окну.

Он встал и без труда поднял ворона. Перья у птицы уже высохли и расправились. Ворон прикрыл глаза от яркого света. Конан положил его

так, как сказала девушка. Та все еще стояла в прежней позе, с опущенной вниз головой, опираясь руками об пол, и бормотала певучие фразы на незнакомом языке.

Киммериец отошел почти к камину. Не потому, что ему вдруг стало холодно, просто это было самое удаленное от волшебницы место в келье.

Он зачарованно глядел, как маленький кинжал взлетел из руки Соланны и, прочертив извилистую линию в воздухе, пролетел над вороном. Лишь чуть-чуть коснулся он толстой веревки, которой Конан связал птицу, и веревка тут же распалась, как будто сгнила изнутри.

Ворон начал приподыматься, и тут заблестели камешки. Конану показалось, как будто это засветились алмазы в солнечных лучах. Блеск их все усиливался, пока наконец ворона не окружил сплошной световой цилиндр. Стенки цилиндра слепили глаза Конана, но ворона он видел сквозь них совершенно ясно.

Перышки задвигались по полу, обходя круг в каком-то странном танце, и каждый раз пролетая около камешка или синего значка, на мгновение замирали. Вверх по светящимся стенкам цилиндра из них потянулись узоры, припоминающие Конану татуировки пунтских колдунов.

Соланна затянула какую-то монотонную мелодию, и ворон, уже вставший на ноги, начал кружиться в ее завораживающем ритме. При этом он усиленно размахивал крыльями, даже не замечая, что из левого крыла его течет кровь.

Мелодия оборвалась на высокой ноте и келью наполнила тишина. Снаружи тоже не проникало ни звука. Ворон замер на месте с одной лапой в воздухе. Это было так необычно, что Конан затаил дыхание.

Соланна что-то резко выкрикнула, все на том же незнакомом языке. Киммериец был убежден, что это был вопрос, в конце фразы ясно зазвучал вопросительный знак. Ворон проскрежетал что-то в ответ.

Соланну этот ответ явно не удовлетворил. Игра в вопросы и ответы продолжалась довольно долго, и все это время птица стояла на одной лапе, не шелохнувшись.

По лицу Соланны потекли струйки пота, видимо, процедура допроса утомила ее. В конце концов девушка без сил рухнула лицом на пол. Конан на мгновение задумался, решая, кем заняться раньше, девушкой или вороном. Но тому тоже видимо досталось, и хотя камешки перестали светиться и перышки прекратили свой танец, он неподвижно лежал на боку, прерывисто дыша.

Огромный воин поднял девушку, как перышко. Она лежала на его руках совершенно без чувств. Конан положил ее на кровать и огляделся в поисках какого-нибудь одеяла. Все три одеяла Соланны все еще были привязаны к ее дорожным сумкам, брошенным возле кровати. Он не стал терять время на развязывание узлов. Резким рывком киммериец разорвал кожаный ремешок, которым они были связаны, одно одея-

ло, сложенное пополам, подложил под девушку, а двумя оставшимися прикрыл ее.

Теперь можно было заняться вороном. Птица все еще неподвижно лежала в круге на полу. Конан нерешительно обернулся к Соланне. Он хотел спросить, может ли он вступить в круг, или, может быть, круг продолжает быть клеткой для пленника. Но девушка лежала с закрытыми глазами, прерывисто дыша, и лицо ее казалось бледнее свежепобеленных стен.

Он наклонился над кругом, тщательно следя за тем, чтобы не нарушить его границ. Как только он, схватив ворона, вытащил его из круга, сразу начался бой.

Огромные черные крылья били его по голове и телу, мощный клюв со свистом рассекал воздух, стараясь ударить Конана в лицо. Однако прошло не слишком много времени и злобная птица вновь оказалась упакована в виде пакета. Когда Конан снова положил его в круг, ворон сразу же замер.

— Можно было обойтись и без этого, — пробурчал Конан и вытер струйку крови с левой щеки, которую рассекло тугое воронье перо. — Но вдруг это колдовство не выдержит целую ночь... Так-то надежнее.

Он оглядел келью. Кроме огня в камине ничего не двигалось. Усмехнувшись про себя, Конан вышел и тщательно закрыл за собой дверь, чтобы не выпустить в холодный коридор ни капли согретого воздуха. Собрав в своей келье вещи, он вернулся к Соланне, разложил свои одея-

ла на полу у камина, закутался в них и через мгновение заснул.

* * *

Услышав сквозь сон шелест материи, Конан мгновенно вскочил на ноги с рукой, положенной на меч. Соланна подпоясывалась широким разукрашенным ремнем, на котором был прикреплен ее волшебный меч.

— Выспалась? — пробурчал Конан.

— В общем, да, но с удовольствием бы еще повалялась, — мечтательно ответила девушка.

— Придется тебе с этим подождать, — заворчал киммериец.

Соланна перевела взгляд с Конана на ворона и испуганно вскрикнула:

— Ты заходил в круг?

— Нет, — покачал головой Конан. — Я вытащил его оттуда, а потом снова положил.

На позеленевшее от страха лицо девушки вернулась краска. Она закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Это могло тебя убить, — проговорила она, наконец успокоившись. — Это было очень сильное защитное колдовство.

— Может быть, никакое колдовство на меня не действует, — ухмыльнулся киммериец.

— Я не уверена в этом, особенно, когда вспоминаю о лабиринте, — отрезала Соланна и дерзко взглянула в его нахмуренное лицо.

Конан отбросил одеяло и встал.

— Что ты вчера от него узнала? — спросил он. — Ты уснула так быстро...

— Это оказалось очень утомительным, я прежде этого никогда не делала, — пожала она плечами. — Это на самом деле Хинневар. Сунт-Аграм послал его на разведку, как ты и предполагал. Мой отчим хочет знать о нас все. Он не хочет еще раз попасть в ситуацию, подобную той, что настала в его собственной сокровищнице.

— Значит, он докладывал о нас Сунт-Аграму... — сказал задумчиво Конан и хмуро посмотрел на ворона. — Мы должны это использовать. Но как?

— Он утверждал, что Сунт-Аграм появится здесь через два дня. Но я ему не очень верю. Он пытался угрожать мне этим. Он верит, что Сунт-Аграм его освободит. Против него у нас нет шансов...

— Ясно. Когда он говорил с ним в последний раз?

— Два дня назад. После того, как он следил за нами в Прандаре. И якобы Сунт-Аграм очень обрадовался, узнав, что я лишилась девственности. Благодаря тебе, — многозначительно добавила она.

— Это как? — непонимающе проговорил Конан и оперся о кровать.

Та закричала под его весом.

— Он говорил, что видел это собственными глазами.

— Ага, — Конан стукнул себя по лбу, — он спутал тебя...

Он широко улыбался, так что глаза превратились в узкие щелочки.

— Я думала, ты будешь достаточно осторожен, чтобы не подпускать шпионов к собственной постели! — сердито крикнула Соланна.

Улыбка исчезла с лица Конана, как будто ее сдуло морским бризом. Несколько мгновений он непонимающе смотрел на Соланну. Та бросила быстрый взгляд в сторону связанного пленника. На четко вырезанном лице огромного киммерийца снова появилась улыбка. Смехом заискрились и голубые глаза.

— Ну да, — он виновато развел руками, — мне и в голову не могло придти, что Сунт-Аграм пошлет шпиона в виде птицы. Это тебе скорее следовало бы додуматься до такого, — прищурил глаз Конан.

— И я тоже ошибаюсь, — наморщила нос Соланна.

В этот момент раздался легкий стук в деревянную рассохшуюся дверь. Оба они обернулись ко входу и собрались ответить. Конан успел сообразить, что не он тут хозяин, и закрыл рот.

— Войдите, — произнесла Соланна, невольно коснувшись меча, качающегося у нее на поясе.

Двери закрипели и с трудом приоткрылись. Из тьмы коридора вынырнул жрец Ханнаор. Он уже хотел что-то сказать, но, увидев Конана, остановился. А когда он заметил на полу связанного ворона в волшебном круге, то побелел, как Кушские меловые утесы. Только после нескольких секунд молчания жрец сумел собраться для

вопроса, произнесенного довольно испуганным тоном:

— Что у вас произошло?

— Сунт-Аграм послал к нам шпиона, — склонил голову на плечо Конан. — Но тот не был слишком осторожен и попал к нам в руки.

Глаза молодого жреца загорелись фанатичным огнем.

— Ближайший помощник проклятого чародея у нас в плену! — прохрипел он восторженно и протянул вперед руки, которые в этот момент больше походили на когтистые лапы их пленника.

Ворон, увидев жреца, свернулся в клубок и стал похож на черный комок перьев. Было ясно видно, что ему больше всего на свете хотелось бы оказаться очень далеко от этого места.

— Я его одолжу у вас, — хрипел Ханнаор и глаза его горели злым огнем. — Уж мне-то он расскажет все секреты своего хозяина...

Он приближался к ворону деревянными шагами берсерка.

— Это уже не нужно, — Соланна говорила мягко, но в ее голосе были слышны металлические нотки, которые заставили остановиться даже сильно возбужденного жреца.

Он замер и с трудом повернул голову к девушке, которая стояла у своей кровати с гордым видом, опираясь одной рукой на рукоятку меча. Движение его головы было столь медленным и затруднительным, что Конану показалось, что он слышит скрип шейных позвонков, кое-как

вытесанных из камня и плохо пригнанных друг к другу.

— Он уже сказал нам все, что знал, — продолжила девушка.

— Откуда вам это известно? — выдавил из себя Ханнаор, медленно опуская руки.

— С помощью киммерийца мне удалось пробить его магическую защиту.

— Здесь, на священной земле нашего монастыря? — испуганно выпучил глаза жрец.

— Здесь давно уже нет никакого монастыря, — вмешался в разговор Конан.

— Все равно, это жилище нашего бога, — Ханнаор в священном негодовании взмахнул руками. — Ничего подобного здесь не должно происходить. Вы ответите за это перед Верховными...

— Не ответим, — резко прервал затянувшиеся дебаты Конан. — Сунт-Аграм уже близко! Если уже не находится где-то здесь. Прекратите, Ханнаор, пустую болтовню и займитесь своими обязанностями. Вызовите Кхоран'дана! Пусть он нам поможет в поисках чародея Сунт-Аграма.

Глаза киммерийца хмуро уставились на ворона, который еще несколько мгновений назад облегченно переводил дыхание, видя, что вышел из центра внимания окружающих, и с интересом прислушивался к дебатам своих тюремщиков. Заметив взгляд Конана, пленник снова сжался, стараясь уменьшиться в размерах.

— Просто оставим его здесь? — спросил Конан у Соланны, многозначительно подбросив массивный кинжал в правой руке.

— У него нет шансов освободиться, — покачала девушка коротко остриженной головой. — Разве что ему поможет Сунт-Аграм, но тот не знает, где точно находится его помощник, и более того, у него не будет времени заниматься поисками.

— Идите за мной! — тихо сказал жрец, склонив голову. — Я отведу вас туда, куда вы хотите попасть.

Глава 22

Святылище

Огромный круглый зал простирался вверх на огромную высоту. Они попали в него через дверь, расположенную приблизительно на высоте половины стены, и спустились вниз по спиральной дорожке, опоясывающей все здание храма изнутри. В зале стоял полумрак, похожий на тот, какой бывает на рассвете.

Оба впервые вошедшие в храм, Соланна и Конан, обменялись взглядами. Девушка уже открыла было рот, собираясь что-то спросить, но Конан остановил ее жестом, выражающим такое же непонимание, приподняв брови и слегка пожав плечами. Затем он указал взглядом на жреца, идущего впереди.

«Этот зал должен иметь высоту по меньшей мере семи десятков человек», — подумал Конан, когда они спускались вниз. Колоссальная святы-

ня уходила глубоко внутрь каменного основания острова.

— Ничего подобного я еще никогда не видела, — Соланна наклонилась к Конану. — Как им удалось обойтись без колонн для подпорки купола? Я, хоть убей, не понимаю, как же он держится.

— Я тоже, — пробурчал в ответ огромный киммериец, которому и в голову не приходило, размышлять о чем-то подобном. — Держится и все. Или так и надо, или тут работает какая-то нечистая магия, — он презрительно пожал плечами. — Строительством я занимался только в молодые годы, когда приходилось выполнять работу невольника... Но и тогда я не задумывался, почему все происходит так, а не иначе. И вообще, я предпочитаю разрушать, а не строить. Поэтому я и полководец, а не придворный архитектор.

— Уже не полководец, — улыбнулась Соланна, делая вид, что не замечает сразу нахмурившегося лица своего спутника.

Они спустились на дно зала. Огромная натертая до блеска плоскость пола, казалось, терялась в бесконечности. Большие плитки серого и зеленого цвета равномерно чередовались.

Конан наклонился, с изумлением оценивая гладкость пола.

«Сколько же рабов здесь должно было работать», — подумал он с ужасом и уважением к могуществу бога, который может себе позволить такую роскошь.

Потом он ухмыльнулся, сообразив, что того же могучего бога обокрал один единственный колдун, правда, достаточно сильный колдун, который кроме того сумел использовать подвернувшуюся ситуацию.

Шаги вошедших громко отдавались в неестественной тишине, стоящей под гигантским куполом. Только у Ханнаора на ногах были войлочные туфли на мягкой подошве, и его шагов не было слышно.

Они медленно приближались к центру зала, где чернела дыра размером в поперечнике, превышающим четырех человек, как прикинул Конан, когда они вышли на галерею.

Жрец остановился перед черным алтарем, кольцом окружающим отверстие. По высоте он доходил до пояса жреца. Часть алтаря, обращенная к посетителям, была украшена резными фигурками морских чудовищ, переплетающихся в удивительных сочетаниях. Вся поверхность алтаря была отполирована так, что могла бы служить зеркалом.

В то же время резные фигурки выглядели матовыми, выделяясь на поверхности алтаря и привлекая внимание посетителей. Верхняя отполированная плоскость алтаря плавно опускалась внутрь отверстия, так что при ближайшем рассмотрении казалось, что алтарь является верхушкой еще одного купола и прикрывает собой еще больший простор в подземелье.

Жрец Ханнаор подошел ближе и, опершись животом об алтарь, наклонился над отверстием.

Руки его были широко раскинуты в стороны. На мгновение в храме наступила мертвая тишина. Затем Ханнаор издал несколько резких звуков. После короткой паузы он запел над отверстием длинную молитву-гимн.

Сначала Конан прислушивался к пению жреца, но затем его внимание привлекло нечто совсем другое. В храме постепенно начало светлеть. Киммериец оглядывался вокруг, пытаясь определить, откуда исходит свет. Его интересовало это на случай возможного боя, чтобы неизвестный враг не смог ослепить его столь сильным источником. Потом он различил легкий свистящий звук, который вначале не был слышен из-за пения жреца, но затем начал его заглушать. Свист доносился из отверстия, и только сейчас Конан с удивлением понял, что и источник света тоже расположен под полом. Из отверстия исходил сужающийся световой конус, вершина которого достигала середины высоты зала. Затем свет конуса расплескивался по сторонам и низвергался вниз, как водопад.

Конан обернулся к Соланне, но та стояла с задранной кверху головой и открытым ртом.

Звук набирал силу и глубину. Голос жреца уже не был слышен, но Конан видел, что Ханнаор продолжает петь, так как рот его был открыт. Сколько времени все это продолжалось, никто из них не мог оценить. Разве что жрец, но его такие вопросы не интересовали.

Глубокий звенящий звук теперь заполнял весь храм. Сначала Конан просто внимал его, за-

тем, сообразив, что находится слишком близко к алтарю, понял, что это ему только кажется.

Тишина!

Тишина, наполнившая в одно мгновение весь зал, звенела!

Конан закрыл глаза и напрягся, чтобы прочистить уши. Снова открыв их, он замер от удивления.

Перед ним в конусе света возносился бог Кхоран'дан. Полная фигура с короткими ногами и четырьмя руками, сложенными на пухлой груди. Лицо его не было человеческим. На нем отсутствовали нос и нормальный рот. Их заменяла вертикальная щель, разделявшая лицо пополам, которая заканчивалась прямо под глазами.

— Кто осмелился побеспокоить несчастного, пребывающего в заклатье, — разнеслось по всему храму. — Я жестоко отомщу!

Конан опять успел сообразить, что сила голоса зависит от величия, а не от величины бога, иначе голос его звучал бы значительно тише.

— О, повелитель, — произнес спокойно жрец Ханнаор, — это я осмелился попросить тебя о помощи. Если ты найдешь мою просьбу слишком дерзкой, накажи меня. Эти два путника, — широким жестом он указал на Конана и Соланну, — нуждаются в твоей помощи. Они ищут источник силы чародея Сунт-Аграма.

В ответ раздался громовой раскат, потрясший целый храм. Конан понял, что это был гневный крик, вырвавшийся из горла разозленного бога. В следующее мгновение Кхоран'дан овладел со-

бой, голос его стал тише, так что снова было можно понять произнесенное.

— Как они могут надеяться совершить то, чего не смог сделать даже я? Это оскорбление... — вертикальная щель, заменявшая Кхоран'дану рот, не двигалась.

— Мой повелитель, — жрец склонил голову, так что светло-каштановая кудрявая борода уперлась в сутану, — никогда я не позволил бы себе привести к тебе обыкновенных ищеек. Они уже встретились однажды с Сунт-Аграмом, и для него эта встреча едва не стала последней. Кроме того, им удалось захватить его главного ученика...

— Да, — кивнул головой бог, — я вижу эту пару, в которой соединилась сила киммерийца и магические способности этой девушки. Прекрасно!..

— Да, мой повелитель, — Ханнаор поднял лицо к богу.

— Я помогу вам, насколько хватит моих слабых сил, — сказал грустно бог Кхоран'дан. — Сунт-Аграм был здесь вчера и снова получил порцию бессмертия от моей кифары. Ему снова удалось повторить то, что он делал уже много раз, и снова это бессмертие он отнял у меня. Я не могу ни преследовать его, ни следить за ним. Его магическая сила больше моей. Я слаб и беспомощен, хотя и не выгляжу таким, но что смогу, сделаю. Я привязан к своему алтарю и не могу от него удаляться. Найти кифару вы должны будете сами. Сунт-Аграм с помощью своего кол-

довства достаточно хорошо маскирует себя, чтобы никто не мог за ним проследить...

— Не совсем так, — потихоньку промурлыкала Соланна, так что ее мог слышать только Конан, да и тому не было полностью понятно, что она хотела сказать. — Если он тут был вчера или сегодня ночью, вполне возможно...

— Когда вам понадобится моя помощь, позовите меня так... — зазвучала странная мелодия, звуки которой повторялись дважды.

— Я этого не запомню, хоть сажайте меня на кол, — проворчал Конан.

— Это не для тебя и предназначено, — шепнула Соланна.

— ...и я вам помогу, если буду способен, — закончил свою речь Кхоран'дан.

Его фигура в конусе света начала бледнеть и уменьшаться. И сам конус медленно исчезал в черном отверстии. Конан посмотрел на жреца Ханнаора, все еще стоящего с раскинутыми руками. Он с трудом опирался коленями и животом об алтарь и выглядел так, как будто собирался упасть без чувств. Лицо его приобрело фиолетовый оттенок, подобно январскому снегу в Эйглопианских горах. Предвидение киммерийца выполнилось раньше, чем он ожидал. Колени Ханнаора подломились и жрец медленно стал сползать на полированный камень. Он ударился подбородком об угол черного каменного алтаря, так что голова его откинулась назад и Конан увидел, что глаза жреца широко открыты, но зрачки закатились, так что видны лишь белки.

Соланна подскочила, чтобы подхватить падающее тело, но не успела. Жрец соскользнул на пол и его сутана при этом задралась, обнажив ноги, густо покрытые зеленой татуировкой.

— Посвященный Воде, — выдохнула Соланна и испуганно отскочила назад.

Конан посмотрел на нее с вопросительно поднятыми бровями.

— Жрец такого высокого посвящения, что может передвигаться даже под водой.

— Ну и что? — усмехнулся Конан. — Наш ворон, например, может даже летать. Оставь его, — махнул рукой киммериец, — я его отнесу. Знаешь, где его келья?

— Не знаю, но найду, если пройдем мимо, вчера вечером я видела, откуда он вышел.

* * *

Конан и Соланна стояли перед воротами храма. Соланна обводила местность магическим взором полужакрнутых глаз и искала следы, оставленные ее отчимом.

— Пожалуй, самым простым будет попробовать объехать остров на лодке. Это будет быстрее всего.

— Как ты узнаешь следы своего...

— Уж как-нибудь узнаю, — пожала плечами Соланна. — Будет нарушена тонкая ткань магии, окружающая храм. Она не восстанавливается так быстро. И кифара должна быть где-то здесь, иначе Сунт-Аграма при перевозке поймали или

хотя бы заметили. Да иначе и не возвращался бы он сюда.

Они шли по дороге, выложенной раскрашенными глазурными плитками. Соланна шла со склоненной головой и разглядывала морские волны и чудовищ, на которых они наступали. Конан же, наоборот, больше обращал внимание на лес, в который вскоре нырнула дорога. Его продолжала удивлять равномерность посадок, которую соблюдали садовники. Но что-то ему здесь не нравилось. Казалось, что откуда-то прилетел порыв ледящего ветра. Он почувствовал грозящую опасность.

Внезапно девушка замерла, будто наткнувшись на невидимую стену.

— Был здесь, — выдавила она из себя. — И не слишком давно.

Она вытянула вперед руки и как будто прощупывала пространство перед собой. Конан глядел на нее с недоверчивостью дикаря, который не хочет иметь ничего общего с богами и магией, и вообще не очень в них верит, но все же отступил на шаг назад.

И вовремя. Внезапно прямо в воздухе из пустоты возникли две когтистые руки.

Они были мускулистые и густо поросшие длинной рыжей шерстью, и каждая сжимала длинный меч. Длиннее, чем любой, каким когда-либо пользовался Конан, а было известно, что он предпочитал мечи, подходящие к его гигантской фигуре. Соланна вырвала из ножен свой меч и отразила первый удар, нанесенный

левой рукой. В ту же секунду рядом с ней оказался Конан и схватился с правой рукой. Та наносила столь мощные удары, что даже такому гиганту как Конан приходилось тяжело. Невидимый враг отличался колоссальной силой. Правда, техника боя у него была слабая, но пока и этого было достаточно. Сначала киммериец сосредоточился на обороне и лишь время от времени старался помочь Соланне.

— Я справлюсь сама, — яростно прошипела она. — Заботься о себе. Это еще не конец.

Ее волшебный меч отвел сильный удар соперника вверх, и Соланна пригнулась. Вражеский меч просвистел мимо и неожиданно мускулистая рука оказалась вблизи ее оружия. Меч, врезавшись в руку с не слишком большой силой, рассек кожу и застрял в кости на запястье. Раздался неприятный скрежет металла о металл. В воздухе прозвучал стон и из руки брызнула кровь.

Рука выпустила меч и начала растворяться в воздухе. Однако Соланна вцепилась в свой меч обеими руками, губы ее шептали слова заклинания. Рука бешено металась, но заклинание и застрявший меч Соланны мешали ей исчезнуть. Она трясла девушку, словно тряпичную куклу, но та изо всех сил держалась обеими руками за рукоятку своего меча.

Когда Соланне удалось договорить заклинание, от ее меча по всей его длине на руку посыпались искры. Мышцы руки судорожно напрягались и расслаблялись. Внезапно меч Соланны

выпал из раны и девушка упала на землю рядом с дорогой, лицо ее зарылось в мох. Рука упала возле нее и застыла в неподвижности.

За это время Конан нанес своему сопернику несколько легких ран, но и сам не уберется от царапин.

Соланна тяжело поднялась с земли, к испачканному лицу ее прилипли хвоя и листья.

Рука имела преимущество, поскольку Конан имел против себя цель значительно меньших размеров. Гигантская сила киммерийца позволяла ему уравнивать шансы, техника же ведения боя далеко превосходила противника. Это позволило ему после отвода очередного удара руки в сторону, применить хитрость. Продолжив начатое движение, Конан мгновенно повернулся вокруг своей оси и завершил поворот ударом. Его меч вонзился в локоть противника с такой силой, что лезвие прошло через мышцы и сухожилия, словно сквозь масло. Пальцы руки судорожно разжались, меч со звоном упал на землю и несколько раз подскочил, прежде чем замереть окончательно..

— Держи ее! — крикнула Соланна, спеша ему на помощь.

Верхняя часть руки исчезла, а обрубок лежал на дороге. Крови, текущей из него было значительно меньше, чем ожидал Конан. Обрубок медленно полз по направлению к мечу. Киммериец пришил его к земле своим оружием, а Соланна бросилась к лежащему на земле мечу, прикрыв его своим телом. В лесной тишине сно-

ва зазвучали слова заклинания. Соланна словно выстрелила сверхъестественно длинной фразой на неизвестном языке, и рука наконец замерла.

— Это была первая засада Сунт-Аграма, — спокойно констатировал Конан. — Интересно, сколько еще осталось.

— На устройство каждой очередной засады расходуются запасы его магии, которые он должен пополнять, играя на кифаре, — ответила Соланна. — Посмотрим. Думаю, что будет еще несколько ловушек, но мы должны добраться туда, куда хотим, несмотря на все засады.

Конан выдернул меч из земли, вытер его о мох возле дороги и коротко произнес:

— Доберемся.

Глава 23

След чародея

Вскоре дорога превратилась в тропинку, мощеную плоскими камнями, и это означало, что они уже недалеко от пристани. Когда они вышли из леса, перед ними открылось море. Поверхность его под нависшими темными тучами имела свинцовый и неприветливый вид.

Длинные волны набегали на берег недалеко от пристани, но стоящие в бухте лодки были защищены высоким молом. Сквозь шум прибоя временами прорывался оглушительный птичий крик. Слева, где из воды высился небольшой утес, высоко взлетали пенные брызги, это волны пытались преодолеть стоящую у них на пути каменную преграду.

Их лодка спокойно покачивалась у каменного мола, на котором между камнями пробивалась чахлая трава. Мелкие волны выбрасывали на

мол обрывки зеленых водорослей. Старый моряк вчера, прежде чем уйти, привязал к бортам лодки по всей ее длине пучки соломы, которые ослабляли ее удары о берег.

— Старик понимает в своем деле, — покивал головой Конан и усмехнулся, увидел выражение непонимания на лице Соланны. — И любит лодки...

Он прыгнул в лодку и подождал, пока Соланна сделает то же самое, затем, отвязав пучки соломы, бросил их на дно лодки. Несколькими ловкими движениями кормового весла он отвел лодку от берега. Потом махнул Соланне.

— Иди поддержи руль, — крикнул он, заглушая свистящий ветер.

Она кивнула и несколькими шагами, покачиваясь, когда лодка уходила из-под ног, перебралась на корму.

Конан перешел к мачте, поднял треугольный парус на одну треть мачты и закрепил шкот. Потом быстро и умело обмотал остаток паруса вокруг нижней реи.

Лодка, приняв немного ветра в поднятый парус, начала довольно быстро двигаться по поверхности бухты.

Соланна с вытаращенными глазами судорожно держалась за руль, явно не понимая, что делать дальше. Конан, подскочив к рулевому веслу, довольно невежливо оттолкнул ее в сторону и направил лодку в открытое море.

Едва только лодка вышла из-под защиты мола, парус напрягся от сильного ветра, взъеро-

шившего длинные черные волосы киммерийца. Лодка буквально прыгнула вперед и полетела по морю.

Соланна сидела перед мачтой с наполовину прикрытыми глазами и *осматривалась* вокруг. Казалось, что она собирается заснуть, однако через несколько минут повернула свое напряженное лицо к Конану. Ее темно-зеленые глаза, похожие на сегодняшнее море, пытливо уперлись в него.

— Придется вернуться, — закричала она. — Мы плывем слишком быстро. Я не успеваю заметить такие тонкие следы. Лучше пойдем пешком.

Конан кивнул и резко повернул лодку. Нижняя рея перекатилась на другой борт и лодка снова набрала скорость.

— Стой! — вдруг закричала Соланна. — Вернись назад!

Конан сердито посмотрел на нее, но потом сообразил, что девушка, наверное, знает, что делает.

— Он был здесь! Здесь!

Конан одним рывком развязал узел, крепивший шкот.

Парус слетел с мачты вниз и накрыл часть палубы. Полотно местами надувалось, как будто по дну лодки бегали какие-то шаловливые гномы.

Лодка остановилась и закачалась на волнах. Соланна, уцепившись за мачту рукой, встревожено оглядывалась вокруг.

— Не бойся, — восторженно крикнул Конан. — Это еще не буря. На этих волнах мы только слегка покачаемся...

Внезапно раздался страшный удар, сопровождаемый треском ломающегося дерева.

Лодка взлетела из воды высоко в воздух. Потрясенный киммериец захлопнул открытый рот и крепко ухватился за руль.

Падение с высоты десяти футов в воду не могло быть приятным. У Соланны так щелкнули зубы, что этот звук заглушил шум падения. К счастью, лодка упала в море в том же положении, как и вылетела из него. Конан среагировал мгновенно.

Он бросил руль, одним быстрым движением вздернул парус до половины мачты, закрепил шкот и снова вернулся к рулю. Парус с громким хлопком расправился и набрал ветер.

Лодка рванулась вперед, как будто ее ударили на этот раз сзади, правда, при этом не было слышно деревянного треска. Конан пристально взглянул на мачту, опасаясь, выдержит ли она напор ветра.

— Посмотри, не набираем ли воду, — крикнул киммериец испуганной девушке.

Та неуверенно отцепилась от мачты, которую судорожно обнимала, и приподняла одну из деревянных решеток, лежащих на дне лодки. То же она повторила с остальными решетками.

— Похоже, что не течет, — крикнула она в ответ, и в ее голосе было слышно облегчение. — Что это было?

— Не знаю, — прокричал Конан, внимательно оглядываясь вокруг. — Смотри туда! Вот оно!

Сквозь пенящуюся воду к ним мчалось животное, которое было значительно длиннее их лодки.

От длинной зубастой морды до кончика хвоста, рыбьими движениями вспенивавшего воду, в нем было не меньше сорока футов. Неведомое существо с такой скоростью разрезало волны, что у них перехватило дыхание. С этой тварью вряд ли можно было сражаться даже на суше, что уж говорить о его родной стихии. Животное плыло, погрузившись в воду, над поверхностью оставался только кожистый ярко-зеленый гребень.

Конан продолжал держать курс к пристани. Как только существо, двигавшееся гораздо быстрее, чем их лодка, приблизилось на опасное расстояние, он резко повернул руль вправо. Лодка сделала резкий поворот, и киммериец изящным полукругом обогнул животное сзади.

Море грохотало, и Соланне казалось, что оно радуется человеческой ссорке, приветствует его разум, с которым не может равняться ни одно животное.

Но Конана понимал, что еще ничего не кончилось.

Животное, изогнувшись дугой, сумело развернуться так быстро, что киммериец чуть не наткнулся на него.

Желтое брюхо, на мгновение показавшееся из воды, напомнило Соланне о том, что и она мог-

ла бы принять участие в схватке. Конан успел заметить, как напряглись ее мускулы, и заорал, перекрикивая ветер:

— Не лезь! Нет времени!

Девушка послушно опустилась на дно лодки и, обхватив одной рукой мачту, внимательно следила за действиями их противника. Заметив, что в другой руке у нее блестит меч, Конан не преминул убедиться, что его меч крепко держится на спине.

— Оно не может на сушу! У него нет ног, только плавники!

Конан усмехнулся и переложил руль чуть влево, так что разъяренное животное пронеслось мимо в нескольких футах от лодки.

— Оно не отстанет, — крикнул он, снова поворачивая к пристани.

Конан обернулся, следя за движениями животного, которое снова молниеносно развернулось и продолжало преследование.

На этот раз ветер был попутным для лодки, и Конан полностью освободил парус. Скорость лодки возросла настолько, что она начала перескакивать с волны на волну.

Это было опасно, так как лодка могла потерять равновесие и перевернуться, однако Конан, крепко и уверенно сжимая руль, умело балансировал на грани необходимого для их спасения риска.

Соланна, которая все это время тревожно оглядывалась назад, вдруг внезапно радостно прокричала:

— Не может догнать! Оно возвращается во свояси!

Киммериец снова приспустил парус, убирая ветер, и лодка, уменьшив скорость, продолжала двигаться к пристани.

— Не поедем в другую сторону? — с сомнением спросила Соланна.

— Нет, — решительно покачал головой Конан. — Нужно взять с собой Ханнаора. Ведь ты же почувствовала присутствие Сунт-Аграма там, где на нас напала эта тварь.

— Не присутствие, — Соланна обиженно оттопырила верхнюю губу. — В том месте были нарушены магические линии. Он там проходил, но я не знаю когда.

Лодка завернула за мол и легко плыла по спокойной воде гавани. Только сейчас, в наступившей тишине, они услышали плеск воды в лодке.

— Так все-таки это чудище повредило нам лодку!

— Неважно... Посмотри, Конан! Нас ждет Ханнаор.

На каменистом берегу стоял человек в коричневом монашеском балахоне, спрятав обе руки в длинные рукава.

Ветер ерошил его светло-коричневую кудрявую бородку. Он стоял неподвижно, пока лодка не остановилась у берега, потом сошел вниз и помог привязать ее к каменному кнехту, предназначенному когда-то для куда более крупных кораблей.

Соланна, выскочив на берег, только сейчас заметила, что все еще держит в руке меч, и засунула его в ножны.

— Мы только хотели поискать следы Сунт-Аграма, — слегка извиняющимся тоном сказала она.

— Следовало бы подождать меня, — с укором произнес жрец, — все же я лучше вас знаю окрестности.

— Нам показалось, что твоего пробуждения придется ждать слишком долго, — серьезно сказал Конан.

— Мы поплыли вокруг острова, — махнула девушка рукой, указывая направление, в котором они отправились.

Жрец нахмурился:

— И вы не столкнулись там ни с чем... странным?

— Стокнулись, — с бешенством ухмыльнулся Конан. — Ты мог бы нас предупредить, что в окрестностях острова бродит...

Ханнаор развел руками:

— Вы слишком быстры для меня. Мне и в голову не могло прийти, что вы отправитесь на поиски одни.

— Если бы мы задержались, то следы Сунт-Аграма окончательно бы исчезли, и нам пришлось бы ждать его прихода еще пять лет, — выкрикнула Соланна. — Столько времени у нас нет. Как только ему удастся восстановить свою силу, мы пропали. И нас не защитят ни ты, ни твой бог.

— Он вернется раньше чем через пять лет, — Ханнаор покачал головой так энергично, что волосы закрыли его лицо, как вуаль. — Ему нужны вы. И, кроме того, он беспокоится об кифаре. Вы встретились с мозасаром? — жрец снова засунул руки в рукава.

— Если ты имеешь в виду тварь, похожую на зингарского каймана-переростка, зеленого цвета, с высоким гребнем на хребте, то встретились, — яростно рявкнул Конан. — Будь она трижды проклята!

— Это любимый домашний зверек моего господина Кхоран'дана. Правда, за последнее время он немного одичал, — склонил голову жрец. — Он охраняет вход в подземелье острова. Самый надежный страж!

— Так далеко от берега? — недоверчиво взглянул на него Конан.

— Вход в подземелье расположен под водой, и достаточно глубоко, — ответил Ханнаор и покивал головой. — Он конечно не единственный сторож, но, пожалуй, самый старательный.

— Именно там я обнаружила следы Сунт-Аграма, — сказала Соланна.

— Неужели он скрывается с кифарой в подземном лабиринте? — Ханнаор задумчиво потербил свою кудрявую бородку. — Надо плыть туда, — решительно сказал он наконец и направился к лодке.

— Сначала надо убедиться, не разбил ли этот ваш домашний любимец нашу лодку окончательно.

* * *

После тщательного обследования, обнаружившего, что их суденышко потеряло только несколько надломленных верхних досок по правому борту, они снова отправились в море.

Жрец снова показал себя опытным моряком. Конан, не ожидая встретиться с подобным умением у жреца, вначале удивлялся, но потом он сообразил, что храм ведь расположен на острове. Ханнаор, стоя на носу лодки, пытался найти место, где они встретились с мозасаром.

Ветер немного стих, лодка плавно покачивалась на длинных спокойных волнах, уже не ревущих в открытом море. Они проплыли мимо второго каменистого мыса, выдающегося в море.

— Это случилось где-то здесь, — крикнул Конан.

— Да, — согласилась Соланна. — Чуть дальше, когда мы будем напротив вон того утеса.

Ханнаор, приложив руки ко рту, издал протяжный крик, в конце переходящий в свист. Немного подождав, он повторил его. Затем, поднявшись на носках и ловко удерживая равновесие, огляделся вокруг.

— Такой звук я бы не смогла издать даже под страхом смерти, — тихо сказала Соланна Конану и тот в ответ согласно кивнул.

С левого борта вертикально из воды вылетело огромное зеленое тело.

— Это он! — заорал Конан и изо всех сил налег на руль.

Неожиданный рывок лодки чуть не выбросил жреца за борт. Он обернулся к Конану и сердито рявкнул:

— Плывите прямо!

— Есть, капитан! — с такой же злостью пробурчал в ответ Конан, внимательно следя за приближающимся животным.

Ханнаор снова приложил ко рту руки, сложенные трубкой. Колеблющийся звук, изданный им на этот раз, звучал значительно приятнее для человеческого уха, но Соланна все же схватилась за голову, заткнув уши и страдальчески закрыв глаза.

Огромное создание разинуло пасть, усеянную массивными кеглеобразными зубами, которая занимала почти треть тела, и заревело в ответ. Даже не слишком чувствительный к музыке слух Конана уловил в этом реве повтор первого клича жреца, хотя и искаженный, но очень похожий.

Могучий хвост вспенил воду, и все четыре плавника задвигались, приближая создание к лодке.

Соланна взглянула на Конана. Киммериец сжимал руль одной рукой, в другой держал меч, и по его виду было ясно, что он готов дорого продать свою жизнь.

В нескольких десятках футов от лодки животное прекратило двигать плавниками и по инерции подплыло к борту.

Жрец склонился к нему через борт и звонко похлопал рукой по голой зеленой коже между

глаз. Из горла животного раздались звуки, которые с большой натяжкой можно было назвать довольным мурлыканьем.

Ханнаор обернулся к обоим спутникам:

— Он отвезет нас вниз. Правда, не знаю, как быть с вами. Это довольно глубоко... под водой... Я-то сумею...

Соланна махнула рукой:

— Если это не будет продолжаться слишком долго, я позабочусь о нас обоих.

Жрец кивнул, повернулся и, перескочив на спину мозасара, устроился на том месте, где массивная голова животного переходила в еще более массивное туловище.

Соланна несколько раз глубоко вдохнула и протянула руки перед собой по направлению к киммерийцу, повернув ладонями от себя и растопырив пальцы. Из рта ее вырвались скрипящие звуки, и Конану пришло в голову, что она могла бы посоревноваться с жрецом в столь кошмарном пении.

Тут он почувствовал, что все его тело обволокло что-то невидимое. Волшебница повторила процедуру, на этот раз неестественно вывернув ладони к себе. После этого она вспрыгнула на спину чудовищу за жреца.

— Пошли, — кивнула она Конану, все еще стоявшему у руля.

— С лодкой ничего не случится, — крикнул ему жрец Ханнаор, — когда он довезет нас до цели, он вернется к лодке и позаботится о ней.

Если мы сумеем выбраться оттуда, то найдем лодку у пристани.

Конан подошел к борту лодки и перешагнул через него. По мокрой спине мозасара он дошел до Соланны, сел за ней и обнял ее вокруг пояса, опершись спиной о мощный кожистый гребень на спине животного.

Девушка наклонилась к жрецу и крикнула ему в ухо, стараясь перекричать шум и плеск моря:

— Если замечу, что плывем не туда, я дам тебе знать.

Жрец кивнул, оглянулся, проверяя, все ли в порядке, и издал высокий пронзительный крик. Мозасар мощно ударил хвостом и заскользил по волнам. В последний момент перед тем как они начали погружаться в воду, Конан набрал в себя воздух и затаил дыхание. Холодная вода окружила его, а тот слабый свет, который еще прорывался сверху сквозь нависшие тучи, начал тускнеть.

Киммериец крепко держался за пояс Соланны и, как оказалось, не зря, хотя поток воды, грозящий смести их со спины мозасара, немного ослабел, потому что под водой животное не могло плыть так же быстро, как на поверхности.

Через несколько минут Конан начал задыхаться. Он уже попрощался с жизнью и, открыв рот, хлебнул воды. Но то, что заполнило его рот, оказалось не водой, а воздухом. Весь побагровевший от долго задерживаемого дыхания он старался незаметно перевести дух.

Он впервые видел подводный мир и то, что увидел, ошеломило его.

Вокруг мелькали рыбы самых разнообразных размеров, очертаний и расцветки, чуть ниже них волновались поля неизвестных растений. Между их ветвями скользили мелкие рыбки. Немного дальше он заметил длинную полосу песка, по которому медленно полз большой осьминог, таща за собой плоский камень.

Под поверхностью моря не было слышно ни шума волн, ни свиста ветра, это был мир безмолвия. Но не мир спокойствия.

Невдалеке мелькнуло серое гибкое тело акулы, в пасти которой бился хвост какой-то рыбы. Заметив огромного мозасара, акула развернулась и исчезла с такой скоростью, что Конану даже стало смешно.

Впереди показался утес, покрытый чем-то, похожим на меховое одеяло, и это одеяло беспокойно волновалось.

Конан заметил, что большинство рыб старается избежать этого места. Мозасар приблизился к утесу и, тоже уменьшив скорость, поплыл медленно и осторожно.

Теперь было хорошо видно, что странное одеяло состоит из множества мельчайших растений, из стебельков которых торчали щупальца, похожие на осьминожки.

За утесом разверзлась огромная пропасть, перешедшая вскоре в цеперный лабиринт. Мозасар пробирался по проходам, размеры которых иногда едва позволяли ему проплыть.

— Эй, постой, — крикнула Соланна и хлопнула жреца по плечу. — Мы неправильно повернули...

Она соскользнула со своего места и поплыла назад. Прижавшись к стене коридора в месте, где он раздваивался, она осматривалась, прикрыв глаза.

— Да, — показала она рукой, — надо плыть туда.

Не оборачиваясь, девушка поплыла по следу, который видела только она. Конан, не задержавшись ни на мгновение, последовал за ней. Жрец сильным хлопком по спине попрощался с мозасаром и поплыл за ними. Видимо, они находились не так глубоко, ибо чувствовалось волнение поверхности моря. Они выплыли в большую пещеру.

Конан посмотрел вверх и увидел свое отражение в зеркальной поверхности воды. Ему показалось странным, что здесь было светлее, чем в открытом море, и он хотел поплыть вверх и проверить, но Соланна, схватив его за ногу, стащила вниз.

— Если вынырнешь, заклинание перестанет действовать, — крикнула она ему.

Они плыли дальше. Стены туннеля опять приблизились друг к другу и плыть стало опаснее, ибо волнующаяся масса воды швыряла их на шершавые камни.

Конана одна волна с силой бросила на шероховатую скалу, но выставленная вовремя рука спасла его от удара. Ханнаор не успел так быст-

ро среагировать, и из его плеча, ободранного о скалу, вырвалось полупрозрачное кровавое облачко.

Соланна была легче мужчин и ей до сих пор удавалось избегать опасных царапин, подставляя руки скалам подобно киммерийцу.

Конан вначале опасался, не повредят ли эти столкновения заклинанию, хранящему их под водой, но затем, не видя никаких изменений в себе, махнул рукой и перестал об этом беспокоиться.

Песчаное дно понемногу начало подниматься к поверхности, и вскоре они уже тяжело брели к сухому краю пещеры по воде, доходящей им только до пояса.

Даже здесь все еще чувствовалось волнение моря, и у Соланны, самой легкой из них, несколько раз подкосились ноги.

Высоко над ними светило что-то, похожее на солнце, но совершенно не греющее. Толстые жилы каких-то металлических руд, вкрапленные в стены пещеры, отражали этот свет, так что казалось, что они находятся на поверхности. Металл был желтым, и у Конана в голове промелькнула мысль, не золото ли это.

Соланна вылезла из воды и совершенно без сил опустилась на землю, закрыв глаза и опершись спиной о стену. Она тяжело дышала, вода стекала с нее потоками.

Пригладив немного свои короткие светлые волосы, она больше о них не заботилась. У Конана его длинные черные волосы свисали с головы

как змеи. А у жреца в воде даже расправилась его кудрявая борода. Он расчесывал ее пальцами и ждал, когда его спутники придут в себя после столь необычного путешествия.

Киммериец помог Соланне подняться на ноги.

— Нужно идти дальше. Посмотри-ка вокруг, чтобы потом не плутать.

— Этого не требуется, — слабо улыбнулась она. — След настолько сильный, что я думаю, Сунт-Аграм сейчас где-то поблизости.

* * *

Конан шел с Соланной впереди, а Ханнаор следовал за ними.

Коридоры перед ними искривлялись, раздваивались, перекрещивались. Им встретилось несколько перекрестков, но Соланна каждый раз безошибочно выбирала направление, в котором оставались следы ее отчима. Но на одном перекрестке она остановилась в недоумении. Растерянно оглянувшись вокруг себя, она не могла выбрать, куда идти.

— Он шел везде, — огорченно сказала она.

— Неважно, — Конан вытащил меч и повернул вправо, — проверим, например, там. Что-то мне говорит, что... — он сделал три, четыре, десять шагов по узкому проходу, и девушка двинулась за ним.

В проходе было не так светло, как в большом коридоре, казалось, что кто-то прикрыл свет за-

навесками. Но все же можно было различать предметы.

Впереди в темноте сверкнул серебряный луч. Конан инстинктивно выставил перед собой меч, и он с лязгом скрестился с лезвием чужого меча. Соланна подняла руку и из нее брызнул яркий свет, в свете которого Конан увидел падающий слева ему на шею клинок.

Он едва успел парировать этот удар, тщетно стараясь разглядеть своего противника. Меч висел в воздухе и его направляла невидимая рука, принадлежащая невидимому телу. Один из нанесенных подряд сильных ударов Конан не сумел отбить и кончик клинка разрезал ему кожу на плече.

Брызнула кровь. Огромный киммериец, разъярившись, сильно отбил вверх следующий удар противника, направленный ему в живот, и сделал выпад, целясь мечом в то место, где должно было находиться тело врага. Клинок вонзился во что-то плотное и раздался стон. Вражеский меч, находившийся в этот момент на высоте плеча Конана, упал на землю и покатился, тихо звеня. Гигант нанес следующий удар по тому же месту, но на этот раз его меч рассек воздух. Свет, исходящий из руки Соланны, погас, она сделала несколько шагов к месту боя и, нагнувшись к земле, подняла лежащий меч.

— Это один из мечей, принадлежащих Сунт-Аграму, — тихо сказала она.

В отблесках света, падающих из широкого коридора на ее бледное лицо, было видно, как она

устала. Постояв, собирая силы, она пришла в себя и подала меч Конану, сказав:

— Сломай же его! Только этим можно отнять у Сунт-Аграма возможность далее использовать его.

Конан взял меч обоими руками, его мышцы напряглись и рельефно выступили на теле, как корни дерева.

Клинок меча выгнулся дугой. Казалось уже, что упругая сталь выдержит невероятное давление и кончик клинка коснется рукоятки меча, когда в коридоре раздался треск, как будто щелкнули бичом, и у Конана в руках остались две половины сломанного меча. Он отбросил их в сторону.

Ханнаор, остановившийся лишь в нескольких шагах от перекрестка, поднял голову:

— Рассветает!

Понемногу, как бы нехотя, тьма покидала и узкий проход.

Конану это напомнило утро в Эйглофийских горах, когда солнце встает из-за остроконечных горных вершин, покрытых вечными снегами. Сначала мелькнули розовые отблески утренней зари, затем занялся бледный, еще сонный рассвет росистого утра. Но этим не кончилось. Света все прибывало, так что скоро стало светло, как в полдень в стигийской пустыне.

Киммериец ошеломленно оглядывался по сторонам, ибо то что происходило было выше его понимания. Потом он махнул рукой на все и обратился к девушке:

— Куда пойдем теперь?

Она вытерла рукой лицо и прикрыла глаза.

— Этот путь никуда не ведет. Теперь я это вижу совершенно ясно. Нужно вернуться.

Они возвратились на перекресток.

— Пойдем прямо, — нерешительно проговорила Соланна.

— А ты, жрец, что скажешь? — обернулся Конан к жрецу.

— Я здесь никогда не бывал, хотя подземелье немного знаю... Но входы, которые мне известны, находятся в другом месте. А эти коридоры я не узнаю. Не знаю, что вам посоветовать. Я здесь лишний...

— Ну, пока ты еще нам не мешал, — покачал головой Конан, так что длинные волосы разметались в воздухе, — постарайся так же вести себя и в дальнейшем.

Глава 24

Охотники и жертвы

Сунт-Аграм протиснулся через узкую расщелину, похожую на наклонную каминную трубу, и выполз на берег моря. На ходу он старался залечить раны, полученные в бою с Конаном, и, хотя его магические силы убывали, ему это удалось. Оглядевшись вокруг, он увидел вблизи могучее здание храма. От ярости у него потемнело в глазах.

— Если бы мне удалось все это разрушить и похоронить под развалинами всех этих... — прошипел он.

Тут он прервал себя радостным восклицанием. Он почувствовал близость своего помощника. Усевшись на гладкий камень и раскачиваясь взад и вперед, он сосредоточился.

— Он там, — удовлетворенно кивнул головой Сунт-Аграм. — Он, конечно, дурак! — он снова с

бешенством взглянул на массивный силуэт храма. — Но он может мне помочь.

Сунт-Аграм поднялся и, закутавшись в свой любимый плащ, который снова был на нем, стал осторожно приближаться к каменной пирамиде храма. Вспрыгнув на внешний карниз, он быстро двинулся вверх, стараясь, чтобы никто не мог его заметить, хотя и не знал точно, сколько людей сейчас на острове. Шаги его были так легки, что даже мелкие камешки не скрипели под его ногами.

На одном месте он замер, проворчав:

— Он здесь!

Он взмахнул рукой и деревянные ставни, закрывавшие окно, превратились в пыль. Чародей протиснулся внутрь через узенькое окошко и с интересом взглянул на скорчившуюся фигуру своего шпиона. Затем он склонился над магическим кругом и глубоко задумался. Хинневар смотрел на своего хозяина вытаращенными глазами. Он дергался и ворочался, пытаясь выбраться за пределы магического круга, но ему это не удавалось, заклинание было слишком сильным.

— Перестань, — сердито сказал Сунт-Аграм.

Он выставил перед собой левую руку и пробормотал краткое заклинание. Легкий порыв налетевшего ветра всколыхнул воздух в комнате, разметав сложный рисунок камешков и перьев. Камешки раскатились по углам комнаты, а перышки взлетели в воздух и, медленно порхая, опускались на пол.

Теперь, чувствуя себя в безопасности, Сунт-Аграм приблизился к своему помощнику. В его руке появился короткий острый нож, которым он перерезал веревки, завязанные Конаном. Хинневар, даже будучи развязанным, не мог подняться с пола, видимо, сказывалось многочасовое пребывание в связанном состоянии.

— Что нового ты мне можешь сказать? — рявкнул Сунт-Аграм, со злостью глядя на своего помощника.

Он не любил его, унижал при каждом удобном случае, но в глубине души чувствовал, что такого соратника в своих делах вряд ли еще удастся найти.

Хинневар прогибался перед его сильным характером, как гнутся слабые деревца от сильного ветра. Но стоит только упустить момент, и они могут окрепнуть настолько, что никакая буря их не сломит. Сунт-Аграм, как сильный и опытный чародей, не забывал об этом никогда. Иначе это принесло бы ему большие неприятности...

— Мой повелитель, я последовал за ними до этого места. Но этот проклятый киммериец... — Хинневар откашлялся, чтобы прочистить горло, которое положительно отказывалось произнести ненавистное имя. — Он напал на меня, когда я следил за ними.

Помощник сидел на полу, опираясь спиной о стену. Одной рукой он продолжал массировать конечности, затекшие после многочасового плена, стараясь восстановить кровообращение.

— Ты ни на что не годен, — шипел Сунт-Аграм. — Не только ничего не узнал, но еще и не сумел проучить какого-то паршивого дикаря!

— Мой господин... — Хинневар хотел возразить, но вовремя спохватился, что любое напоминание Сунт-Аграму о его поражении в поединке с Конаном могло бы обернуться против него самого.

В глазах Сунт-Аграма сверкнула злоба, он тоже понял, на что хотел намекнуть его помощник.

Хинневар однако, стараясь погасить гнев своего хозяина, быстро продолжил:

— Мой господин, ваша дочь в моем присутствии оскорбила его последними словами, обвинив в том, что ему не удалось скрыть от вас утрату ее девственности.

— Вот видишь, — Сунт-Аграм задумчиво потер подбородок, — я об этом совсем забыл. Теперь ее нужно уничтожить первой... Нет, это бессмыслица! Именно киммериец сейчас мой главный враг... Однако постой, ведь это значит, что я пока могу не обращать на нее особого внимания, — злобно рассмеялся он. — Но я не прошу ему, что это сделал с ней именно он. Это должен был сделать я, а не какой-то грязный бродяга!

Сунт-Аграм бешенстве брызгал слюной, и Хинневар прилагал максимум усилий, чтобы не привлекать к себе внимания чародея.

— Ты будешь ждать меня здесь! В подземном лабиринте ты бы мне только мешал. Я сам рас-

правляюсь с ними, а потом вернусь за тобой. И если тебя здесь не будет, тебе конец, — холодно усмехнулся чародей, и его усмешка подействовала на помощника как ледяной душ. — Тогда я отведу тебя в храм Восьмирукого и там ты послужишь... — Усмешка Сунт-Аграма в сочетании с полужакрытыми глазами была ужасна. — Когда-нибудь я, возможно, возьму тебя туда, чтобы научить... — Сунт-Аграм задумался на мгновение. — После этого ты мог бы приносить больше пользы.

Хинневар опустил голову и у него перед глазами всплыл план местности, нарисованный на служившем закладкой листке, на который он когда-то наткнулся, листая книгу Нхараменнон.

* * *

Киммериец шел вперед быстрыми шагами. Странного света, которым был освещен проход, было достаточно для острого зрения северянина. Меч его лежал на плече, он не хотел быть застигнутым врасплох.

Соланна и Ханнаор, не выдерживая темноты, заданный длинными ногами Конана, изо всех сил старались хотя бы не отстать от него.

— Здесь я уже был, — прохрипел задыхающийся Ханнаор, когда они, пройдя узким коридором, оказались у входа в огромную пещеру. — Вон там, — он указал рукой на противоположную сторону пещеры, — происходит Посвящение.

— И что это такое? — Соланна, придерживая одной рукой меч в ножнах, все еще старалась не отстать от Конана.

Гигант остановился у входа, поджидая их.

— Это место, где новички подвергаются испытаниям Посвящения в члены нашего ордена. Кроме нашего бога и жрецов здесь никто не бывал.

— Ты ошибаешься, — с ехидством сказала Соланна. — Здесь побывал Сунт-Аграм.

— Здесь?! — в ужасе выдохнул жрец Ханнаор. — Он бы никогда не осмелился.

— Не осмелился? — усмехнулся Конан. — На свете осталось совсем немного, чего этот негодяй не осмелился бы сделать! Пошли, — он махнул свободной рукой и вышел из прохода.

Успев сделать лишь два шага, Конан резко остановился. Он увидел мчащуюся на него огромную массу вспененной воды.

Молниеносно закинув меч в ножны на спине, он успел оглянуться и заметить, что оба его спутника исчезли. В этот момент ревушая волна обрушилась на него, накрыв с головой. Конан изо всех сил работал руками и ногами, стараясь всплыть на поверхность, но водоворот тянул его вниз, швыряя на стены, от столкновения с которыми на теле оставались рваные царапины. Только благодаря своей феноменальной силе и упорству, ему удалось вынырнуть, и он, откашляваясь и фыркая, пытался избавиться от воды, попавшей ему в легкие. Конану стало ясно, что он стал жертвой очередных козней Сунт-Аграма,

но от этого ему не стало легче. Водный поток продолжал швырять его, подобно тому, как осенний ветер играет с вырванным птичьим перышком.

* * *

Глаза Соланны были в этот момент закрыты, она старалась уловить свежий след Сунт-Аграма. Ханнаор, схватив ее за руку, успел оттащить ее назад в проход. Девушка удивленно взглянула на жреца, лицо которого побелело, как меловые утёсы Кешана.

— По... по... посмотри, — заикаясь, проговорил он, указывая рукой ей за спину.

Соланна вытаращила глаза. Конан находился в пустоте, где-то на половине высоты пещеры. Его руки и ноги мелькали, как мельничные колеса. В одно мгновение он то взлетал к потолку, то оказывался снова у песка, покрывавшего дно пещеры.

— Обойдем вокруг, — прошептал Ханнаор в ухо девушке.

Она кивнула и последовала за жрецом. Быстро вернувшись на последний перекресток, они кинулись в левый проход.

Ханнаор бежал так быстро, что его коричневая сутана развевалась в воздухе. Руки его были расставлены в стороны, чтобы удерживать равновесие на неровном полу коридора, по которому они бежали. На этот раз Ханнаор ни разу не засомневался в выборе направления. Он бежал

все так же быстро, хотя начал уже тяжело дышать. Соланна все время бежала легко, не отставая от него.

— Все, — вдруг прохрипел Ханнаор, остановившись. — Надо передохнуть, иначе мне будет плохо.

Он оперся рукой о стену, склонил на нее лицо и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Прошло немного времени и его дыхание успокоилось.

— Подождите меня здесь, — жрец серьезно взглянул на девушку. — Я не уверен, что ваше присутствие порадует бога Кхоран'дана. Я попытаюсь напомнить ему, что он обещал нам помочь.

Когда Ханнаор исчез за поворотом коридора, Соланна забеспокоилась. Медленно и осторожно она подкралась к повороту и, выглянув из-за угла, стала внимательно наблюдать за тем, что делается в пещере.

* * *

Прямо у входа в пещеру был виден странный прямоугольный алтарь, вырезанный из чистейшего мессентийского мрамора. Высота его превосходила два человеческих роста, ширина — половину роста взрослого человека. Весь он был розовый, полупрозрачный, по бокам покрытый резьбой, а по углам его возвышались четыре столбика из черного камня, поддерживающие своими верхушками светло-голубой балдахин.

Ханнаор осторожно приближался к алтарю, все время тревожно оглядываясь по сторонам, как будто опасался, что внезапно возникший откуда-нибудь меч отрубит ему голову. Но даже если он и вправду этого боялся, он сумел преодолеть свой страх и подошел вплотную к алтарю.

Взобравшись на балдахин, он лег на него сверху, так что голова и ноги его свисали с боков алтаря.

— О, бог мой! — прокричал он в тишине. — О, Кхоран'дан, помоги! Отдаю Тебе свою жизнь! Только для Тебя живу! Только Тебе служу!

«Как примитивно», — мелькнуло в голове Соланны, выглядывавшей из-за угла. «Так общаются только с простейшими морскими богами. Наверное, потому что они слишком молоды?» — решила она, потому что сама общалась с силами, многократно старшими по возрасту.

В пустоте над Ханнаором медленно возникла туманная фигура бога Кореддана. Полное туловище с короткими ногами и четырьмя руками, сложенными на пухлой груди. Нечеловеческое лицо переливалось всеми цветами радуги, на нем отсутствовали и нос, и рот. Вместо них лицо разделяла пополам вертикальная трещина, заканчивающаяся прямо под глазами, которые светились желтым светом. Бог взглянул на своего жреца. Тот открыл рот и пропел призывную мелодию. Кхоран'дан, расставив все четыре руки в стороны, огляделся вокруг, а потом вдруг посинел.

Соланна тихонько вскрикнула. Ничего подобного ей в жизни не приходилось ни видеть, ни слышать.

Из желтых глаз бога засверкали молнии, перекрешиваясь в пустом пространстве подземной пещеры.

— Кто осмелился вступить в пещеру Посвящения? — разнеслось по подземному пространству и отражавшееся от стен пещеры эхо заглушило смысл сказанных слов.

И сквозь весь этот шум Соланна вдруг услышала резкий неприятный смех. Она осмелилась высунуться из-за угла побольше, но ничего особенного не увидела. Рев Кхоран'дана на мгновение утих, но затем возобновился. Теперь он напоминал волчье завывание или вой ветра во время бури на море. Звуки перемешивались, отражались от стен, создавая какую-то фантастическую мелодию. Прикрыв глаза, Соланна увидела, как тонкое магическое кружево колдовства, наложенного Сунт-Аграмом, постепенно разрывается. Внезапно все смолкло.

Бог Кхоран'дан исчез, оставив после себя золотое сияние, окружившее алтарь, на котором лежало неподвижное тело жреца Ханнаора. Его коричневый балахон приобрела оттенок серебра, а тело отливало золотом.

* * *

Конан продолжал бороться с водной стихией. Ему было непонятно, откуда в столь сложном

запутанном лабиринте могло внезапно появиться такое огромное количество воды, но размышлять об этом не было времени. К бешеному напору воды добавилась гроза.

Молнии мелькали над поверхностью воды и под ней. При особенно ослепительных вспышках у него темнело в глазах. Он с ужасом ожидал, когда же очередная молния ударит в него, но этого не происходило. Напротив, казалось, что по каким-то непонятным причинам сверканье молний успокаивает ярость волн. Ему даже удалось приблизиться к стене пещеры и сделать попытку ухватиться за один из выступов в ней.

Глава 25

Золотой жрец

Соланна, стоя у входа в пещеру, следила за мужественным поединком Конана с невидимой стихией. Он плыл по невидимой воде к стене пещеры, но при этом постепенно опускался сверху вниз.

Золотистое сияние вокруг алтаря постепенно гасло. В тот момент, когда оно окончательно исчезло, Конан плыл на высоте около десяти футов. Вот он протянул руку к каменному выступу в стене и крепко ухватился за него. Внезапно его тело повисло в пустоте на пальцах одной руки. Пошарив ногами, он зацепился ими за неровную поверхность скалы и позволил себе оглядеться.

Глаза его расширились от удивления. Он висел почти прямо над алтарем. Чуть дальше, у входа в пещеру стояла Соланна и, подняв голову вверх и раскрыв рот, смотрела на него. От воды, только что заполнявшей пещеру, не осталось и

следа. Конан ухватился второй рукой за другой выступ и начал спускаться вниз. Время от времени он недоверчиво разглядывал стены пещеры, пытаясь отыскать на них следы воды. Стены были сухими.

Через несколько мгновений он спустился на достаточную высоту и спрыгнул, очутившись рядом с Соланной.

Оба кинулись к лежащей на алтаре фигуре.

— Он спас тебе жизнь, — на бегу прокричала Соланна.

Конан кивнул.

Добежав до неподвижно лежащего Ханнаора, Соланна склонилась над ним.

— Мертв? — беспомощно взглянул на нее Конан.

— Нет, — она энергично завертела головой. — он без сознания, но мне очень не нравится этот золотой цвет.

Она дотронулась до щеки жреца и отдернула руку.

— Это золото... — выдохнула она.

— Это невозможно, — недоверчиво покачал головой Конан.

— Попробуй сам, — сердито отрезала девушка.

Огромный киммериец наклонился над неподвижно лежащим телом и осторожно коснулся одним пальцем лица Ханнаора.

— Холодный, — сообщил он. — Но дышит. И кроме того, это не металл, поддается, если нажать.

Соланна снова склонилась над жрецом, ощупывая его лицо, и на ее собственной физиономии выражалось все большее удивление. Потом она решительно сказала:

— Северянин, сними его. Пусть он лежит не на алтаре.

Конан подсунил руки под спину и ноги жреца и поднялся. Точнее, попытался подняться. Его мышцы напряглись так, что казалось могут лопнуть.

— Не получается, — прохрипел он.

Конан ослабил усилие и склонился ниже.

— Его балахон как будто намертво прикреплен к алтарю!

— Так оторви его!

Конан просунул пальцы между золотым телом жреца и серебряной тканью и рванул. Одежда трещала и рвалась как жель. Киммериец порезался и с его руки закапала кровь. На тех местах, где капли крови попадали на балахон, он превращался в обычную материю.

Через несколько мгновений Конан разорвал одежду до конца и, вытащив из нее бесчувственного жреца, положил его на песчаный пол. Тело Ханнаора было совершенно гладким, до высоты груди его покрывала густая зеленая татуировка. В различных вариантах в ней повторялись изображения бога Кхоран'дана и каких-то морских чудовищ.

Соланна попыталась различными способами привести Ханнаора в сознание, но ей это не удавалось.

— Погоди, — Конан положил ей руку на плечо. — Ты заметила, что с этим серебром сделали капли крови? Попробуем-ка и с ним.

Он наклонился над телом жреца и стиснул левой рукой указательный и средний пальцы правой руки, которые несколько минут назад порезал о сутану. Затянувшиеся струпики треснули и несколько капель появившейся крови упали на лицо жреца.

Ханнаор весь вздрогнул, как будто получил удар бичом. Тело его выгнулось дугой, опираясь о землю лишь пятками и затылком. Затем с ужасным скрипом раскрылся рот и из него вырвался рев, за который не было бы стыдно даже зембабвийскому льву.

От мест, на которые упали капли крови, по телу начали расширяться круги, внутри которых золотистый цвет менялся на розовый цвет нормальной человеческой кожи. Жрец бешено дергался и метался, разбрасывая вокруг себя песок. Конан и Соланна на мгновение застыли в нерешительности, не понимая, что делать, затем отскочили в сторону и издали наблюдали за происходящей процедурой, которая, судя по реву, издаваемому несчастным жрецом, была достаточно болезненной.

Как только с поверхности его тела исчезли остатки золота, он успокоился и замер в неподвижности в неглубокой ямке, образовавшейся от его движений.

Соланна вытащила из-за пояса кожаную флягу с водой, подошла к Ханнаору и, открыв ее,

приложила к его судорожно сжатым губам. Несколько капель скатились на подбородок, затем губы раздвинулись, и жрец начал жадно глотать живительную влагу. Он медленно открыл глаза и огляделся вокруг, потом вытер рукой лицо, сметая с него налипший песок.

— Я должен быть мертв, — захрипел он и его руки зашарили вокруг.

Он нащупал песок и это заставило его поднять голову. Казалось, что он только сейчас начал понимать, что лежит не на алтаре.

— Где я? Почему не на алтаре? — его взгляд упал на разорванную серебряную сутану. — Я же принес ему жертву, которую он всегда требует за помощь... Так почему...

Бросив взгляд на себя и увидев, что он лежит раздетый, Ханнаор вскрикнул и сел, стараясь прикрыться руками.

Он испуганно оглядывался вокруг, а покрывающая его тело зеленая татуировка создавала впечатление, что он чем-то болен. Может быть, он и на самом деле был нездоров, особенно если учесть, что ему пришлось пережить. Конан, ухмыляясь во весь рот, расстегнул ремень, на котором его меч крепился на спине, и снял с себя рубашку.

Правда, выглядела она не лучшим образом, была порвана во многих местах, ее поначалу белый цвет сейчас полностью был скрыт под слоем грязи и крови, но жрец набросил ее на себя с видимой радостью. Она закрыла его почти до колен.

— Пора идти, — сказала Соланна, — мы здесь слишком задержались.

Она прошла мимо алтаря, на розовой поверхности которого все еще валялась разорванная серебряная сутана, и направилась к противоположной стене, где было не так светло. Поэтому они заметили небольшой проход в стене только когда подошли совсем близко.

— Об этом никто не знает, — прошептал Ханнаор.

— Кое-кто знает, — Конан указал на полустертые следы, ведущие к проходу.

Следы были похожи на мелкие ямки и вели вдоль стены. Конан, схватив Соланну за плечо, заставил ее остановиться.

— Подожди, — проворчал он, — первым пойду я.

Он вытащил меч и положил обнаженный клинок на плечо, потом чуть наклонил в сторону голову, чтобы освободить из-под клинка прижатую им прядь длинных черных волос, и осторожно шагнул в проход.

Проход был узкий и прямой. Вначале это был естественный туннель, искусственно отделанный для прохода, и тот, кто его отделывал, сделал это очень тщательно.

Конану это показалось подозрительным. Он удвоил свое внимание и подготовился к любой неприятности. Эта осторожность, как и много раз до этого, оправдала себя.

Наверху что-то зашумело, и готовый ко всему киммериец быстро отскочил назад. Часть камен-

ного потолка с грохотом упала на то место, где он только что стоял.

Он внимательно посмотрел под ноги, пытаясь найти на полу ту деталь, которая включала в движение весь механизм. Неподалеку от кончика сапога одна из восьмиугольных плиток, которыми был выложен проход, чуть выдавалась над поверхностью пола. Не слишком высоко, на несколько волосков. Указав своим спутникам на нее кончиком меча, он наступил на плитку. Огромный камень, только что упавший с потолка, почти беззвучно всплыл вверх и встал на свое место, слившись с остальными камнями.

Конан осторожно переступил подозрительную плитку и прошел под опасным местом. Оглянувшись и увидев, что его друзья тоже благополучно миновали эту ловушку, он двинулся дальше.

Проход вел в очередную пещеру. На этот раз видно было, что здесь никто ничего не отделявал. В пещере было влажно и в полутьме поблескивало множество сталактитов и сталагмитов. Некоторые из них были тоненькими, почти прозрачными, другие толщиной с Конана. Тонкие своей длиной не превышали длину руки взрослого человека, толстые доходили до потолка или пола. А иные образовывали колоннады, разделявшие пещеру на несколько отдельных помещений.

— Красота! — выдохнула за спиной киммерийца Соланна.

Сталактиты и сталагмиты были не только разноцветными, белыми, розовыми, синеватыми,

фиолетовыми, ржаво-красными, зелеными, но и почти зеркальными, особенно тонкие, почти прозрачные, которые разбрасывали радужные блики и завесы по всей пещере. Некоторые были полосатыми, другие покрыты пятнами самой разной величины.

— Посмотри, а эти похожи на дворец! А вон тот как лошадь...

Конан повернулся и строго посмотрел на Соланну. Этого было достаточно, чтобы девушка опомнилась. Она прикрыла глаза и осмотрелась.

— Был здесь и не раз. Рискну сказать даже, что он бывал здесь часто. Некоторые следы уже очень старые, другие совсем новые...

— Значит, нужно здесь поискать хорошенько... — решил Конан. — Где-то здесь может быть спрятана кифара.

Он успел сделать два шага вперед, когда под сводами пещеры разнесся крик Соланны:

— Конан, осторожно!

Огромный воин повернулся в ту сторону, куда указывала девушка. Из угла пещеры, наполовину прикрытого несколькими известняковыми колоннами, на него устремилась высокая фигура, за плечами которой развевался синий плащ, покрытый желтыми изогнутыми расширяющимися книзу полосами. Голову человека, выставившего перед собой меч, как будто он собирался насадить на него Конана, как на рогатину, закрывал низко надвинутый капюшон, так что видны были только сверкающие зеленые глаза и раскрытый в беззвучном крике рот.

Конан легко отразил выпад, но скорость, с которой мчался Сунт-Аграм, не позволила ему нанести ответный удар. Чародей, с размаху проскочив мимо него, молниеносно развернулся и приготовился отбить удар Конана.

Отбросив в сторону плащ, Сунт-Аграм остался в плотно облегающем его высокую костлявую фигуру черном трико и высоких сапогах на мягкой подошве. Поверхность трико при каждом движении сверкала разноцветными искорками, что отвлекало внимание противника. Они обменялись с Конаном несколькими ударами, которые без всякого сомнения для обычных противников оказались бы последними. Здесь же оба не получили даже царапин.

Ханнаор и Соланна как вкопанные стояли у входа в пещеру и казалось, что они еще не решились, стоит ли им вмешиваться в битву, развернувшуюся в пещере.

Конан, прогнувшись, пропустил мимо выпад в живот. Используя момент, он ударом сбоку пытался поразить открывшуюся шею Сунт-Аграма. Теперь свою ловкость пришлось демонстрировать чародею.

Он прыгнул, и клинок Конана, просвистев в воздухе над ним, высек из массивного сталагмита пучок искр. В каменной колонне появилась глубокая щель. Испустив бешеный крик, Сунт-Аграм бросился на киммерийца с удвоенной яростью.

Конан отскочил в сторону и укрылся за толстой каменной колонной. Из-за соседнего сталаг-

мита высунулась рука чародея и бросила в него опаловый кубик.

Конан увернулся, но пролетевший мимо кубик, вернувшись по широкой дуге, снова нацелился на голову киммерийца. Лишь молниеносный прыжок за колонну спас его жизнь. Кубик, не сумев резко изменить направление, разбился о лиловатый столб.

Тут наконец в бой вступила Соланна. Заметив ее движение, чародей заорал:

— Непослушная дочь снова выступает против своего отца?! На этот раз ты за это заплатишь жизнью!

— Я не твоя дочь, — злобно проворчала Соланна. — И если бы я знала об этом раньше, ты бы уже не жил. Так что приготовься к смерти, наступил твой последний час!

Чародей хмуро рассмеялся:

— Для этого у тебя не хватит сил. Я совсем недавно держал в руках кифару. Даже вдвоем с этим тупым киммерийцем у вас нет шансов против меня.

Он снова расхохотался, ни на мгновение не спуская глаз со своих противников, поэтому от него не укрылся взгляд, которым девушка обменялась с Конаном.

Он еще раз хрипло засмеялся:

— У вас нет шансов. Никогда и не было, но сейчас просто никаких.

Соланна усмехнулась и, подняв свой легкий меч, бросилась вперед. В это же мгновение то же самое сделал и Конан.

Чародей с диким хохотом уклонялся от их клинков, и некоторое время казалось, что его самоуверенность действительно оправдана. Но тут кончик клинка Конана зацепил его грудь, разрезав сверкающую материю. Удар киммерийца не полностью достиг цели, но клинок, разрезав кожу, перерубил одно из ребер. Показалась струйка крови.

Чародей отскочил на несколько шагов назад и бросил в воздух еще один волшебный кубик.

На этот раз Соланне оказалось достаточно взмахнуть своим мечом и летящий кубик оказался разрезанным на два кусочка, тут же упавшие к ее ногам. Конан даже замер на мгновение, потому что в жизни не видел такого быстрого движения, какое сделала Соланна.

Потом он снова атаковал Сунт-Аграма, Соланна присоединилась к нему. Ее клинок неожиданно изогнулся как змея и обвил левую руку Сунт-Аграма, точно так же как это уже было однажды.

Сунт-Аграм взглянул на меч Соланны с выражением удивления на лице. Казалось, что его рука перевязана серебристой лентой, но, видимо, эта повязка причиняла ему страшную боль, потому что изо рта его вырвался страдальческий хрип.

Кожа на вышедшей из строя руке почернела и сморщилась. Правой рукой он еще сумел отбить удар, нанесенный Конаном, но это движение получилось у него более замедленным и вялым, чем мгновение назад.

Следующий удар киммерийца окончательно достиг цели. Клинок Конана рассек тело чародея от плеча до пояса.

Кровь фонтаном брызнула во все стороны. Киммериец выдернул из тела умирающего свой меч и приготовился к очередной коварной ловушке со стороны Сунт-Аграма. Но ничего не произошло.

Чародей лежал на спине на белоснежном песке. Крови почти не было видно, видимо, она уходила в песок. Он держался обоими руками за разрубленный живот, а прищуренные глаза его непонимающе глядели на левую руку, все еще охваченную волшебным мечом Соланны. Она походила на сухой сучок.

— Это невозможно, — прохрипел он и в горле его забулькало. — Хинневар мне сказал...

Соланна усмехнулась:

— Не все, что видят глаза, было на самом деле...

Чародей закрыл глаза, и на лбу его выступил пот. В пещере прозвучал гулкий удар гонга, и в воздухе появился бог Кхоран'дан. Он возносился в нескольких футах над землей и улыбался.

— Тут как тут, — пробурчал Конан, — а когда нужно...

— Я не смог бы вам помочь, — посерьезнел бог, — у меня совершенно не осталось магических сил. Даже сейчас он еще мог бы меня победить. Кифара помогала ему, а меня делала беспомощным. Слишком долго я не мог на ней сыграть.

— Мы расправились с твоим врагом, мой господин, — упал перед ним на колени Ханнаор, — но где находится кифара, он не сказал.

— Ну, ты-то не слишком активно участвовал в этой расправе, — добродушно пробурчал Кхоран'дан, и его четыре руки переплелись на объемистом животе. — Ну а вы? — повернулся он к обоим воинам. — Вы осквернили мой храм, но я готов вам простить это, если вы скажете мне, где моя кифара.

— Я думаю, — проворчал Конан, — что не стоит задавать ненужных вопросов. Сунт-Аграм мертв, а поскольку мы убили его здесь, в подземелье храма, так у него больше нет шансов снова ожить.

— Есть, — ухмыльнулся Кхоран'дан. — Если бы мы его оставили здесь, так...

— А кроме того, — продолжал Конан, — как я вижу, ты уже знаешь, где спрятана кифара.

— Знаю, — заулыбался Кхоран'дан, — а вы знаете?

Киммериец внимательно посмотрел на бога, возносившегося посередине пещеры. Соланна тихо пробормотала несколько слов и ее меч оторвался от руки мертвого чародея. Потом она взглянула в добрые глаза толстенького бога и улыбнулась.

— Она в этой пещере, — сказала она. — Сунт-Аграм спрятал ее среди тех предметов, которых здесь много. Среди сталактитов или сталагмитов. Вспомни, как он закричал, когда твой меч ударил по одному из них.

Конан обернулся и поглядел на то место.

— Да, может и так, — пробурчал он себе под нос и почесал в затылке, — только из этого я вам кифару не вытащу.

— Но я вытащу, если мне помогут Кхоран'дан и Ханнаор, — решительно сказала Соланна, засунув меч в ножны.

Киммериец отступил назад, чуть не споткнувшись о коленопреклоненного Ханнаора. Сделав еще несколько шагов, он оперся спиной о стену пещеры.

— Жрец, — загремел в пещере голос бога. — Подойди ко мне. Теперь, когда эти двое пришельцев сняли с тебя обет твоего жертвоприношения, ты можешь воспользоваться своими знаниями и поможешь нам.

Они образовали вокруг окаменевшей кифары, которая достигала высоты примерно два человеческих роста, треугольник.

Соланна, набрав побольше воздуха, затянула мелодию, которая была так немелодична, что даже Конан понял это. Языка, на котором произносились слова, он не знал.

Через две фразы к ней присоединился своим гулким голосом Кхоран'дан, который частью подпевал Соланне, а частью начал петь что-то совершенно новое.

Еще через две фразы вступил и жрец Ханнаор. Теперь каждый из них не только пел иную мелодию, но и слова, произносимые ими, были разные. Несмотря на такую мешанину, общее впечатление было ошеломляюще прекрасным.

Конан зачарованно слушал, хотя никогда в жизни музыку и песни особенно не любил. Они пели изо всех сил и эхо, отражаясь от стен пещеры, тоже вплеталось в их пение.

Понемногу лиловатый камень, скрывавший кифару, начал расплываться и сквозь него возник благородный силуэт инструмента, а тонкие сталактиты струн начали таять, превращаясь в золотые нити, которые мелодично зазвенели в такт пению.

Мелодия кончилась внезапно и Кхоран'дан, нагнувшись вперед, схватил кифару, которая стояла на камне, и нежно прижал ее к своей груди. Его взгляд упал на мертвое тело чародея Сунт-Аграма.

Глаза его сузились, и в пещере неожиданно похолодало. Кхоран'дан не мог оторвать глаз от мертвого чародея. Вяло прижав к груди кифару, он начал играть на ней одной рукой. Резкие движения его пальцев извлекали из инструмента неприятные бренчащие звуки.

Конан неподвижно стоял на месте, откуда ему была хорошо видна вся пещера. То, что в ней сейчас происходило, вызывало ужас. Мертвое тело начало подергиваться в ритме, задаваемом завыванием кифары.

Конечности его исполняли кошмарный танец в воздухе, а тело корчилось в ослепительно-белом песке. Мелодия убыстрилась, убыстрились и движения рук и ног чародея. Мышцы напрягались, пальцы судорожно хватали воздух с тихим потрескиванием, о котором Конан позднее ска-

зал, что ему показалось, что это лопается кожа на суставах покойника. В бешеной тряске тело распадалось на части.

Музыка оглушала всех в пещере, притягивала и завораживала. Конану пришлось напрячь волю, чтобы его мускулы не поддались этому внушению.

Соланна чувствовала то же самое. Она присела на корточки, свесив голову, и глубоко запустила пальцы в сухой песок, покрывающий дно пещеры.

Сунт-Аграма, уже разорванного на десяток различных кусков, музыка Кхоран'дана продолжала удерживать в своей власти. Ритмично подергивающиеся куски тела постепенно начали бледнеть и исчезать, их движения становились все более вялыми.

В тот момент, когда исчез последний кусок, Кхоран'дан закончил игру, взяв заключительный аккорд двумя руками.

Соланна подняла голову с прикрытыми глазами.

— Он никогда здесь не был, — прошептала она.

Полная фигура с короткими ногами и четырьмя руками висела в воздухе в центре пещеры. Нечеловеческое лицо бога Кхоран'дана с вертикальной щелью вместо носа, разделяющей его напополам, сияло.

Хотя проверить это было невозможно, Конан был убежден, что бог смеется. Кхоран'дан снова прижал кифару к себе и тремя оставшимися ру-

ками заиграл что-то настолько захватывающее, что у Конана даже пропал аппетит, который уже давно заявлял о себе бурчанием в животе. Он закрыл глаза и перед ним возникло раннее детство. Он перестал воспринимать музыку, видеть, слышать...

Окончив играть, Кхоран'дан сказал:

— Это была моя благодарность вам за то, что вы спасли мою любимую кифару. Эта музыка вылечила все ваши болезни и раны, и, мне кажется даже, что она смогла положительно повлиять на продолжительность вашей жизни.

Глава 26

Долгий путь домой

Воланна, обернувшись, с грустью глядела на город, который оставался у них за спиной. Стены и башни медленно скрывались за невысокими холмами, поросшими хвойными перелесками.

— Я все же с удовольствием бы там осталась. Приближается зима, — она плотнее притянула к телу меховой плащ, — а дорога нам предстоит не ближняя.

Конан пожал плечами:

— Я ведь тебе предлагал, чтобы ты осталась. Тебя что-то тянет назад к королю Сенхору? В качестве дочери Сунт-Аграма...

— В качестве приемной дочери Сунт-Аграма я приняла участие в его уничтожении, — отрезала девушка.

— Так что же, тебя интересует размер награды, которую я ожидаю либо от Сенхора, либо от

принца Йиршанны? Я конечно поделюсь с тобой, даже если ты со мной не поедешь.

— Если мы доберемся до города раньше, чем там станет известно о смерти Сунт-Аграма, никакой награды ждать не потребуется. Его сокровищница позволит тебе купить какое-нибудь небольшое королевство...

— Или несколько раз по-настоящему напиться, — пробурчал про себя Конан и, стиснув колени, погнал своего коня.

— Кроме того, меня интересует, что случилось с Хинневаром, — задумчиво сказала Соланна, вытирая рукой в перчатке влажное лицо. — Исчез из храма, как привидение.

— Может, он и вправду превратился в привидение. Вспомни-ка, что случилось с Сунт-Аграмом...

— Не думаю, — Соланна притянула узду и прищурила один глаз, — жрец Ханнаор выглядел слишком удивленным, когда мы вернулись назад в храм.

— Так что он...

— Посмотрим, — оборвала разговор девушка и погнала коня.

* * *

Позади остались храм бога Кхоран'дана, жрец Ханнаор и его племянник, который приехал на остров с первыми же жрецами, возвращающимися в храм. Позади остался и мертвый чародей Сунт-Аграм.

Они отдохнули в Прандаре, в знакомом трактире, хозяин которого уже не беспокоился, чем ему заплатят оба путешественника. Ведь их присутствие в трактире так повысила посещаемость заведения, что ему пришлось нанять еще двух человек для обслуживания всех посетителей. Он остался недоволен лишь, когда оба всадника после пяти дней отдыха приказали приготовить свой багаж к отъезду. Не только на его лице было видно уныние, но и красавица Шарья проплакала почти всю ночь после их отъезда. До этого момента у нее не оставалось времени на это. Днем и вечером она должна была разносить еду и питье, а ночью заботилась о своем самом важном госте.

* * *

— В каком направлении поедем? — Соланна повернула лицо, выглядывающее из-под капюшона, к Конану. — Будем возвращаться по той же дороге, по какой мы сюда приехали?

— Нет, — Конан так резко качнул головой, что его длинные черные волосы взлетели в воздух. — Поедем южнее. Наступившая осень уже наверное так испортила северную дорогу, что мы либо просто не сможем по ней проехать, либо очень сильно задержимся в пути из-за грязи. Поедем в Даити, а потом в направлении на Хараки.

— Но это же пустыня! — удивленно вытаращила глаза Соланна.

— Зато там теплее, и не будет проблем с дорогой.

* * *

Кони послушно покинули саванну, поросшую кустарником, низкорослыми деревьями и высокой травой, и продолжили свой путь по длинным низким продолговатым дюнам. Осенние ветры уплотнили песок, а нередкие осенние дожди его скрепили еще больше, так что копыта коней почти не проваливались в него. Конан вполглаза следил за тем, идет ли подручная лошадь точно по следам его собственного статного жеребца.

Погода стояла сухая и теплая и Соланна давно уже отбросила капюшон своего плаща за голову. Она вела себя как ребенок, который впервые в жизни выехал на прогулку и радуется тому, что видит вещи, с которыми до сих пор не встречался.

— Что это? — прокричала она Конану с вершины одной из дюн, указывая куда-то вперед.

Он поднял голову и посмотрел маленькое мутное солнце, которому, как ни удивительно, пока еще хватало сил для того, чтобы поддерживать нормальную температуру.

Тронув коня, он подъехал к Соланне и посмотрел в ту сторону, куда она указывала. Предмет был далеко, а теплый воздух дрожал над песком, так что было непросто определить, о чем идет речь.

— Похоже на табор кочевников. Наверное, какое-нибудь племя, — он задумчиво покачал головой. — Но здесь им нечего делать. Никакого оазиса не видно, и шатры поставлены прямо у караванной тропы. Нужно быть осторожными.

Они съехали с дюны на тропу, и Конан двинулся в том же направлении, куда они и ехали, но по большой дуге объезжая табор. Три коня пробирались между дюнами и киммериец из осторожности не въезжал на их вершины. Когда ему показалось, что по его расчетам они уже достаточно удалились от подозрительно расположенного табора, он направился снова к караванной тропе. Он низко склонился к шее коня, когда длинная черная стрела, неожиданно просвистев рядом с его головой, вонзилась в дюну перед ним и этим вызвала небольшой водопад песка. Конан мгновенно выпрямился и огляделся.

Они были окружены всадниками в черных бурнусах, на головах у них были тюрбаны того же цвета, нижнюю часть лица закрывали платки огненно-красного цвета. Один из всадников, сидящий на вороном коне, шерсть которого отличала стальным блеском, поднял руку.

— Почему путник объезжает лагерь Рувендиев и не желает отдать учтивый поклон Керивену? Тому, кто владеет целым светом?

Голубые глаза Конана превратились в узкие щелки. Но затем он ответил звучным голосом:

— Рад встретиться с почтенным Керивеном. Я не хотел утруждать его присутствием двух столь незначительных путников.

— Придется задержаться? — шепнула Соланна.

— Наверное, придется, — презрительно пожал плечами огромный воин. — Это не обычное приглашение. Видимо, они уже долгое время следили за нами. Поедем, — сказал он вполголоса и тронул коня в сторону вождя черных всадников.

* * *

— Керивен, — произнес толстый коротышка, который расположился на большой подушке, лежащей на полу большого шатра из белой ткани, — если это он, то за его голову я заплачу тебе значительно больше, чем ты обычно получаешь за дела подобного рода. Советник нашего короля Сенхора Сунт-Аграм хочет получить эту голову.

Широкий пояс перетягивал его плотный красный кафтан, из просторных рукавов которого торчали маленькие потные ручки. В виде исключения на пальцах Авенадора не было видно никаких перстней, да и кафтан его не блистал украшениями.

— Сколько я получу за его голову? — старик, сидящий на скрещенных ногах, погладил длинную седую бороду.

Его худое жилистое смуглое лицо не выражало ничего, и в голосе его звучало безразличие.

Авенадор задумался. В уме он быстро оценивал, сколько он сможет потребовать за голову

Конана от Сунт-Аграма или Сенхора. Наконец он решился.

— Если я получу его хорошо засоленную голову, будем считать, что ты заплатил мне за ту партию оружия, которую я тебе привез, — произнес он и внимательно взглянул на собеседника.

На его бритой голове выступили мелкие капельки пота.

— Но должен тебя предупредить, Керивен, что это великий воин, лучший полководец нашего королевства. Пусть твои люди хорошенько подготовятся.

Старик презрительно усмехнулся:

— Если бы я был на несколько весен моложе, я бы справился с ним сам. Но сейчас мне придется приказать сделать это другому. Но я учту твой совет.

Глава 27

Тени в пустыне

Когда они приблизились к табору, Конану стало окончательно ясно, что происходит что-то очень и очень неладное. «Либо племя на тропе войны, либо...» — подумал он, быстрым взглядом определив, что все обитатели лагеря исключительно мужчины.

— Отдохни в гостевом шатре, пока не придет время для твоего посещения шатра почтенного Керивена, — негромко произнес вождь, остановившись у одного из шатров.

Киммериец и Соланна сошли с коней.

— А теперь отдайте мне свои мечи. В нашем лагере не принято, чтобы...

— ... пленники имели у себя оружие, — продолжил Конан, увидев как ситуация мгновенно изменилась. — Это не приглашение, это оскорбление! — заорал он и выхватил меч из ножен.

Вокруг них стояло около двадцати мужчин с мечами и, кроме них, еще по меньшей мере десять всадников.

Конан рубанул мечом вправо и сразу после этого влево, расчистив себе дорогу. Соланна мгновенно последовала за ним. Киммериец кинулся в самую гущу толпы, сжимая в одной руке меч, а в другой узду своего коня. Отпустить узду для него сейчас означало распрощаться с последней надеждой на спасение.

Он прорвал кольцо, окружавшее его и влетел в ближайший шатер. Соланна прикрывала его сзади. Они пробежали через шатер, рассыпая удары во все стороны.

Пробравшись таким образом через несколько шатров, они оказались перед большим шатром, раскрашенным в красный и синий цвета. Конан ворвался внутрь и на мгновение застыл от изумления. На земле, на высоких подушках сидели два человека, один смуглый и тощий, можно даже сказать исхудалый старик, а напротив него толстый коротышка.

Глаза Конана налились кровью.

— Так это ты, Авенадор, позаботился о моем «приглашении»! Получи же мою благодарность за это!

Прежде чем кто-либо успел двинуться с места, одним быстрым движением меча Конан срубил термезанскому торговцу голову. Отлетев в сторону, она мягко упала на густой белый ковер. Богатое убранство шатра окропил брызнувший фонтан крови. Соланна мгновенно поняла,

кто таков этот другой человек в шатре. Бросив узду своего коня, которую она до сих пор сжимала так же крепко, как и Конан, она двумя прыжками оказалась возле окаменевшего вождя и приставила лезвие своего меча к старческой морщинистой шее.

Воины, ворвавшиеся внутрь шатра вслед за ними, замерли, как будто их кто-то заколдовал. Руки с занесенными мечами опустились, а на вспотевших лицах у всех появилось одно выражение — ужаса.

— Если кто-нибудь двинется, Керивен больше никогда не сможет похвалить вас за ваши геройские подвиги, — тихо прошипел Конан, но в шатре стояла такая тишина, что все ясно услышали сказанное. — Пусть все покинут шатер. Эту пададь можете взять с собой, — он кивнул в сторону обезглавленного трупа. — Можешь отпустить его, он не будет делать глупостей, — улыбнулся он все еще неподвижно сидящему вождю.

Тот смог лишь утвердительно кивнуть головой. Соланна убрала меч и села на подушку возле старика. Конан последовал ее примеру.

— Теперь мы поторгнемся, Керивен. Так во сколько ты оцениваешь свою жизнь?

— Ты уже отнял у меня жизни моих людей, — отрезал старый вождь. — Может быть, этого достаточно?

— Об этом мы поговорим чуть позже, — ответил Конан. — А сейчас речь идет о твоей жизни. О вероломности, с которой вы нарушили тради-

ции гостеприимства вашего племени, мы тоже поговорим потом. Сейчас я хочу слышать твою цену. И, надеюсь, она не слишком отличается от того, что думаю я, — холодно улыбнулся огромный киммериец.

— Двести туранских золотых, — быстро сказал испуганный вождь, до которого только сейчас дошло, что он находится полностью во власти Конана.

— Ну, для ровного счета пятьсот, — поправил его Конан, и старик осмелился лишь снова утвердительно кивнуть. — А теперь сколько за то, чтобы я забыл о нападении на гостя? Думаю, что если другие племена узнают об этом, то почтенный Керивен да и все его племя долго не задержатся на этом свете. Так ведь? — обратился он к неподвижно сидящей Соланне.

— Скорее всего, так и случится, — кивнула Соланна, опершись локтями о колени.

— Пять тысяч, — рявкнул Конан.

Керивен заломил поднятые вверх руки:

— У меня нет столько денег.

— Есть. Ты получил целую партию оружия бесплатно. Правда, у тебя возникнут трудности с объяснениями смерти Авенадора, но это твои проблемы. Я думаю, мы договорились. Сейчас ты мне отдашь деньги, и мы сразу уедем. А чтобы тебе ненароком не пришло в голову что-нибудь неподходящее, проедешь немного с нами. И для твоих старых костей будет полезно.

Керивен продолжал некоторое время сидеть с заломленными руками, вытаращив глаза. Потом

наконец, потянувшись к центральному шесту шатра, снял висевший на нем костяной свисток и свистнул в него.

Внутрь шатра вбежал мощный воин и поклонился, видя, что все трое спокойно сидят на подушках.

— Лодсор, открой сундук и вынь оттуда приготовленные деньги. Отдай их этому отважному воину, который спас нас от мошенничества торговца. Мы чуть не купили партию испорченного оружия.

Конану понравилась изобретательность старика. Он с каменным лицом принял объемистый мешок и уложил его в седельную сумку своего коня.

Затем все трое отправились на прогулку по окрестностям в направлении, которое совершенно случайно совпало с тем, куда собирались ехать Конан и Соланна.

* * *

Через три дня езды по пустыне Соланну уже начало утомлять однообразие местности. Она старалась хотя бы глазами найти в окрестностях что-либо, не похожее на дюны и песок.

— Посмотри, — указала она рукой влево от дороги, по которой они ехали. — Там что-то есть.

— Какой-то покинутый город или поселок, — махнул рукой Конан, — который засыпали пески.

— Поедем посмотрим, — восторженно вскрикнула девушка. — Наверное, это город, я вижу стены.

— Ну и что мы там увидим, — с сомнением покачал головой Конан. — Ничего там уже не осталось. Город хорошо виден с караванной тропы, так что его давно уже разграбили. Мы только потеряем время, да проедем лишний путь.

— Но мы же не спешим, — Соланна умоляюще смотрела на него своими зелеными глазами, так что Конан не смог устоять.

— Ну вот, всегда так, — пробурчал он и повернул коня к городу.

* * *

Город, а это был именно город, приближался понемногу. Его стены вырастали все выше и оказалось, что они вовсе не разрушены, как виделось издали. Конечно, кое-где необходим был ремонт, но, в общем, укрепления выглядели достаточно грозно. Исключение составляли городские ворота. Их вообще не было, на их месте в стене зиял огромный пролом. Конану это показалось странным, но Соланна твердила, что им ничто не может грозить, и старалась выглядеть мужественной. Видно было, что ее снедает любопытство.

Они въехали внутрь города и сразу же оказались в фантастическом переплетении узких и кривых улочек. Дома выглядели более ветхими, чем городские стены, и многие из них готовы

были рухнуть в любой момент. Конан и Соланна держались середины улицы, но в случае падения какого-нибудь строения, им бы это вряд ли помогло спастись, ибо ширина улицы была явно недостаточна.

— Может, лучше уедем отсюда? — вдруг неожиданно спросила Соланна, испуганно оглядываясь вокруг.

— Сейчас, когда близится вечер, а мы потратили на этот крюк почти полдня? — усмехнулся Конан. — Нет, будем искать дом, годный для жилья. Хотя бы выспимся сегодня под крышей над головой.

Соланна, сделав вид, что успокоилась, последовала за Конаном.

Безошибочный инстинкт киммерийца к ориентации на местности привел их на квадратную площадь, образованную дворцами из серого камня, которые находились в разной степени разрушения.

Угол площади слева от них занимала темная и хмурая масса какого-то храма. Высокое квадратное здание венчала плоская крыша с куполом посередине. Всю крышу вокруг купола украшало бесчисленное количество башенок. Она была просто усеяна ими.

— Это бессмысленно, — покачала головой Соланна, с интересом глядя на храм, — это совершенно бессмысленно...

— Множество всевозможных культов создают вокруг себя тайну тем, что действия их жрецов бессмысленны, — пробурчал Конан, который ве-

рил в единственного бога, да и то не слишком. Бог Кром, однако, никогда никому не помогал, и, кроме того, был мстительным богом, которого было нужно чуть-чуть опережать, и все. Как истинный киммериец, Конан верил скорее в силу своего меча, чем в божественную силу.

Соланна с этой минуты держалась поблизости от него. Начало медленно темнеть. Конан выбрал дворец недалеко от храма, у которого еще сохранилась часть плоской крыши. Остальные здания вокруг, как он быстро убедился, этой роскошью уже не обладали.

* * *

— Похоже, что дождя сегодня не будет, — Соланна, сидя на коне, потянулась, — но так приятно снова спать под крышей.

Найдя комнату, отвечающую их нехитрым потребностям, они распаковали вещи, необходимые для ночевки.

Девушка завернулась в два шерстяных одеяла и, едва закрыв глаза, уснула. Конан подошел к тому, что когда-то было окном. Он выглянул наружу и увидел, как на небе над темным куполом храма поднимается круглая луна.

Снаружи было тихо. Продувающий улицу слабый и тихий ветерок едва слышно перекачивал отдельные песчинки, которые за эти годы засыпали городские улицы. Тихий шелестящий звук успокаивал нервы, и киммериец, который с юных лет привык не доверять незнакомым мес-

там, начал расслабляться. Напряжение, с которым он вслушивался и вглядывался в темноту, понемногу исчезало.

Он подсел к спящей на полу девушке. Нагретые половицы отдавали тепло, полученное за день от солнечных лучей. Широкие окна, больше похожие на зияющие дыры, пропускали внутрь лунный свет, в котором было видно как днем. Могучий воин ленивым движением завернулся в одеяло и закрыл глаза. Он уснул быстро, но его чувства никогда полностью не теряли связи с реальностью. Дикарь, дремлющий в нем, иногда просыпался и прорывался наружу сквозь ту тонкую скорлупу цивилизованности, которую он приобрел на службе у многочисленных аристократов и королей.

Именно поэтому легкий звук, донесшийся с площади, мгновенно разбудил его. Осторожно вытащив меч из ножен, Конан тихо положил его на пол рядом с собой.

Выскользнув из-под одеяла, он бросил взгляд за окно и, убедившись, что время где-то около полуночи, медленно пополз вдоль стены, отбрасывающей густую тень. Кто бы ни находился за окном, он не мог заметить, что киммериец проснулся. Гигант замер у оконного проема, тесно прижавшись к стене.

Он быстро обшарил глазами площадь, на ней нигде ничто не двигалось. Звук раздался слева, именно в той стороне у него был лучший обзор. И все же, даже напрягая свои рысьи глаза, ничего подозрительного он не увидел. Он уже со-

брался вернуться к своей постели, когда заметил какое-то движение в глубокой тени, которую отбрасывал храм. На его крыше что-то двинулось, медленно и осторожно перемещаясь к краю...

В соседней комнате встревоженно ударил копытом конь, другой нервно фыркнул. От этих звуков проснулась и села в своей постели Соланна. Несмотря на то, что ее движение было быстрым, оно почти не произвело шума. Но и этого хватило для того, чтобы шорох снаружи прекратился. Конан осторожно повернул голову к девушке и сердито взглянул на нее. Она увидев, как бешено сверкают его голубые глаза из-под длинных черных волос, осторожно выбралась из-под одеяла и тоже вытащила меч. Киммериец жестом приказал ей, чтобы она оставалась на месте. Девушка опустила на корточки, положив меч на колени, и стала ждать.

Из башенок, торчащих на крыше храма, выползало нечто почти невидимое. Выглядело это, как клубящиеся клочки тумана, и так же незаметно как туман оно двигалось. Конан пытался вглядеться, но обманчивый лунный свет не позволял ему разглядеть подробности. Киммериец принял какое-то решение и осторожно, мягкими скользящими шагами пробрался мимо окна к двери, через которую они вошли во дворец. Дыхание за его спиной свидетельствовало, что Соланна последовала за ним. Он снова остановился у каменного дверного косяка так, чтобы оставаться в тени, хотя не был уверен, что эти неведомые существа его не заметили.

Первые из них уже добрались до края крыши и стекали вниз по стенам храма, как липкое варево. Теперь они выглядели, как движущиеся туманные столбики. Соланна, которая наконец тоже увидела их, со свистом втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Это был единственный звук, который исходил с места, где они стояли, но этого оказалось достаточно. Туманные силуэты резко убыстрили свои движения. Их сползло все больше и больше по потрескавшейся от времени каменной стене. Первые уже были на улице и ползли по направлению к зданию, из которого слышали странные звуки.

Конан шире расставил ноги, готовясь к бою. Он знал, что будет биться, пока не погибнет. Соланна проскользнула мимо него на другую сторону дверного проема. Оба они были в напряжении и невольно сдерживали дыхание. Девушка не выдержала первая и с шумом выдохнула воздух. Еще одна группа полупрозрачных существ доползла по стене храма до земли. Конану показалось, что он услышал тихий плеск, как будто крупные капли дождя упали в лужу. Но может быть, это только ему послышалось. Туманные силуэты медленно и хаотически расползались по площади. Казалось, что они не поняли, откуда донеслись подозрительные звуки, либо это их не интересовало. Но вот первые из них стали приближаться к их полуразрушенному дворцу.

— Здесь или снаружи? — прошипела Соланна, прижав щеку к холодной стали меча, положенного, как и у Конана, на плечо.

— Если их удастся убить, то снаружи, — прошептал киммериец. — Похоже, что они не слишком быстрые. На открытом пространстве это можно использовать.

В этот момент в соседнем помещении затопал конь, а другой, заржав в ответ, начал биться. Это испугало первого, и он тоже забился, стараясь сорваться с привязи. Конан и Соланна взглянули друг на друга и кинулись к коням. Киммериец молниеносно отвязал своего и вскочил в седло. Не обращая внимания на то, удалось ли Соланне сделать то же, он резко развернулся к дверям и, наклонив голову, чтобы не удариться о каменный косяк, проехал в комнату, где они спали.

Конь отчего-то упирался и не хотел выходить наружу, но, почувствовав крепкую руку хозяина, подчинился. Едва успев низко наклониться, чтобы не задеть головой проем входной двери, Конан галопом вылетел на площадь и повернул к храму, где виднелось больше туманных клочков. Промчавшись рядом с двумя из них, Конан взмахнул мечом. Лезвие легко прошло сквозь почти невидимое тело, не причинив никакого вреда странному существу. По крайней мере этого не было видно. Теперь киммериец пытался маневрировать так, чтобы держаться подальше от больших групп существ.

Услышав за собой болезненный вскрик, он повернул коня и помчался назад. Его меч свистел в ночной темноте, безуспешно пытаясь отогнать эти странные существа.

К нему подскакала побледневшая Соланна:

— Будь осторожен. Посмотри, что случилось, когда один из них коснулся меня, — и она показала на кровавое пятно, расплзающееся по ее бедру.

Штанина была прорвана так ровно, словно ее разрезали каким-то неведомым инструментом. Под ней на коже виднелась глубокая рана, из которой сочилась кровь. Конан окинул все это одним взглядом.

— Исчезаем отсюда! — крикнул он.

— И оставим все вещи?

— Вернемся сюда днем, — киммериец уже поворачивал своего коня в сторону городских ворот.

Однако из всех улочек на площадь ползли туманные силуэты и их становилось все больше.

— В другую сторону! — махнула Соланна рукой.

Ее короткие светлые волосы в лунном свете казались седыми. На лезвии ее меча блеснул свет ночного светила. Конан взглянул на нее с удовольствием, хотя для этого был не совсем подходящий момент. Сжав коленями своего коня, она пустила его в карьер.

Конан успел заметить, как в этот момент один из туманных призраков успел прикоснуться к шее ее коня. У того подломились передние ноги и Соланна по высокой дуге вылетела из седла. Она успела бросить меч и собраться в комочек, поэтому ее падение на мостовую, мощеную камнем, не было смертельным. Однако под-

няться ей удалось с большим усилием. В эту же секунду рядом оказался Конан. Склонившись к ней прямо с седла, он ухватил ее за протянутую руку. Девушка птицей взлетела вверх и, оказавшись за спиной огромного киммерийца, крепко уцепилась за его пояс, чтобы не упасть при резких поворотах его коня. Конан чувствовал ее лицо, прижавшееся к его спине.

Он пытался маневрировать между группами туманных призраков, которые хотя и не способны были состязаться в скорости с его конем, но их количество непрерывно возрастало, так что становилось все труднее уворачиваться от них.

— Попробуй укрыться в храме! — крикнула Соланна ему в ухо.

Он, не отвечая, кивнул головой. При резких поворотах подковы бешено мчащегося коня скрежетали по мостовой, рассыпая искры, но иначе все события развивались в полной тишине. Конан, напряженно вглядываясь в темноту широко открытыми глазами, пытался найти свободный путь к дверям храма. Не впервые ему приходилось хватать тигра за хвост, чтобы благополучно выбраться из ситуаций, в которые он попадал.

Огромные двери храма были выкованы из темного металла. Оставалось только удивляться, что обитатели пустыни, наверняка посещавшие брошенный город, еще не украли такую ценность. Левая створка дверей была приоткрыта. Повинуясь натянутой узде, конь взбежал вверх по двум десяткам широких ступеней, ведущих к храму. Конан оглянулся, то же сделала и Солан-

на. Они с ужасом увидели, что вся площадь была полна туманных клочков, облитых неподвижным лунным светом. Медленно, но неумолимо призраки двигались по направлению к храму.

Конь заупряился и не слушался Конана, ему не хотелось входить в двери темного храма. Он уперся копытами в пол, опустив голову между ног. Только когда Конан натянул узду так, что шея коня выгнулась дугой, животное внезапно, словно по мановению волшебной палочки, успокоилось и нерешительно вступило внутрь храма.

За дверями было не так темно, как они думали и как казалось снаружи. На высоте двойного человеческого роста вдоль каменной стены тянулась светящаяся полоса шириной ладони в три. Она испускала столько света, что было видно лучше, чем снаружи.

— Выглядит как в подземелье Кореддана, — сказала Соланна.

Киммериец огляделся и ослабил узду. Конь тут же остановился и Конан соскочил с него. Соланна съехала на пол с другой стороны.

Внутреннее пространство храма было разделено на несколько частей каменными колоннами, поддерживающими плоский потолок. Далеко в глубине помещения потолок переходил в купол, под которым видна была гигантская статуя из белого камня. Фигуру на постаменте закрывал синий плащ, спереди расходящийся. Верхушка статуи почти касалась купола. Она изображала человеческую фигуру с восемью руками, в каж-

дой из которых находился какой-то предмет. Из одной свешивался скрученный канат, в другой сверкал меч, в следующей что-то напоминающее скрещенные клинки. Четвертая была сжата в кулак, пятая держала за длинные волосы человеческую голову. Копье, которое сжимала шестая рука, угрожающе нацеливалось на каждого входящего. Это производило неприятное впечатление, человек пугался, не успевая понять, что это всего лишь статуя.

То же случилось и с Соланной. Она отскочила назад и опомнилась, лишь ударившись локтем о конскую шею. Седьмая и восьмая руки статуи поддерживали снизу большой металлический шар, из которого торчали во все стороны длинные шипы.

— Что это? — тихо спросил Конан, с трудом оторвав глаза от статуи.

— Проси Кореддана, чтобы это оказалось не тем, о чем я думаю, — Соланна опустила голову вниз, разглядывая плитки, украшающие пол.

— Не говори загадками! — рявкнул Конан.

— Мне кажется, откуда пришел Сунт-Аграм, — прошептала девушка. — Он учился здесь, а потом сбежал отсюда... Или его выгнали... Я не знаю.

Конан внимательнее взгляделся в статую, и ему показалось, что лицо ее напоминает своими чертами теперь уже мертвого чародея.

Конь Конана стоял неподвижно, словно заколдованный. С того момента, как всадники сошли с него, он даже не пошевелился.

Внезапно по храму раскатился скрипящий смех, подобный карканью ворона. Киммериец бросил взгляд на девушку, которая стояла с раскрытым ртом, глядя на статую. Смех издавала не она.

— Теперь вы в моей власти, — проскрежетал голос.

Конан повернулся на звук.

Между ног статуи виднелась высокая тощая фигура с длинными волосами, закутанная в голубой плащ, подобный тому, какой был на статуе. Только сверху вниз на нем змеились расширяющиеся книзу желтые полосы. Огромному киммерийцу показалось, что против него снова стоит оживший Сунт-Аграм. Он шагнул вперед, держа меч перед собой лезвием вверх. Эти несколько шагов приблизили его к чародею, все еще неподвижно стоящему между ног статуи, и только теперь

Конан узнал в нем Хинневара. Острый профиль ученика чародея был усеян багровыми пятнами, глаза его светились в ночном полумраке. Он медленно поднял руки вверх, разведя их в стороны, и широкие рукава его плаща распахнулись, как крылья ночной птицы. Он раскрыл рот.

— Он во власти Восьмирукого, — внезапно воскликнула Соланна.

Потом, выкрикнув что-то непонятное, она кинулась вперед. В ее руке блеснул тонкий длинный кинжал. Девушка мчалась, как испуганная лань. Конан оглянулся и увидел полупро-

зрачные тени, медленно струящиеся от входа. Гигант бросился за Соланной, опередившей его шагов на двадцать. Он слышал за собой странное шуршание, но времени оглядываться уже не было, потому что из руки Хинневара вылетел огненный шар.

В то же мгновение руку Соланны покинул кинжал, ее единственное оружие. Оба предмета, столкнувшись в воздухе, взорвались со страшным грохотом, после которого в храме наступила тишина.

Огненный шар при столкновении расплавил кинжал, превратив его в длинную раскаленную каплю, которая продолжала лететь в прежнем направлении и вонзилась в грудь Хинневара. Его одеяние вспыхнуло и прежде чем ученик чародея успел сделать что-нибудь, подбежавший Конан, размахнувшись, нанес удар мечом. Лезвие меча просвистело в воздухе мимо чародея, которому удалось в последнее мгновение сделать шаг назад, и с оглушительным звоном врезалось в основание статуи.

Хинневар выставил перед собой руку, вокруг которой загорелись языки голубого пламени. В призрачном сиянии, излучаемом светящейся полосой на стене храма, его костлявая рука превратилась в блестящее лезвие меча, которым он отразил следующий удар Конана. Мечи со звоном скрестились, разбрасывая во все стороны искры.

На месте другой руки чародея возникло лезвие второго меча. Обе руки теперь со свистом

разрезали воздух, и Конан едва успевал уклоняться и отбиваться от их непрерывных ударов.

— Конан! — зазвучал в храме отчаянный выкрик Соланны.

Эхо ее голоса еще металось, отражаясь от стен храма, когда могучий киммериец, отразив сильный удар левой руки чародея, упал на колени, пропуская над собой удар правой руки, и вонзил острие своего меча снизу в незащищенный живот Хинневара. Чародей закинул вверх голову и завыл, бессильно уронив оба меча, которые начали медленно превращаться из металлических клинков в обычные руки. Он прижал их к ране в животе, опустился на колени и, наклонившись вперед, рухнул лицом на пол. Конан молниеносно обернулся и увидел ползущую к нему Соланну, к спине которой припали сразу три полупрозрачных чудовища. Ее одежда расплзалась прямо на глазах. С нечеловеческим усилием девушка приподнялась, сбросив с себя призраки, и на четвереньках поползла к статуе.

— Нужно уничтожить...

Конан, поняв, что она хотела сказать, обернулся к статуе и вонзил в нее свой меч. Удар высек несколько больших фиолетовых искр и под коленом статуи появилась большая трещина. Конан рубил, стараясь попадать в одно и то же место, с упорством, свойственным киммерийским горцам. Мускулы на его руках и животе напрягались, вздуваясь как клубки змей. Пот стекал не только по лицу, но и по всему телу. Трещина на статуе увеличивалась.

При очередном замахе он случайно взглянул вверх и на мгновение застыл. Рука статуи, сжимающая копье, за то время, пока Конан рубил статую, согнулась, и острие копья теперь было направлено на врага. И другие руки медленно готовились к обороне. Могучий воин решил не обращать внимания на угрозы, исходящие от статуи, и продолжил свое разрушительное дело. Через несколько мгновений нога статуи подломилась, и та рухнула лицом вниз.

Гигантское металлическое копье врезалось в пол храма в шаге от Конана. Удар был нанесен с такой силой, что наконечник копья, который оказался величиной с Конана, почти полностью погрузился в пол.

Киммериец вспрыгнул на спину лежащей статуи и, пробежав вдоль нее, остановился там, где спина переходила в шею. Навстречу ему на голову статуи всползала Соланна. Ее одежда кусками свисала с нее, из рук и спины текла кровь, оставляя за ней кровавые следы.

— Бей сюда, — бессильно выдохнула девушка, положив руку на основание черепа статуи.

Когда она убрала руку, на том месте осталось кровавое пятно. Конан, широко расставив ноги, крепко сжал меч обеими руками и, высоко замахнувшись, изо все сил вонзил его в окровавленную отметку. Он ждал, что меч войдет с трудом или вообще отскочит от камня. Однако лезвие меча легко погрузилось внутрь. Статуя как бы нехотя, но сильно вздрогнула. Соланна, потеряв последние силы, соскользнула на пол, а у

Конана подломились ноги и он скатился вниз. Несмотря на то, что падение получилось не слишком удачным, киммериец, как кошка, перевернулся на четвереньки, вскочил и снова вскарабкался наверх.

Схватившись за рукоятку меча, он попытался выдернуть его. Но меч не двигался, он навечно застыл в шее, как будто его вытесал неизвестный мастер, сотворивший этого бога.

Конан растерянно оглянулся и замер. Храм был пуст, в нем не было видно ни одного из тех прозрачных существ, которые еще несколько минут назад заполняли помещение. Соланна лежала без чувств на полу возле головы статуи. Конан устало слез вниз и склонился над ней. Он хотел поднять ее, но не успел сделать ничего. Раскрыв в изумлении глаза он смотрел, как раны девушки исцеляются прямо на глазах. Кольцеобразные ожоги затягивались бледно-розовой свежей кожей, и спустя несколько минут лишь пятна различного цвета на коже показывали, где находились раны.

Веки Соланны дрогнули, она приходила в себя. Конан отступил на шаг назад, не зная точно, не произойдет ли еще чего-то удивительного. Зеленые глаза девушки, приоткрывшись, смотрели вокруг с бессмысленным выражением новорожденного, который не знает, где он оказался, и вообще этот свет ему совсем не нравится.

Спустя некоторое время в них появилось воспоминание того, что здесь недавно произошло, и Соланна вскочила, издав болезненный крик. Ви-

димо, хотя снаружи ее раны уже исцелились, внутри этот процесс шел не так быстро.

— Он мертв? — крикнула она.

— Кто? — не понял Конан.

Соланна указала на статую.

— А был жив? — Конан удивленно поднял левую бровь и растерянно взъерошил волосы.

— Был, — кивнула девушка, болезненно скривившись от резкого движения. — Это он оживлял эти тени. Они служили ему.

— Хинневар тоже был тенью?

— Нет, — на этот раз она осторожно покачала головой. — Сунт-Аграм здесь учился. Когда-то... Я тебе уже говорила... И Хинневара научил кое-чему, что умел сам... А сейчас он сам овладел им.

— Вот почему нас сюда так тянуло, — медленно кивнул Конан. — Он хотел отомстить нам. И ему это едва не удалось.

— Я не знаю, — опять покачала головой Соланна. — Но он, — она указала на статую, — был живой. Не так, как все люди, но в нем была жизнь. Я не знаю, как это объяснить, но...

— Да, ладно, — махнул рукой Конан. — Важно, что теперь нас уже больше никто не разбуждает.

Они вышли из храма. Конан вел за собой коня, который все это время неподвижно простоял на том месте, где они оба с него соскочили. Киммериец оглядел пустую площадь.

— Посмотри, — испуганно вскрикнула Соланна, указывая пальцем на обглоданный конский

скелет, чьи белые кости поблескивали в лунном свете.

— Ну и что, — пожал плечами Конан, — наверное, призраки были голодны. Для нас сейчас важнее, забрались ли эти твари во дворец, потому что в этом случае нам придется добираться до ближайшего города на одном коне.

Песок скрипел у них под ногами, и свист ветра снова заглушал все звуки ночного города. Из дворца, где они спали, раздалось бешеное ржание и топот копыт разъяренного коня.

— Не забрались, — довольно улыбнулся Конан.

Глава 28

Конец короля

Конан стоял с опущенной головой, стараясь ничем не обнаружить охвативший его гнев. Упершись взглядом в каменный пол, он молча смотрел на черно-белый узор, образованный плитами. Конана трясло от злости, но его король Сенхор был разъярен до такой степени, что Конану даже не хотелось поднимать голову, чтобы посмотреть, нехватила ли старого короля кондрашка. Он представил себе, что обычный багровый цвет королевского лица наверное сейчас превратился в лиловый.

В тронном зале было холодно. Толстые каменные стены не пропускали наружного тепла даже в жаркие летние дни. Теперь, когда снаружи была зимняя слякоть, было еще хуже. Длинные боковые стены зала обрамляли два ряда массивных каменных колонн. Их подножия покрывала резьба, изображавшая стилизованные виноград-

ные листья. Верхушки были богато украшены резными фигурами листьев аканфа. Карниз, напротив, вообще не имел никаких украшений. В каждом углу зала был поставлен громадный камин.

И хотя сейчас они топились и в них пылал жаркий огонь, в том месте, где стоял киммериец, тепло вообще не чувствовалось.

Трон строители поместили на ступенчатую пирамиду, занимавшую две трети зала. Кроме этого в зале ничего не было. Только на стенах в разных местах были развешаны старое оружие и знамена Сенхоровых предков.

— Ты думаешь, что рассказав мне о том, как ты меня якобы спас от интриг моего придворного чародея, заслужишь мое прощение? И главное, что я вообще тебе поверю? Чувшь! Я уже решил, что ты должен покинуть город! А поскольку ты этого не сделал, поскольку ты набрался дерзости нарушить мой приказ, я прикажу тебя казнить. А если окажется правдой, что ты коварно убил моего драгоценного Сунт-Аграма, так я прикажу разорвать тебя на части дикими быками!

Сенхор хрипло рассмеялся. Его тощее тело затряслось от смеха. От холода он дрожал уже давно, хотя и кутался в меховой плащ.

Конан положил правую руку на рукоять меча и шагнул по направлению к трону, остановившись в тот момент, когда его нога ступила на первую ступень пирамиды. Подняв голову, он взглянул навверх, где сидел высохший старик.

Тот сжался под его взглядом, но отказываться от своего решения видимо не собирался.

— Стража, стража, — заверещал он, посинев от гнева.

* * *

Конан с помощью Соланны сумел незаметно оказаться в тронном зале, чтобы сообщить королю, что произошло. Однако Сенхор не желал слушать никаких объяснений. Он имел свое мнение и ни за какую цену не собирался его менять.

Сенхор снова открыл рот, чтобы закричать. Однако Конан уже был у трона. Он прикрыл рот короля своей огромной рукой и слегка сжал. Сенхор сначала некоторое время пытался бить его по мускулистой руке, но потом вдруг перестал.

Конан отпустил старика, и тот опрокинулся назад на трон. В выпученных глазах короля мелькнул страх, он начал понимать, что сейчас он находится полностью во власти Конана. Король замахал перед собой руками, с которых съехали меховые рукава, как будто собрался драться с Конаном, лиловый цвет на его лице снова сменился на винно-красный. Он захрипел, раскинул руки и его тело безжизненно съехало с трона.

Конан склонился над ним и его глаза встретились с невидящим взглядом мертвого короля. У старика были открыты не только глаза, но и

рот. Конан, видевший немало мертвецов, понял, что случилось. Он поднял тело Сенхора и снова посадил на трон. Руки его он положил на поручни трона, так что мертвый король выглядел как живой.

Киммериец огляделся и двинулся к тайному входу, через который его впустила в тронный зал Соланна. Захлопнув за собой двери, замаскированные под кусок стены, он глубоко вздохнул и длинными мягкими шагами направился к спальне Сунт-Аграма, где должен был встретиться с Соланной.

Открыв двери и войдя внутрь, он на мгновение остановился, прижмурив ослепленные глаза.

— Я рад тебя видеть, — прозвучал от стола знакомый голос.

За столом, опираясь о столешницу локтями, сидел принц Йиршанна. Золотой подсвечник с семью свечами сиял как солнце. Воск капал с него на стол и собирался в маленькие лужи.

Йиршанна, могучий пожилой мужчина, склонный к полноте, расчесал ладонью длинные седые волосы так, чтобы прикрыть лысину на темени. На его лице выделялся длинный клювообразный нос, тонкий кончик которого нервно подрагивал.

— И я приветствую тебя, принц, в обители твоего злейшего врага, — Конан отвесил такой незаметный поклон, что Йиршанна не был уверен, что ему не показалось.

В этот момент открылись другие двери и внутрь проскользнула Соланна, которая несла на большом подносе миску с мясом и высокий

кувшин. Поставив его на стол, она вынула из высокого шкафа три искусно выкованных серебряных бокала и присела к обоим мужчинам.

К кувшину одновременно протянули руки и Йиршанна, и Конан. Киммериец оказался чуть быстрее и налил сначала себе, а затем и остальным.

Соланна положила увесистую порцию жареного мяса на кусок хлеба и приступила к еде. То же сделал и Конан. Только принц не последовал их примеру, а наоборот, отодвинулся от стола с бокалом в руке.

Он смотрел на своих собеседников прищуренными глазами и неторопливо потягивал вино из своего бокала.

— Я приехал сразу же, как только получил известие от вас, — принц решил наконец нарушить молчание, в котором слышалось до сих пор только Конаново чавканье.

Киммериец проглотил огромный кусок мяса, вытер губы тыльной стороной руки и, схватив бокал, глубоко напился.

— Это хорошо, принц, что вы приехали так быстро. Впрочем мы послали за вами еще по пути сюда. Ваше присутствие здесь понадобится нам всем.

Соланна тоже проглотила последний кусок и отодвинула миску.

— Сунт-Аграм мертв, — сообщила она.

— Вы уверены? — задрожал Йиршанна.

— Больше чем уверены, — улыбнулась Соланна. — И Хинневар сюда больше не вернется.

Йиршанна вопросительно посмотрел на Конана. Гигант серьезно кивнул, черные волосы закрыли на мгновение его лицо.

— И не только это, — продолжил он, — действительно очень хорошо, что вы здесь, король Йиршанна. Ваше отсутствие в такое время могло бы повредить вам.

— Отец мертв? — воскликнул принц, который мгновенно понял намек Конана. — Вы его убили?

— Нет, не убил, — опустил голову киммериец. — Но он умер на моих глазах. Он не желал поверить мне, что Сунт-Аграм хотел его убить, и его волнение...

— Так кровь не текла?

— Нет, — энергично покачал головой Конан. — Если его еще не нашла стража, он все еще сидит на троне. И, желательно, чтобы его обнаружили вы, принц. И, если возможно, в присутствии надежных свидетелей.

— Выведи меня из дворца, — принц встал и набросил на свои широкие плечи алый плащ, отороченный мехом полярных волков. — У Тево-нидиса сегодня праздник. Этот бездарный виршеплет Токан должен читать там новую поэму в честь Сунт-Аграма. Я попытаюсь им немного испортить настроение. Оттуда вы снова вызовете меня в замок.

— Нет, так не выйдет, — покачал Конан головой. — Нас здесь еще нет.

— Неважно, — Йиршанна, оправив плащ, направился к двери, — пусть кто-нибудь прибежит

из замка. Главное, чтобы было известно, что я нахожусь в Термезане. А как обстоят дела с войсками?

— Если вы сейчас назначите полководца, ваше высочество, — улыбнулся Конан, — я вступлю в командование армией сегодня ночью или, в крайнем случае, завтра утром.

Соланна уже стояла у стола, расстелив на нем лист бумаги и держа в руках перо и чернильницу.

— Но я не умею писать, только читать, — смутился Йиршанна.

— Я напишу, ваше высочество, — сказала Соланна и села к столу.

Она быстро написала несколько строк и подала перо Йиршанне, который размашисто подписал написанное. Потом девушка капнула немного воска на тесьму и принц сделал оттиск перстня с печатью. Он взял бумагу в руки и вполголоса по слогам прочитал текст, который только что подписал. Утвердительно кивнув, он в сопровождении Соланны вышел из комнаты.

* * *

— Почему ты передал ему власть? — спросила Соланна, опершись локтями о столешницу, на которой высыхали лужицы пролитого вина. — Ведь ты и сам мог стать королем! Достаточно было убрать Йиршанну...

— Такое королевство, как здесь, меня не привлекает, — покачал головой Конан. — Здесь

слишком много аристократов, которые не преминули бы напомнить, что я пришелец, и что в них тоже течет королевская кровь. Нет, — качнул он снова головой и пригладил волосы, — кроме того, я не могу здесь долго оставаться. У меня есть важное дело, правда, оно может подождать до весны, — сказал он многозначительно и улыбнулся. — Сунт-Аграм обвинил меня в том, что я обесчестил принцессу.

— Как мне удалось узнать от служанок, принцесса заболела. И болезнь ее началась как раз в то время, когда погиб Сунт-Аграм. Может, эти события и в самом деле связаны между собой... Но она не беременна...

— Наверное, это тоже были чары Сунт-Аграма...

— Наверное, да, — сказала Соланна, вспомнив как Сунт-Аграм пытался овладеть ею. — Когда ему для каких-то своих планов потребовался ребенок, он появился, а сейчас этот ребенок исчез вместе с ним. Это тоже подтверждение того, что Сунт-Аграм мертв.

— До весны еще далеко, — сменил Конан тему и схватив бокал, допил его.

Потом, широко улыбнувшись Соланне, он протянул к ней свой пустой бокал. Но прежде чем она его наполнила, он сунул руку за пазуху и вытащил оттуда маленький кожаный мешочек. Двумя пальцами ослабив шнурок, он подбросил мешочек так, что он перевернулся и из широко раскрывшегося отверстия выпал сверкнувший камень.

— Звезда Термезана! — с восторгом выдохнула Соланна, хорошенько разглядев ярко искрящийся камень, который Конан держал большим и указательным пальцами.

Он с наслаждением рассматривал камень в солнечном свете, падающем из окна, которое уже освободили от тяжелых темно-красных штор, годами висевших на нем. Радужные снопы солнечных лучей разлетались от камня во все стороны.

— Принц держит слово, — кивнул киммериец и быстрым движением убрал камень в кожаный мешочек.

* * *

Стояло морозное утро. Огромный киммериец, закутанный в длинный плащ, осторожно шел по кривой улочке города Термезан. Снег, выпавший несколько дней тому назад, вчера, в день коронации нового короля, превратился в слякоть. Ночью подморозило, и на всех улицах возникли катки.

Конан присутствовал на торжествах и заодно искал встречи с бароном Тевонидисом. Он не любил чувствовать себя должником. Но барон не появился на коронации и последующей церемонии принесения присяги новому монарху. Поэтому сегодня с утра киммериец отправился к дворцу Тевонидиса. Он знал, что барон находится там, потому что Йиршанна приказал никого

не выпускать из города, пока не пройдет коронация.

При его приближении два воина, сторожившие вход во дворец, отдали Конану честь и освободили проход к маленькой приоткрытой калитке.

— Кто-нибудь хотел покинуть дворец? — холодно улыбнулся Конан.

— Несколько служанок вышли за покупками.

— Это хорошо, — заметил Конан и прошел внутрь.

Во дворце было тихо и холодно.

Конан взбежал по мраморной лестнице на второй этаж и направился к личным покоям барона Тевонидиса.

Он знал расположение комнат. Когда-то, помнится, барон пригласил его на пирушку и не упустил случая похвастаться внутренним убранством дворца, который был известен своей роскошью всему Термезану.

Остановившись перед дверью в спальню барона, он развязал шнурки, придерживающие плащ и сбросил его на пол. Внутри он вошел, положив руку на рукоять меча.

Комната была почти пуста, кроме большой кровати у одной стены и двух больших сундуков у другой, мебели в ней не было. Тевонидис сидел в кресле возле камина, облаченный в парадный мундир, на который он уже не имел права. На коленях у него лежал его родовой меч. Рубин в рукояти меча горел мутно-кровавым светом. Ноги, обутые в высокие сапоги, были вытянуты

к огню. На лице барона играла легкая усмешка, которая, впрочем, почти не была видна из-под пышных усов.

— Я уже думал, — спокойным голосом произнес он, — что ты про меня забыл, киммериец. Должен признаться, мне это было бы неприятно.

— Я никогда не забываю своих долгов и стараюсь всегда возвращать их, — проворчал Конан и обнажил свой меч.

Тевонидис вскочил и встал в позицию. Мечи со звоном скрестились. Бойцы кружили один вокруг другого, стараясь пробить защиту противника. Через несколько минут барон начал дышать громче и на лице его выступил пот.

— Сильно натоплено, — усмехнулся Конан.

— По крайней мере, не умру от воспаления легких, — отрезал Тевонидис и коварным выпадом проверил прочность обороны Конана.

— Ты прав, — хохотнул Конан, — ты умрешь не от воспаления легких.

Резким и очень сильным выпадом снизу он отбил меч барона вверх и, воспользовавшись моментом, горизонтальным ударом перерубил горло Тевонидиса. Голова барона отлетела в угол комнаты, а Конан быстро отскочил назад, уклоняясь от брызнувшей во все стороны крови. Опустив меч, он хладнокровно наблюдал, как обезглавленное тело выронило меч и рухнуло на пол вслед за ним. Киммериец склонил голову и тихо сказал:

— Умер как мужчина, хотя жил не так достойно.

Он вытер меч о лежащую на кровати шкуру и вложил его в ножны.

Затем повернулся и вышел из комнаты. Коридор был пуст, его плащ лежал на том же месте, где он его оставил. Он нагнулся и, подняв плащ, накинул его на себя. Сбежав по лестнице, он задержался у воинов, стороживших запертые ворота.

— Можете выпускать кого угодно, — приказал он, — но никто не должен отсюда ничего выносить. Все это — имущество короля. Внутрь не пускать никого, пока тот не предъявит мой или королевский приказ.

* * *

Король Йиршанна сидел на троне, на котором умер его отец.

Изменилось только то, что Йиршанна приказал обтянуть трон белыми шкурами, так что казалось, будто король сидит на белом облаке, летящем по летнему небу. Длинные седые волосы короля были тщательно завиты, выдающийся вперед длинный нос нервно подрагивал. Лицо Йиршанны покраснело, он увлекся едой за недавно прошедшим обедом и у него начинал болеть желудок.

— Киммериец, — бодро крикнул он, но потом, оглянувшись на пустой тронный зал, махнул рукой и продолжил нормальным голосом, — эй, киммериец, иди сюда, наверх, не будем кричать друг другу.

Конан тремя длинными шагами взбежал на несколько ступенек, составлявших пирамиду, на которой возвышался трон. Теперь он стоял в нескольких шагах от короля и смотрел прямо ему в глаза.

В зале стоял холод, который не могли разогнать даже три большие камина, в которых горели толстые поленья. Йиршанна закутался в тяжелый плащ, который больше подошел бы путешественнику, чем для церемонии приема в королевском дворце.

— Ваше величество? — Киммериец испытующе рассматривал могучего короля, который за месяц своего правления успел сильно прибавить в весе.

— Я бы хотел, чтобы наш союз еще более упрочился, — Йиршанна говорил так приветливо, что это начинало казаться подозрительным. — Я прекрасно понимаю, насколько я тебе обязан, и поэтому предлагаю соединить наши роды самым теснейшим образом. Брачным союзом. Женись на моей сестре, и в качестве ее мужа ты станешь одним из самых достойных аристократов нашего королевства.

Йиршанна замолчал, ожидая, что ответит Конан. В голубых глазах огромного киммерийца нельзя было прочесть ничего. После краткой паузы Конан склонил голову в легком поклоне:

— Ваше величество, — начал он медленно, — я исключительно высоко ценю ваше предложение. Но позвольте мне ответить согласием на него не тотчас же. Я настолько потрясен великоду-

шием вашего величества, что не чувствую себя сейчас способным... — он не закончил фразу. — Все равно мне придется формально просить руки принцессы у вас на одной из ближайших публичных аудиенций.

— Это правда, мой дорогой полководец, — довольно улыбнулся Йиршанна, который был убежден, что ему удалось совершить один из выдающихся политических ходов. — Ближайшая аудиенция состоится послезавтра.

Конан снова слегка склонил голову, повернулся и быстрыми шагами удалился из зала.

Он прошел дворцовыми коридорами в крыло, где до недавнего времени обитал чародей Сунт-Аграм, а ныне часть которого забрала приемная дочь чародея Соланна, а остаток достался Конану. Он спешил так, что плащ развевался в воздухе за ним. Не отвечая на восторженные приветствия часовых, он шел, словно бы и не замечая их.

Войдя в свою комнату, он так хлопнул дверями, что вздрогнули стены дворца. Бросив плащ на пол, Конан расстегнул пояс и вместе с мечом швырнул его на постель. Подойдя к столу, он раздраженным движением схватил кувшин с вином и налил полный кубок, не обращая внимания на то, что вино разлилось по столу. Глубоко глотнув из него, он осушил золотой кубок до дна. Только после четвертого кубка он на мгновение опустил в массивное складное кресло, чтобы через несколько секунд, стукнув кулаком по столу, снова вскочить.

Выбежав из комнаты, он помчался к помещениям, где жила Соланна. Не утруждая себя никаким стуком, он распахнул двери и ворвался внутрь.

Девушка сидела у стола и читала большую и толстую книгу. Она водила по строчкам пальцем и губы ее беззвучно двигались. Казалось, она не заметила громкого появления Конана, или, может быть, не пожелала этого заметить. Киммериец уселся и лишь грохот отодвигаемого стула заставил наконец Соланну оторвать глаза от книги.

— Когда уезжаем? — спросила она тихо.

— С чего ты взяла? — рявкнул Конан.

— Если правда, что мне сообщили слуги, то Йиршанна предложил тебе руку своей сестры. А когда я увидела твою «радость», мне стало ясно, что его предложение не встретило с твоей стороны восторженного приема. Ты хотел уехать весной, уедешь немного раньше... И ты думаешь, что я останусь здесь без тебя, чтобы подвергнуться гневу Йиршанны? Я знаю, — улыбнулась она, — он понимает, как много мы для него сделали, но в тебе он нуждается много больше, чем во мне. Ты его полководец!

— Так что уезжаем оба. Я не настаиваю, чтобы мы ехали вместе, хотя на некоторое время меня твое общество устроило бы. Одинокая женщина в пути всегда подвергается опасности стать жертвой какого-нибудь насильника.

Тут впервые с момента своего прихода Конан улыбнулся:

— Я не уверен, что в твоём случае насильник добьётся успеха, но, конечно же, провожу тебя так далеко, как ты захочешь.

* * *

На другой день рано утром Термезан через южные ворота покинули два всадника. Один, выделявшийся высокой и мощной фигурой, до пят был закутан в чёрный плащ с меховым воротником, капюшон которого прикрывал лицо. Его сопровождал молодой светловолосый оруженосец и три вьючные лошади, нагруженные множеством кожаных мешков.

Двигались они не очень быстро, но видно было, что способны ехать в таком темпе очень долго...

Дорога желтой лентой разворачивалась под копытами скакунов, и, казалось, пути этому не будет конца... Да всадникам, возможно, и не хотелось этого.

Где-то на пятый день, в совершенно неприметном месте посреди леса киммериец внезапно натянул поводья, повел головой, словно приглядываясь к чему-то, и спутница его изумленно воззрилась на северянина.

— Что это с тобой? Чуешь какую-то опасность?

Но варвар лишь загадочно усмехнулся в ответ.

— Да нет... Так, вспомнилось кое-что. Опасность мне обещали, это верно, вот только нашел

ее тот, кто громче всех грозился! — Он хмыкнул и внезапно зло оскалился.

— Знаешь, как говорят старики в Туране? «Тот, кто пугается тени ветра, не живет долго...» А я собираюсь жить как можно дольше! И, помнится, один забытый всеми бог нам это твердо обещал...

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНЬ ВЕТРА

Питер Нейл

Пролог Ветер чародея.....	5
Глава 1 Гнев правителя	17
Глава 2 Ловушка.....	35
Глава 3 Черная башня.....	45
Глава 4 В темнице.....	57
Глава 5 Пленница чародея.....	70
Глава 6 Твари во мраке.....	76
Глава 7 Цепи колдуна.....	93
Глава 8 Битва в ночи.....	104
Глава 9 Свобода.....	111
Глава 10 В дорогу!.....	141
Глава 11 Чары Смерти.....	149
Глава 12 В городе.....	153
Глава 13 Оборотни.....	163
Глава 14 Оршан.....	174
Глава 15 Деревня рыбаков.....	183
Глава 16 Храм Кореддана.....	200
Глава 17 Жрец забытого бога.....	220
Глава 18 Вызов.....	235
Глава 19 Остров Тысячи Ветров.....	251

Глава 20 Ворон.....	268
Глава 21 Соглядатай.....	276
Глава 22 Святилище.....	287
Глава 23 След чародея.....	299
Глава 24 Охотники и жертвы.....	319
Глава 25 Золотой жрец.....	330
Глава 26 Долгая дорога домой.....	347
Глава 27 Тени в пустыне.....	354
Глава 28 Конец короля.....	377

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
А. СКИРЮК

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастическую эпопею

Константина Бояндина

РАДИОН

читайте первые книги цикла:

Осень прежнего мира
Пригоршня вечности
Ветхая ткань бытия
Смутные тени судьбы

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Нейл Питер

Конан и тень ветра

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛЕ № 32 от 10.01.01.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 232.

Республиканское унитарное предприятие

«Полиграфический комбинат им. Я. Коласа».

220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56
КОНАН И СКАЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МОЛНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И САБА ИСПОЛНИЧА 63
КОНАН И СЛУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68		
КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72	КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73		

ISBN 5-17-012872-X

9 785170 128723